

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
Литературно-художественный журнал

№ 3 2023

16+

Валентина Соболева – в роли
Ольги Сократовны
Чернышевской

Валентина Соболева – Анна Каренина

16+

XXI ВЕК

ВОЛГА

№ 3 2023

Литературно-художественный журнал

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- А.Ю. Аврутин** – член Союза писателей Беларуси (Минск)
А.А. Бусс – член Союза писателей России (Саратов)
В.И. Вардугин – член Союза писателей России (Саратов)
Е.А. Грачёв – член Союза писателей России (Саратов)
Д.Е. Кан – член Союза писателей России (Оренбург)
В.В. Ковалёв – член Союза художников (Рига)
О.И. Корниенко – член Союза писателей России (Сызрань)
М.А. Лубоцкий – член Союза писателей Москвы (Саратов)
В.Д. Лютый – член Союза писателей России (Воронеж)
Е.Н. Манова – директор музея Н.Г. Чернышевского (Саратов)
А.Н. Тимофеев – член правления Союза писателей России,
председатель Совета молодых литераторов Союза
писателей России (Москва)

САРАТОВ
2023

№ 3 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТОГРАД

Анатолий АВРУТИН. **Всем ведомо: в начале было Слово...** 3

СТАТЬИ

Вячеслав ЛЮТЫЙ. **Одиночество свидетеля** 9

ОТРАЖЕНИЯ

Наталья РОМАНОВА-СЕГЕНЬ. **Один на один** 16

ПОЭТОГРАД

Руслан КОШКИН. **Ангел покоя** 30

ОТРАЖЕНИЯ

Алексей СОЛОНИЦЫН. **Евразиец (Окончание)** 36

СОВЕТ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ

Светлана АМБРАСОВСКАЯ. **Мелодия простых вещей**. 84

Евгений МЕЛЬНИКОВ. **Отблески встреч** 89

ОТРАЖЕНИЯ

Виктор БИРЮЛИН. **Но я не грущу** 93

ЮБИЛЕЙ

«Поэзия должна помогать людям жить...» *Интервью с Игорем Шведовым*.103

ПОЭТОГРАД

Игорь ШВЕДОВ. **И жизнь, и смерть — одна и та же нить**...108

Оганес МАРТИРОСЯН. **Воспоминание о настоящем**113

Алексей НИКИТИН. **Сад памяти**117

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕННАДИЯ КАСМЫНИНА

Любовь ЧИРКОВА. **«Я вспоминаю Волгу часто...»**123

Геннадий КАСМЫНИН. **Лети, лети, степная птица...**127

НА ВОЛНЕ ПАМЯТИ

Виктор КРЕСТОВ. **«Своё сердце я отдала искусству...»**130

ЮБИЛЕЙ

Николай ПОЛОТНЯНКО. **Скромная отшельница и симбирский ветрогон**147

РЕЦЕНЗИИ

Эдуард АНАШКИН. **«Молитвенное слово...»**188

Елизавета МАРТЫНОВА. **Время в янтаре**190

**Анатолий
АВРУТИН**

ВСЕМ ВЕДОМО: В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...

ДИПТИХ ЛЮБВИ И ПЕЧАЛИ

1

Пришло и пропало... Здесь я никому не судьба...
Сегодня листва разлеталась уныло и шало...
Давно затоптали бессмысленный путь Бытия,
И что-то пропало... Немедленно что-то пропало.

Унылая осень сочится мне за воротник,
Ворота скрипят по-особому – нудно и ржаво.
Промокший листочек к оконцу бессильно приник,
И к женскому плачу бессильно приникла держава.

Куда эти птицы? И вправду, куда вы, куда?
Зачем, откурлыкав своё, до весны улетели?
Вдоль ржавого поля давно не идут поезда,
И чёрные вороны рыщут по белой метели.

А чей это посвист? А чей этот жалобный крик?
Неужто за грязным окном затаилось живое?
О чём это шепчет угрюмый небритый старик,
Всем видом напоминая о волчьем, простуженном вое?

Шагну осторожно... Старик мне в глаза поглядит.
Стук взгляда о взгляд... Даже что-то во мгле замелькало.
И голос отца всё слышнее теперь из-под плит,
А маму не слышно... А мама ушла – и пропала...

-
- Анатолий Юрьевич Аврутин родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор двадцати четырёх поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде, нескольких книг переводов, лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России, международной литературной премии им. Марины Цветаевой и многих других. Обладатель премии «Золотой Витязь». Академик Международной Славянской академии литературы и искусства (Варна, Болгария), главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Указами Президента Беларуси награждён орденом Франциска Скорины (2019), а также одноимённой медалью (2009). Название «Поэт Анатолий Аврутин» в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

Я мог бы за ней полететь, но не знаю, куда...
 Всё чёрное в белом – все белое нынче надели.
 Снежинки кружатся, чтоб вскоре уйти навсегда,
 И сгинет Отчизна средь чёрной вселенской метели.

2

Есть лишь свеча и руки... Всё остальное – тлен,
 Всё остальное – мука, сдавленный крик в ночи.
 Нет ничего светлее этих твоих колен,
 Нет ничего багряней, чем огонёк свечи.

Нынче слезам – раздолье. Хочешь не хочешь – плачь.
 Нынче последний пряник, завтра последний крест.
 Сам себе утешитель, сам себе и палач...
 Нет ничего угрюмей этих забытых мест.

Кто ты? В какие сроки кончится этот бред?
 Не за грудки – за сердце брата хватает брат.
 И на мольбы и стоны есть лишь один ответ:
 Павшие не осудят, мёртвые промолчат...

Вот и глядим, как в небе красным горит луна,
 Как одичалый сумрак к женской слезе приник...
 Светят твои колени... Колется тишина...
 Всё остальное в мире – только прощальный миг...

Птица русского слова

1

Вновь пламень и пепел... Не выйти из сечи,
 Где вражий клинок тебе целит в живот.
 Но отзвуки русской спасительной речи
 Доходят до сердца с загробных высот.

Напрасное время... Тоска и усталость,
 И некому нас от беды уберечь.
 Почти ничего-то у нас не осталось –
 Одна лишь великая русская речь.

По-русски хрипящие снова и снова
 Встают, чтобы с Пушкиным рядом стоять.
 И тупятся сабли о русское слово,
 И враг по своим начинает стрелять.

Пусть вороны гибель им злобно пророчат!
 По-русски умея сносить неуют,
 По-русски рыдают, по-русски хохочут,
 По-русски победные песни поют...

Потомки опричнины и Пугачёва
Взошли из земли, чтобы в землю и лечь.
Лишь только бы слышалось русское слово!
А дальше?.. А дальше хоть голову с плеч.

2

Всем ведомо: в начале было Слово,
И лишь потом вселенский гул возник.
Но Слово то – всему первооснова:
И замыслу, что дерзок и велик,
И царскому высокому указу,
И записям немого чернеца,
Что начертал единственную фразу,
Не описав сраженья до конца.
В том Слове русском, Слове исполинском
Смешалось всё – молитвы горький ком,
Истошный стон на поле Бородинском,
Истошный вой на озере Чудском.
То Слово и казнило, и прощало,
С ним лёд под крестоносцами трещал.
И было в Слове – Родины начало,
А Родина – начало всех начал.
Вобрало Слово первое признание,
Последний гвоздь из смертного креста.
«Не укради!..» – начертано в «Писанье».
И «Не убий!..» – отвечают уста...
Всё молвлено... И всё вокруг не ново.
Как в чёрный омут канули века.
Но если есть и Родина, и Слово,
То есть и дом... И память... И строка...

3

Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.

А казалось – Батыи
Всех чёрных эпох
Закопытили ширь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...

Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу... Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.

Тяжелы были мысли.
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый.

Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал. Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил: огради
Птицу русского слова...

Горизонт непонятным
Свеченьем объят.
На Руси под гортанные крики
Нынче русские русским по-русски велят
Знать другие языки.

4

Не умею сказать по-французски
Ни «природа», ни «блузка», ни «лес».
У француженок яркие блузки,
Видел всяких – и в блузках, и без.

Всё блуждается в том полудетском
Воспрятье... Что Бог триедин,
Не умею сказать на немецком,
Хоть мы некогда брали Берлин.

Не умеешь. Не знаешь. Не видишь.
О, словесности водораздел!
Ни иврит мне неведом, ни идиш,
И английского не одолел.

Всё на русском... Конечно же, плохо
Помнить лишь «камарад» и «капут»!
Но, когда озверела эпоха,
Только крикни: «Ура!» – и поймут.

5

Все ничейно... Поля? – Вот те на...
А по-русски выходит «поляна».
И высокое слово «страна»
На две трети читается: «рана».

Сердце Родины. Ширь да подзол.
Хоть в «подзоле» всё чудится злое.
Это кто к нам с небес снизошёл?
«Снизу шёл»... Остальное пустое.

Всё рыдали княжны в теремах,
Расшивали рубакам рубаху.
Ох, Владимир ты свет Мономах,
Что ж преемники дали-то маху?

Сколько взгляд ни мечи из-под век –
Лишь устанут набрякшие веки,
А тут всё не поймёшь: «человек» –
О челе или, может, о веке?

Так вот, мучась, уйдём навсегда
В мир, где больше ни боли, ни бреда.
Помня: русское слово «беда»
Всё ж две трети от слова «победа».

6

Сын русского слова, внук русской словесности,
Мне русская мука – молочная мать.
Зубами скриплю, угасая в безвестности,
Словами давлюсь, не умея смолчать.
Где нету моста, прошагаю по жёрдочке,
Где птицы умолкнут, там я запою...
Словцо нацарапав на треснувшей форточке
Гвоздём, начинаю поэму свою.

По-русски сомненьями тягостно мучиться,
От русской печали хватив «первача».
...И кто там бредёт, будто хворая утица,
Крыло, что сломали, едва волоча?
А кто там поёт, как свирель одинокая,
По-русски тоску вознося в небеса,
То «акая», то умилительно «окая»,
Немного по-скифски прищулив глаза?

А это Отчизною мучиться велено
Тому, кто по-русски поёт о Руси.
И русская музыка русским навеяна,
Всё стонет, веля: ни о чём не проси!
И я не прошу... Ничего, что попрошено,
Ни счастья не даст, не спасёт в свой черёд.
В сугроб упаду... И пусть русской порошею
Безвестный мой след навсегда заметёт...

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Кольшущий зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее
Такою ненастной порой
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь: все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук.

Закричу... Неотзывчивы ныне
Эти дали и эти леса.
Смолкли в сумрачной белой пустыне
Обезумевших птиц голоса.
Но среди поседевшего мрака,
Где ни возгласа и ни огня,
Что-то ухнет... Залает собака...
Может, это хватились меня?

Стылый воздух причудливо горек.
С губ слизнув леденящую бель,
Через силу взберусь на пригорок –
За пригорком всё та же метель.
Чиркну спичкою... Жалко, погасла,
Пальцы еле заметно черня.
Всё стою, всё гляжу понапрасну –
Может, где-то хватились меня?

И в молчанье метелицы белой –
Злой предвестницы чёрных разлук,
Всё мне чудится звук оробельи,
Из молчанья родившийся звук.
Он растёт, согревая невольню
На исходе пропащего дня.
Может, это набат колокольный?
Может, это хватились меня?

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта
Анатолия Юрьевича Аврутина с юбилеем!**

**Вячеслав
ЛЮТЫЙ**

ОДИНОЧЕСТВО СВИДЕТЕЛЯ

Мировосприятие в стихах Анатолия Аврутина

*А где-то в вышине
Журавлик тихо пролетел,
Не зная обо мне.*

Анатолий Аврутин

1

Как известно, поэт – фигура одинокая. Такая душевная организация изначально заложена в природе его дарования. Внешне он может быть даже навязчиво общителен, шумен и громогласен, однако внутреннее невольное отшельничество всегда настагает его с особой остротой в минуты, когда он безуспешно старается воссоединиться с поэтической стихией и обратить её в конкретные слова. От этого никуда не уйти, зато мгновения творческой свободы и чуткое управление порывами «художественного ветра» делают поэта счастливым, и мрачный провал между ним и всеми остальными людьми чудесно исчезает. Подобное первичное свойство поэтического таланта совсем не подразумевает одиночество и даже изгойство как абсолютные характеристики, неотделимые от облика творческой личности. Художник может вести речь о бедах или о красоте социального и природного мира, входить в детали чужой жизни и быть участником каких-

-
- Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Публиковался в журналах «Детская литература», «Подъём», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Дом Ростовых», «Волга-XXI век», «Приокские зори», «Странник», «Огни Кузбасса», «Берега», «Родная Ладога», «Невский альманах», «Сибирь», «Аргамак», «Новая Немига литературная», «Простор», «Гостиный Дворь». Автор нескольких книг о современной литературе: «Русский песнопевец» (2008), «Терпение земли и воды» (2011), «Сны о любви и верности» (2014), «Предназначение» (2022). Лауреат премии журналов «Подъём» «Русская речь», «Русское эхо» (2009), «Аргамак», альманаха «Ковчег», премии Общественной палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры», общероссийской премии по литературной критике «Русское эхо», премии Союза писателей России «Слово-2017», «Кольцовский край». Лауреат сайта «Российский писатель» (дважды), газеты «День литературы». Награждён медалями им. В. М. Шукшина, Ф. И. Тютчева. Член Союза писателей России, председатель Совета по критике Союза писателей РФ. Живёт в Воронеже.

то событий, давних или будущих, он может растворяться в любви к женщине, которую называет единственной. Полотно его личного бытия, переплетая метафизику с бытом, увидится читателю широким и плотным. А если в нём возникают какие-либо прорехи, то они продиктованы конкретными обстоятельствами и не носят характера некоего обобщения.

Отдаю себе отчёт в таком вполне распространённом порядке вещей, но замечу, что одиночество как бытийная принадлежность того или иного поэта оказывается его сугубо индивидуальной чертой. Не у всякого автора названная характеристика душевного устройства проникает непосредственно в стихи. Но когда слова об одиночестве и соответствующая смысловая окраска его лирической истории, внешне изменяясь, а внутренне являясь чем-то постоянным, присутствуют в произведениях художника в течение долгого времени, а порой и на протяжении всего большого творческого пути – это серьёзный повод всмотреться в его строки и понять, каковы же взаимоотношения поэта с историей, людьми, пространством и временем, с женщиной и со своим прошлым..

Совершенно неожиданно обозначенные задачи возникают перед внимательным исследователем творчества Анатолия Аврутина. Сборник его избранных стихотворений «Временная вечность»¹ оказывается тем литературным материалом, в котором внутреннее одиночество предстаёт едва ли не самым важным ключом к пониманию всех иных свойств поэта, чьи строки помогают нам понять настоящий день и осмыслить минувшее. Притом неправильно видеть автора фигурой обездоленной, у которой отнято всё дорогое и жизненно важное. Всё это в земном бытии у поэта, очевидно, есть – хотя здесь же присутствует незримая и неосязаемая преграда, она мешает ему слиться воедино с Родиной, любимой, временем, людьми, родителями.. Многие сюжеты Аврутина обладают странным качеством: как будто пишущий наблюдает за событиями со стороны, а его роль в происходящем – не участника, но соглядатая. Одновременно он всей душой стремится стать частью окружающего мира, вложить всю силу своих рук и сердца в правильное движение и сопряжение предметов и явлений, но какой-то запрет или роковая невозможность властно дают о себе знать и порождают в нём глухую тоску, которая порой переходит в отчаяние.

*Всё – поздно, всё – не так...
Все спутаны понятия.
Я в зеркало гляжу –
но нету там лица.
И Родину успел и друга потерять я,
и чёрной полосе
не видится конца.
Ко мне не подходи –
дразнить меня не стоит.
Я загасил очаг, забыл отцовский дом.
Коснись меня перстом –
и волк вдали завоет...
Но если я любим,
коснись меня перстом...*

¹ Аврутин А. Ю. Временная вечность. Избранные произведения. – Минск: Мастацкая літаратура, 2022.

Исчезающий клин журавлей, разлука с возлюбленной и родным домом, горе и беда, поселившиеся во многих местах Отчизны – во всех подобных картинах и обстоятельствах присутствует неизбываемая горечь оттого, что изменить хоть малую долю печального внешнего распорядка лирический герой не в силах. Перед нами, кажется, почти экзистенциальная изоляция собственного «я» поэта. Однако его внутреннее неустройство не превращается в доминанту поэтической речи, автор не окутывает читателя сумеречным облаком своей горести, но всеми силами пытается показать красоту реального мира, чистоту человеческого сердца, которую никакая тёмная инстанция не может загасить или замарать окончательно. Художник хочет защитить красоту и подлинность благородных поступков, уберечь дивную гармонию неба и земли, простор поля и затаённость леса – от безжалостного разрушения, а неразгаданную глубину русской истории – от безоглядного поругания.

2

Изобразительный ряд в стихах Анатолия Аврутина естественно сочетает вещи натуральные и мистические, которые могут возникать в строке – вполне отчётливо или едва уловимо. Аврутин по деталям своих лирических историй – художник очевидно реалистический. Но духовная основа множества его стихотворений носит неустранимо метафизический характер. Более того, в корпусе его произведений есть стихи, которым свойственна как будто бы и совсем другая, не «аврутинская» проблематика. Взаимоотношения родового, общего и христианского, личного – это, скорее, из художественной «вселенной» Юрия Кузнецова. В свою очередь, миф у Аврутина нечасто воплощается самодостаточным образом (как у его старшего собрата). Он насыщает стихотворения своим дыханием исподволь, и почти всегда как важнейший элемент включает отношение автора к изображаемому. Причём в одних случаях лирический герой «отходит» от событий, в других – «присоединяется» к ним, но не является их непосредственным участником, исключая, быть может, вещи биографического характера, где коллизии всё-таки отодвинуты от «соглядатая» временной дистанцией.

У Аврутина признаки рода сближаются с очертаниями общего и семейного, тогда как всё христианское становится внутренним переживанием, феноменом скорее психологическим, нежели отражающим нравственные императивы личного спасения. Лирика поэта целиком и полностью привязана к чувствованиям, а не к осмыслению времён и явлений, при том что «рядомстояние» старого-старого и относительно нового в его поэзии совершенно неотделимо. У Аврутина мы подходим к духовному сочетанию родового и православного как бы невзначай, когда сама жизнь заставляет alter ego автора мучительно томиться, склоняясь то к одному, то к другому началу. И в таком контексте Аврутин не концептуальный поэт, в отличие от Юрия Кузнецова. Но иное было бы невозможно, поскольку «поэзия чувства» и «поэзия мысли» плохо сочетаются друг с другом.

*Ветер в окошко стучал то и дело.
Долго судьбе я протягивал руки,
Долго с деревьев листья не летела,
Долго судьбе не хотелось разлуки.*

*Долго рыдалось... И слышалось долго,
Как за деревьями мечется птица.*

*В тучах прорезалась узкая щёлка,
Месяц пролился на бледные лица.*

*Ворон поёжился... И задрожала
Влага на тронутых перлом подкрыльях.
Было здесь белому белого мало,
Чёрное сделалось чёрною пылью.*

*Не понимая, что случилось со мною,
Брёл я... И мучился, не понимая,
Что задыхал мой отец под землёю,
Встал и побрёл, корневища ломая.*

*Так и бродили мы... Я – по дороге,
Он – под землёю с извечною тростью.
Еле держали разбитые ноги,
Жутко скрипели усталые кости.*

*Ну а потом прекратилось и это...
Брызнула с веток крикливая стая.
Скрикнули ставни... А после, с рассветом,
Враз облетела листва золотая.*

Экзистенциальное одиночество Аврутина исчезает, когда он окидывает взглядом историю, своих родных, русский пейзаж или картины воспоминаний о давнем. Лирический герой его стремится быть частью этого прошлого и настоящего, почти не задумываясь о будущем – земном будущем и небесном житии, мысль о сочетании рода и отдельной души не укладывается в его сердце. Не потому, что сам он – против того: просто он не ведает, как это сделать, как вырваться из капкана, метафизически установленного между этими космическими началами.

Если посмотреть на «родовое» в свете реальных событий, то в это смысловое поле помещается вся отечественная история. Только по отношению к ней родовое начало менее отчётливо и присутствует в жизни неназываемо, но – не исчезая совсем. Похоже, в нас живёт и личное сознание, привязанное к христианскому императиву и наставлениям, – как-то обиходно, почти по-бытовому. В результате подобной неопределённости возникает душевная маета русского человека, вынужденного разрываться между общим и индивидуальным. Каким должен быть выход из названного межееумочного положения, с уверенностью сказать нельзя. Тем более что это задача не поэзии и не литературы как таковой, а скорее философии.

В поэзии Анатолия Аврутина мы видим портрет современного человека, чуткого к душевным переменам и состояниям. Заметим: человека русского. В таком уточнении ещё раз проявляются незримая власть и присутствие родового в земном мире, где слова не всё объясняют. Зато чувства и природная интуиция подсказывают нам не рациональные формулировки, а поступки и глубинное, подлинное отношение к происходящему вокруг нас и с нами.

3

Стоит обратить внимание на примечательное обстоятельство, которое сопутствует перемещениям лирического героя Аврутина – как в физическом пространстве-времени, так и в духовном континууме. Обращаясь к истории

народа и государства, приближаясь к своим биографическим вехам и как бы «фотографируя» мгновения любви, поэт всякий раз показывает предметы и само место происходящего в несколько отчуждённом освещении. Они как будто специально выделены автором, их смысл и роль в мизансцене заметно драматизированы, часто им придаётся почти роковая смысловая окраска. Как уже упоминалось, рассказчик к этим приметам внешнего мира «присоединяется» или «отходит» от них, отчуждаясь от воссоздаваемой им действительности в ещё большей степени и никогда не становясь её естественной частью. В таком показе окружающей среды и скрытых душевных движений присутствует ракурс отдельно стоящего, или парящего над землёй, или невидимо присутствующего свидетеля, и он как будто поверяет во многом отделённую от него Вселенную – законами любви, правды, справедливости, милосердия. Ретроспектива мира, куда неведомо как попал лирический герой, вызывает его удивление, содрогание, горькое сожаление и понимание того, что в развернувшейся картине, кажется, ничего невозможно исправить. Он словно пришелец из другого измерения, из старого века и другой страны и не может быть участником происходящего, но порой всем сердцем стремится примерить на себя эту роль.

*Этот мир, мучительный и грешный,
Эта в боль струящаяся даль...
Всё пройдёт... И я пройду, конечно,
Как проходят август и печаль.
Как слепец проходит возле края
Бездны, до которой полруки,
Как проходит женщина босая
Через луг, а дальше напрямки.
Всё пройдёт... И горечь под гортанью...
И любовь... И этот сизый дым.
Непременно станет синей фанью
То, что было поздним и ночным.
Будет даль... И будет свежий ветер
Гулко дуть судьбе наперерез,
И кого-то снова не заметят,
Что прошёл... И в сумерках исчез.*

Есть только две позиции, которые являют нам героя действующего, стремящегося переустроить сложившийся порядок и восстановить реальность, что всё ещё живут в его потаённом космосе. Это любовь и русская речь – чувственное и духовное отражения человека, они позволяют ему ощутить собственную полноту. Но всякая попытка восстановить сердечный порыв, пережить вновь любовное единение в стихах Аврутина является лишь горьким подражанием прошлому, но не волшебным ключом, способным изменить зрение и вернуть лирическому герою утраченную гармонию. А ведь надежда на строительное начало такого пути была велика, и она не гаснет совсем, но если разгорается в очередной раз – то уже с некоторым оттенком обречённости.

*Время такое... Неясны сроки,
Ужасам нет конца.
Даже когда небосвод высокий,
Не открывай лица.*

*Даже когда золотые звуки
Плещутся у щеки...
Даже измученным от разлуки
Не подавай руки.*

*Всё позабудь... Пусть темно и темно
Ближний уйдёт во тьму.
Даже когда он взлетает в небо,
Не прикаснись к нему.*

*Ну, а минуты твои превьются,
Замертво рухнешь ниц,
Ближние губ твоих не коснутся
И не откроют лиц.*

Совсем иначе складываются взаимоотношения alter ego поэта с русским словом. Здесь мы сталкиваемся, наверное, с наиболее живой и органичной формой диалога автора с олицетворённой родной речью, которая превращается в образ его постоянного собеседника. Не тайный голос неведомых глубин сознания, удручённого тяжкой памятью и скорбью, а говорящая сила, что сможет отодвинуть и отразить все угрозы миру. Победительная или медлящая с ответом, кажется, замершая промыслительно на какое-то время, эта непостижимая инстанция никогда не упоминается поэтом с упрёком, обвинением, неверием в её могучие тайные свойства. Тем более у него не найти гневного или иронического пренебрежения к русскому языку, что так свойственно нашим откровенным внешним недругам или Иванам, не помнящим родства.

*Этот рокот вселенский.
Мрачны небеса.
На душе пустота... Только снова
Белоснежным крылом ослепляет глаза
Птица русского слова.*

*А казалось – Батыи
Всех чёрных эпох
Закопытили шифь, затоптали.
Знали, слово – основа, за слово – под вздох,
Пусть подохнут в печали...*

*Только в келье строчил
Неизвестный монах
Книгу жизни, что зла и сурова.
Не за харч, не за славу...
Чтоб взмыла сквозь страх
Птица русского слова.*

*Тяжелы были мысли...
И жить – тяжело.
Жалкий лучик пустив сквозь бойницы,
Солнце тысячи раз за деревья зашло...
Он писал, яснолицый...*

*Выцветали чернила,
Болело в груди.
Кровью харкал... Знал – нету другого.
И молился, и Бога просил: ограда
Птицу русского слова...*

4

Анатолий Аврутин – поэт чрезвычайно широкого тематического диапазона. Его лирические сюжеты заставляют читателя пережить коллизии давних времён, увидеть внутренним взором послевоенную Россию, почувствовать драматизм русского житейского уклада, ощутить полынную горечь постсоветских десятилетий отечественной истории и замереть, перечитывая строки о любви.

Девяностые годы минувшего столетия подтолкнули нашего человека к душевному обособлению и чувству самодостаточности, теперь же множество русских одиночеств стремится вырваться из собственного ментального плена. Потому мировосприятие этого автора вызывает эмоциональный отклик даже в профессиональной литературной среде, а сам он по праву может считаться одним из главных художественных свидетелей своей эпохи.

**Наталья
РОМАНОВА-СЕГЕНЬ**

ОДИН НА ОДИН

*Истинное величие народов основано
не на богатстве, а на возвышении духа, способного
к великим предприятиям, и на твёрдости
характера, готового ко всем жертвованиям.
Народ, не имеющий сих качеств, не может
достигнуть высокой славы и могущества.*

Михаил Захарович Третьяков

Бескрайние российские просторы. Душе свободно в них и вольготно. Особенно в Сибири. Летай, душенька, сколько вздумается. Порхай, витай, пари, мчись! Только живи!

Лобанов ехал на своём стареньком, потрёпанном «Урале» из деревни, коих немало рассыпано по территории широкой Сибири. Круглый год он не вылезал из-за баранки бортовой машины. А в зимнее время подрабатывал тем, что возил дрова. К Лобанову часто обращались за помощью. Денег он не драл. А иногда и вовсе отказывался их брать, если только за солярку.

– Свои люди – сочтёмся, – говаривал он.

Он умел зарабатывать деньги на предприятиях, где всю жизнь работал водителем. Но у своих, да и вообще в частном порядке стеснялся требовать. Перетапывался с ноги на ногу, мял ушанку в руках, почёсывал затылок, когда речь заходила об оплате.

– Сколь? – спрашивали его.

– Нисколь, – отвечал Лобанов.

– Как нисколь? Говорю, сколько?

– Сколько, сколько... Сколько дашь.

– Это несерьёзно. Я ведь могу и рупь дать.

– Ну и дай рупь.

Лобанов не кокетничал. Он действительно думал, что помогать за деньги постыдно и унижительно. Да и как брать их, если один норovit рыбой завалить, другой мяса даст увесистый кусок,

-
- Наталья Владимировна Романова-Сегень родилась в 1975 году в селе Леуши Кондинского района Тюменской области. В 1978 году семья переехала в Первоуральск. Окончила Уральский государственный педагогический университет, факультет социальной педагогики и социальной работы, и Литературный институт имени А. М. Горького. Работала учителем географии, экскурсоводом. Автор романов «Гефсиманский сад», «Великийстряпчий», биографического исследования жизни великой княгини Елизаветы Фёдоровны Романовой «И земная, и небесная», сборника рассказов «Рецепт хорошего настроения», а также множества рассказов и повестей. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

третий картошку поможет выкопать. Но когда Лобанов покупал себе машину, то пришлось подзалесть в долги. Поэтому после такой внушительной покупки приходилось подрабатывать, отдавая долги. Тут и стали появляться новые клиенты – знакомые знакомых, которые были наслышаны про то, что Лобанов не берёт лишнего. У своих же он по-прежнему отказывался получать оплату.

– В следующий раз больше ничего не привезу! – грозился водитель, когда ему норовил дать денег хороший знакомый.

– И меньше не привози, – усмехался приятель в ответ.

Этим вечером Лобанов ехал из деревни, которая стояла вдали от трассы. Напарник по работе Васька Гуляев попросил его привезти тётке дрова.

– Холодная нынче зима, – вслух произнёс Лобанов, крепко сжимая руль внедорожника тяжёлого класса. И добавил радостно: – А в кабине хорошо, тепло.

Он закурил. Пришлось приоткрыть окно. Ворвавшейся струёй крутого, морозного воздуха обожгло лицо.

– И впрямь нынче морознее обычного, – подивился шофёр.

Студёной зимой Сибирь не удивишь. Но в этот год его высокоблагородие генерал Мороз побил все рекорды.

– Побокую мороз, я в Сибири рос! – вспомнил Лобанов поговорку. Тотчас влёт добавил и вторую: – Напугали медведя мёдом, а сибиряка морозами!

Лобанов не мог себе представить, как живут люди без холодов, снегов, метелей? А ведь живут как-то, даже не подозревая, что суровый климат закаляет, делает сильнее, крепче и выносливее. А сибирский тем более. Сибирь – родина Лобанова. Он любил её всей душой. Даже на вопрос: «Русский?» – он отвечал: «Сибиряк».

К зиме у сибиряков почтительное отношение. Нельзя быть с ней «на ты». Поговорки поговорками, но не прощает зима, когда ею пренебрегают. В таких рассуждениях Лобанов наматывал очередной километр на спидометр. Он впервые ехал по этой заснеженной дороге. Туда, где ждали дрова гуляевские родственники, ему пришлось добираться другим путём, знакомым. Сейчас же, когда он возвращался домой, маршрут пролегал в иную сторону, но как доехать до своего дома, Лобанов приблизительно знал.

Да и как тут заплутаешь, дома-то?..

Иссиня-чёрный вечер подчинил себе всё. Ни зги не видать. Фонарей здесь отродясь не бывало. Зато имелись фары, высвечивающие Лобанову путь. Кати себе и кати на своём большегрузе. Кругом снега. И тишина. «Покойная тишина», – как говорила его бабушка Степанида Романова. Он её почти не помнил. Мал был ещё. Самое отчётливое – её смерть. Бабушку убило грозой. Она с дочерью и маленькими внуками пряталась от ядрёного ливня под деревом, а гроза аккуратно попала в него и напрямик в Степаниду. Мальчики с матерью закапывали её по горло в землю, думая, что это поможет, но не помогло. Бабушка умерла. Давно не был у неё на кладбище. А она снилась ему намедни. Но в эту пору не подобраться ни к могиле, ни к самому старенькому погосту – всё снегом замело.

Лобанову вдруг стало жутко. Чего это, на ночь глядя, он о кладбище думает? И тишина, до этого казавшаяся спокойной, стала видаться тревожной.

Пейзажи зимней тайги веками воспевали живописцы, но сейчас деревья чёрного леса, высвеченные фарами, походили на зловещие фигуры с тянущимися, острыми, настырными руками-ветвями. В одном месте дорога резко сужалась, и ветки стали хлестать по машине. Сквозь приоткрытое окно одна

из веток словно молния ворвалась в тёплый, уютный мир кабины и дерзко хлестнула Лобанова по лицу.

Это было так внезапно, что водитель зажмурился и невольно вскинул левую руку, оторвав её от руля, чтобы защитить лицо. И в следующий миг в нескольких метрах перед машиной... Лобанов даже не сразу сообразил, что это – так внезапно возникшее перед его взором. Резким движением ступни он нажал на педаль тормоза и давил на неё, давил что есть силы, пока грузовик не остановился. Водитель даже вспотел – так силился остановить машину. Лобовой атаки не случилось. Большегруз застыл в нескольких шагах от уродливого железного квадрата.

Лобанов вытер тыльной стороной ладони капли пота, проступившие на лбу. А ветка всё-таки успела его царапнуть. По виску струился ручеек крови. Он пристально глядел в то, что было за лобовым стеклом его великана. Квадратом оказалась легковая машина, которая стояла поперёк дороги, преграждая путь.

Утирая кровь, Лобанов выпрыгнул из кабины. В паре метров от него стоял полубоком изувеченный автомобиль, являя собой угнетающее зрелище. В машине кто-то находился. Люди!

Он кинулся к легковушке. На водительском сидении с запрокинутой головой, в неестественной позе полулежал мужчина. Его гибель очевидна. Всё же Лобанов попытался открыть дверцу. Она не поддавалась. Заклинило. Не удивительно, так как передняя часть легковушки была, что называется, всмятку. Лобанов бросился к противоположной дверце, висевшей на одном волоске. Рядом с водителем сидела женщина, наклонившись вперёд. Лобанов осторожно откинул её. Вся в крови. Никаких признаков жизни. Тем не менее он принялся её тормошить.

– Вы живы? Скажите, вы живы? Да скажите хоть слово!

Женщина молчала. Лобанов попытался ухватить пульс. Без толку. Он и сам понимал, что люди в машине мертвы, но хотелось ошибиться. На заднем сидении он ещё обнаружил человека – женщину преклонных лет. Видимых повреждений у неё не наблюдалось. Мёртвая старуха сидела с распахнутыми глазами, наклонив голову. Лобанов закрыл ей глаза. «Лицо-то тепло! – подумал он. – Значит, авария произошла совсем недавно».

Ему захотелось покурить. Мощный свет противотуманных фар его грузовика заставлял жмуриться. Лобанов достал пачку из кармана. Чиркнул спичкой, раскурил папиросу. Огонь осветил руки. Они были в крови. В крови той женщины, что сидела рядом с водителем. Лобанов зачерпнул пригоршню снега и принялся смывать кровь.

Старательно сохраняя спокойствие, он обошёл легковушку. Выкурил одну за другой три папиросы, размышляя, что делать дальше. Авария произошла недавно. Это факт. Ехали, по всей видимости, в том же направлении, что и он. Как произошла авария? С кем столкнулась легковушка? Где тот, с кем она столкнулась? Куда он делся? Наверное, поехал в ГАИ. Другого объяснения Лобанов не мог допустить. Конечно, он поехал в ГАИ, предчувствуя, что навряд ли до утра появится какой-либо транспорт, чтобы отправить водителя сообщить о происшествии. Не знал ведь тот, кто столкнулся с этой легковушкой, что следом поедет он, Лобанов, и может сообщить в автоинспекцию. Чего бы он, тот водитель, причастный к аварии, стал здесь дожидаться? Всё правильно: поехал доложить о случившемся. Скоро приедет обратно с автоинспекторами, которые во всём разберутся на месте.

И, сделав вывод, что без него здесь справятся, Лобанов направился к своей машине. М-да, а как же он тут сможет выехать? Покалеченный авто-

мобиль стоял так, что его невозможно было объехать. С одной стороны лес, с другой – небольшой обрыв. Дорога узкая. Нет, он не сможет объехать легковушку. Лобанов с досады плюнул.

А может, всё же попробовать? Нет, лучше не рисковать. Придётся ждать ГАИ и водителя, поехавшего за ней. Что же здесь, однако, произошло? Три человека погибли. Мужчина и женщина примерно его возраста. Лобанову несколько дней назад исполнилось сорок. Этим столько же или чуть постарше. Хотя, может, и смерть уже сделала своё дело – состарила. Возможно, они муж и жена. На заднем сидении, вероятно, его или её мать. Горе-то какое для родственников. Тройные похороны.

Кто, интересно, виноват – они или тот, кто в них врезался? Мужика того жалко. Можно представить, каково ему сейчас. Не приведи Господь! Уж лучше бы не он был виновен. Посадят, поди. А он молодец, в инспекцию сразу рванул. А может, скрылся? Да вот ещё! Зачем так плохо о людях думать? Неужто можно было бы бросить здесь погибших?

Лобанов поёжился. Холодно, однако. Он сел в кабину грузовика, чтобы в тепле дожидаться приезда нужных людей. Фары высвечивали искалеченную легковушку, и в ней легко угадывались тела погибших.

– Прямо перед носом! – фыркнул Лобанов.

Ему стало не по себе. Этих-то чего бояться? Он окинул взглядом искорёженный автомобиль. Живых надо бояться. Тем не менее перед глазами высвечивалась безрадостная картина, и он выключил фары. Всё погрузилось в кромешную мглу. В голову лезли неприятные мысли. Может, кимарнуть часок, пока гаишников дождаешься? Ага, как же, уснёшь тут...

Лобанов закурил. Папирос осталось несколько штук. А курить, как назло, хочется пуще обычного. Пошарил в бардачке. Увы, про запас пачки нет. Придётся экономить. А чего экономить-то? На час хватит, ну на полтора. Лобанов рассчитывал, что за это время сюда приедут. Он сидел в кабине и ждал. Никто не ехал.

Неизвестно, сколько сейчас времени. И часов у него нет. Вообще он их редко носил, они почему-то всё время ломались, не хотели с ним жить.

– Время ломается, – усмехнулся он.

В одном смысле – неисправно, в другом – выделяется. Вот сейчас оно именно выделялось, так как тянулось медленно, тягуче. Лобанов несколько раз прогревал машину, чтобы избавиться от холода. Тело затекло. Странно, и как это он часами мог не вылезать из-за баранки? Надо выйти размяться. Выходить вообще-то не хотелось. Здесь, в кабине, он чувствовал себя защищённым.

– Трусишь, что ли? – спросил себя и тут же вспомнил о важном.

Как же он забыл! Надо же аварийный знак поставить! Он порылся под сидением, нашёл складной треугольник и с ним выпрыгнул из кабины. Куда знак-то ставить? Позади своей машины? Вдруг кто поедет в эту же сторону, не хватало, чтобы в него въехали. Но на своей машине он может включить габариты. Конечно, перед той, теперь уже полумашинной, необходимо установить знак. Во-первых, должны приехать именно с той стороны. А во-вторых, там очень крутой поворот. Не все же знают, что здесь произошло. Вдруг кому надо сюда ехать. Хотя сомнительно это. За всё время пока он ехал, ему навстречу не попала ни одна машина. Да и стоит он сколько, и тоже ни одна машина не просочилась сквозь кромешную ночь.

Утром кто-нибудь поедет, а сейчас нет. А к утру ни его, ни их, – Лобанов покосился на машину с трупами, – здесь не будет. Он приедет домой,

затопит баньку и будет выгонять все беды-печали из себя берёзовым веничком. Лобанов аж заулыбался, предвкушая горячий пар.

А всё-таки знак надо поставить. Он прошёл мимо легковушки, стараясь не смотреть на неё. Далее ему пришлось идти сугробами, чтобы не затоптать следы от шин. Судя по всему, машина была большегрузная. Вот здесь водитель разворачивался. Видимо, с трудом. Застревал. Скорее всего, он и виноват. Вылетел из-за поворота на скорости, не ожидая встречи с легковушкой. От неожиданности никто не успел затормозить вовремя. Поэтому всё так и произошло. А может, водитель легковушки был пьян? Или другой водитель? В любом случае нельзя трогать следы.

И как же он, Лобанов, собирался уехать? Как бы тогда измерили тормозной путь, составили схему происшествия, если бы он уничтожил все следы? Хорошо, что выехать не удастся, а то наломал бы дров!

Он поставил знак, который ярким светом в непроглядной темноте оповещал об опасности на данном участке.

Вернулся в кабину и вновь погрузился в томительное ожидание. Лобанов прислушивался к тишине. Вдруг ему послышался звук приближающейся машины. Он выпрыгнул из кабины. Наконец-то! Но никого не было, и звук исчез, подразнив его. Показалось.

– Не приедет он, – сказал Лобанов, – не приедет.

Ночь. Холод. Человек посреди дороги. Позади тупик, впереди машина с мёртвыми телами. Это же ловушка! Надо срочно выбираться! Но как? Бросить машину и идти пешком? Нет. Идти далеко. Мороз крепчает. Не дойдёт он. Замёрзнет. Выезжать нужно. Другого выхода нет. Лобанов подошёл к повреждённой машине. Измерил шагами расстояние от неё до обрыва. Да... ювелирная работа предстоит. Подошёл к обрыву. А обрыв-то не такой и грозный! Лобанова это даже обрадовало.

– Совсем спятил, – ругнул он себя. – Не хватало только в обрыв улететь, какой бы он ни был!

Лобанов сел за руль своей машины. Завёл её. Немного прогрел. И тут же заглушил и со всей силы ударил по сигналу. Страшным воем протянулся звук по замершему пространству. Не проедет он! Не проедет. Не проедет.

– Езжай! – закричал Лобанов. – С мертвяками сидеть нравится? Заводи! – скомандовал он себе.

Повернул ключ зажигания. Машина что-то буркнула, но не завелась. Он ещё раз повернул ключ. В ответ урчание, да и только. Лобанов обрушил удар кулаками на руль. Да заводись ты! И с третьего раза эта железная тварь не желала заводиться и куда-то ехать. Лобанов откинулся на спинку водительского сидения. Может, это знак? Может, не надо ехать-то? Не проедет ведь. Может, это его, Лобанова, оберегают те, что сверху? Так они должны понимать, что он замёрзнет тут! Солярки надолго не хватит. А потом чем он будет эту хабазину обогревать? Снегом, что ли?

– Заводись! Да заводись же!

Нет. Не завелась. Лобанов выскочил из кабины, хлопнув дверцей.

– Решила меня заживо тут похоронить?

Он неистово стучал по грузовику.

– К этим в компанию решила меня отправить?

Лобанов подлетел к ирзаненной легковушке и с такой силой и злостью отвесил удар по машине, что она, как показалась ему, съёжилась ещё больше.

Он вернулся в кабину. Закурил. Сжал руль. Провёл рукой по панели. Погладил приборы. Даже сам застеснялся своей ласковости к машине.

– Заведись, пожалуйста. Очень надо. Очень! Исправная ведь.

Лобанов знал, что она сейчас заведётся. И действительно, он оказался прав. Но не это главное. Сейчас главное – удачно объехать легковушку. Лобанов впился руками в руль. Ну, с Богом! Осторожненько... Тихонечко... Вот так, вот так, милая... Давай... Давай... Давай... Ты можешь. Можешь. Лобанов боялся дышать.

– Если проеду, – дал вдруг себе обещание, – в церковь схожу.

Большая грузовая машина жалась к легковушке. Всё плотнее и плотнее. Между ними оставались считанные сантиметры. Не зацепить бы! Ей и так, малютке, досталось. Нужно было проехать всего каких-то несколько метров, но каких! Возможно, между жизнью и смертью. Между пропастью и искаленной машиной с мёртвыми людьми.

Лобанов остался верен жизни. Водитель большегруза проехал злосчастный отрезок дороги и мысленно поблагодарил за это машину.

– А в церковь обязательно схожу! – прошептал он. – Выехал ведь!

Лобанов остановился позади легковушки. Руки дрожали. Сейчас он успокоится и поедет дальше. стакан бы водки не помешал. Но это после. А следы от шин той неизвестной машины, столкнувшейся с этой, ему придётся уничтожить. Но не специально. Иначе как ехать-то? Не ковром-самолётом ведь управляет. Аварийный знак он оставит. Увидят, поди, как знак светится. А сам сейчас рванёт в ГАИ. Лобанов, крутанув ручкой, опустил стекло на двери кабины и выглянул.

– Ну, оставайтесь, ребята. Не мёрзните, – горько пошутил он, но сразу же мысленно одёрнул себя – не кощунствуй! И, махнув рукой на прощание, двинулся в путь.

Он поднялся в горку, осторожно огибая поворот. Сложное место. Узкое. Не разъехаться двум машинам. Должно быть, после поворота сильно несёт с горы. Не мудрено было столкнуться машинам. Поди, не первая авария здесь. Обрыв ещё тут совсем не к месту, из-за него и вырулить-то некуда. И темнота кругом. Неуязвимая темнота. Даже снег, сияющий днём своей белизной, сейчас чёрен и зловещ.

Лобанов поёжился. Из ума не выходила эта страшная авария. Несколько часов назад люди были живы. Смеялись, шутили, пусть даже ругались, но жили. И раз тебе – поворот, а за ним – конец...

«Но... почему это мне поворот?!» – Лобанова аж передёрнуло от такой внезапной мысли.

Так говорится, русский язык вон как богат, слов-сокровищ не счесть! Так говорится. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Вот тебе то-то и то-то, вот тебе и поворот.

– Да почему опять мне? – возмутился Лобанов. – Мне-то почему? Я здесь при чём? Это им поворот, а не мне! Не мне! Не мне, – заладил он, – не мне...

Лобанов отвергал мрачные мысли, но они словно солнечные зайчики скакали в его голове. А ведь, если подумать, то на месте этой легковушки мог быть он, Лобанов. Получается, что именно он ехал за ней на своём грузовике. Выберись он пораньше минут на двадцать от гуляевской родни, и неизвестно, чем бы дело кончилось. Он мысленно поблагодарил Васькину тётку Антонину Лукьяновну за то, что она задержала его, напоив чаем. Значит, если бы не чай, то этот поворот был бы его, лобановский? Выходит, это столкновение лоб в лоб предназначалось ему, Лобанову? Стало быть, он обязан жизнью Антонине и всем троем погибшим в легковой машине?

Лобанов остановился.

– Нет, не так, – покачал головой он.

У Бога всё предусмотрено. Если не он погиб на этом повороте, значит, не ему он предназначен судьбой, а именно тем, кто сейчас в легковушке. Помочь он им ничем не может, стало быть, делать ему здесь нечего. Взять их на буксир он тоже не сможет, за что машину цеплять-то? Значит, ему остаётся привезти к этому месту гайшников, вот вся его полезность. «А если всё же кто-то поедет? – эта мысль не давала покоя водителю. – Вот ты думаешь, навряд ли кто сунется сюда так поздно. А вдруг? Вдруг да сунется. Откуда тебе знать планы людей? Ведь убьётся или покалечится, столкнувшись с машиной! Она перед самым поворотом засела. А тем какво? Дважды авария. Им одной хватило, чтобы умереть. Ещё одно столкновение – и тела их, возможно, будут неузнаваемы».

Лобанов тяжело вздохнул. Он не имеет права допустить вторую аварию. Не имеет права. Но тогда... тогда ему придётся остаться здесь. На морозе. В темноте. Среди погибших.

– Накрылись баня и стакан водки... – матюгнулся он, заглушив мотор.

Лобанов совсем немного отъехал от места аварии. Сейчас его машина стояла на пригорке. Возвращать её на прежнее место не было смысла, поэтому он решил, что будет находиться в кабине своего грузовика с включёнными фарами, тем самым препятствуя новой катастрофе. Сиди себе да сиди, прогревая движок изредка. Жаль, папирос нет. А курить хочется.

Лобанов вновь вспомнил про аварийный знак. С этой стороны легковушка защищена большегрузом во главе с Лобановым, с противоположной же стороны – ничем. Не хватало только того, чтобы кто-нибудь налетел на неё, как это чуть не сделал он ранее, жмурившись от веток. Значит, если он будет по опасную сторону от легковушки, то знак, который сейчас позади него, но перед легковушкой, нужно перенести за неё. И Лобанов, вооружившись фонариком, пошёл менять месторасположение аварийного знака.

Под ногами громко скрипел снег. Изрядно похолодало. Ничего удивительного, ночью мороз обостряется. Лобанов подобрал знак и зашагал к легковушке.

«Не смотри на машину», – приказал он себе, но тут же высветил её светом из фонаря.

Иней покрыл железо и лица сидящих. Зловеще как! Лобанов невольно отшатнулся. Ему стало невыносимо жутко.

– Ничего, ничего, – успокаивал он себя, – мне бы только ночь продержаться!

Быстро отмерил тридцать шагов от искалеченной машины в противоположную ему с грузовиком сторону и поставил знак. Отошёл посмотреть, хорошо ли видно. Да, хорошо. Нестерпимо хотелось курить. А курить уже нечего.

– Может, у этого поискать? – Он имел в виду водителя легковушки, но его перекорёжило от одной только мысли. – Терпи, казак, атаманом будешь. Давно надо было бросить курить. Не страдал бы сейчас так. Хотя сколько раз пытался, и всё безуспешно. Силы воли нет, – стыдил он себя, но это не мешало ему выкуривать пачку за пачкой.

Лобанов вернулся в кабину. В ней ещё сохранялись остатки бывшего тепла. Как назло, захотелось есть, а еды с собой нет.

– Поспи, – уговаривал он себя, но сон не шёл.

Выпрыгнул из машины.

– Отчего же никто не едет? – вопрошал он, вглядываясь в густую темноту.

В вершинах кондовых сосен забавлялся ветер. Лобанов взглянул на небо. Высокое. Яркое. Звёздное. Величественное. А здесь, на земле, чернильная слепота вокруг. Когда же далёкий горизонт заявит о себе, высветив бледно-розовое волоконец начинающегося утра? Когда же ночь перетечёт в день, заполняя светом пустоту? От мрака устали глаза.

Неожиданно что-то щёлкнуло в лесу, нарушив покой мглы. Лобанов вздрогнул. Ещё раз хрустнуло где-то неподалёку от него.

– Не бойсь! – подбодрил он себя. – Это зверь какой-нибудь или птица.

Ожидание становилось всё более мучительным. Невыносимые мысли лезли в голову. На ум приходили чудовищные истории. Лобанов умылся снегом, словно желая смыть страхи. Он снова забрался в кабину и нагрел её до такой температуры, что с холода заломило суставы.

– Чем тебе не баня? – усмехнулся он.

Но жар держался недолго, через щели выходил наружу, уступая место холоду. Лобанов несколько раз включал печку, согревая себя и железо.

В какой-то момент он всё же задремал. Снились тёплые рукавицы, связанные бабушкой. Будто бы он никак не мог их найти. А руки, замерзая, коченели на глазах. Лобанов проснулся. Он крепко сжимал холодный руль пальцами ладони. Вот отчего руки замёрзли! Пальцы покраснели. Подул на них горячо и часто, растёр. Они стали понемногу отогреваться. Лобанов чувствовал, как под кожей разливается теплота. И снова заломило суставы.

А за окном-то что творится! Оказывается, пока он спал, природа решила сменить милость на гнев. Фары ярким напором высвечивали, как рьяно кружит метель. Густо и сердито валит снег, подгоняемый ретивым ветром. Как успело наместить за то время, что он спал! На капоте машины образовался целый сугроб. Куда этот снег так спешит?

Лобанов надел шапку-ушанку, опустил уши и вышел из машины. Почистил капот. Ветер безжалостно хлестал в лицо. Снег, безостановочно обрушиваясь на землю, был похож на грозного повелителя, решившего за что-то покарать своих подданных. Царствовала метель. Несколько раз с Лобанова слетала ушанка. «И чего это я выскочил? – думал он. – Пусть валит снег себе на здоровье, замести такую махину, как моя грузовая, не получится. Сейчас снегопад в самом разгаре, а вот выльется за пару часов, выдохнется при этом и успокоится. Ветер бы стих, а то лупит больно по щекам. Физиономия, наверное, сейчас бордовая от холода. Жжёт даже».

– Заберись в машину и сиди там! – скомандовал себе Лобанов.

На ум пришли строчки:

*Вдруг метелица кругом,
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Вьётся над санями.
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Воздымая гривы...¹*

¹ Из баллады В. А. Жуковского «Светлана».

Лобанов даже удивился, что без запинки прочитал стихи. Оказывается, помнится ещё кое-что со школы. А вот кто их написал, позабыл. Пушкин, наверно, как всегда. Это там у него, у поэта, кони торопливы.

– А мой железный конь, – усмехнулся Лобанов, – на посту, как верный пёс на страже. И кого сторожит... Мертвецов.

Кстати, надо бы, пока не забрался в кабину, сходить туда, может, снег смахнуть с легковушки. Да и знак наверняка где-то в сугробе притаился.

Лобанов завязал покрепче шапку, взял фонарик и отправился в метельную тьму. Идти было трудно. Он то и дело проваливался в сугробища.

– Ничего, ничего, – успокаивал он себя, – всё когда-нибудь кончается. На кольце царя Соломона что написано: «Всё проходит, и это пройдёт».

Всё пройдёт, обязательно пройдёт: и снег, и ночь, и ожидание. Лобанов вновь замечтал о бане. Хотелось прогреть каждую косточку, выпить водки и лечь спать под тёплое, пуховое одеяло. Но уютные мысли пришлось отогнать. Чего себя изводить-то. И баня, и сон, и водка будут только тогда, когда это всё закончится. И курево тоже будет не скоро...

Пальцы вновь заломило. Дурацкая привычка не иметь рукавиц. Хотя, если разобраться, зачем они ему? Всё время в машине, а в них водить неудобно. На всякий случай надобно иметь про запас. Вот сейчас погрел бы руки в них. Но кто знал, что так вот случится...

– У тебя вечно всё не слава Богу, – разозлился на себя Лобанов.

Он дошёл до легковой машины.

– М-да, замело. Вот ты чем расчищать собрался? Чем, спрашиваю?

Ведь пошёл сюда с известным намерением. Возвращаться к своей машине не хотелось. Он установил фонарик на ровное место и, ругая себя, принялся сначала смахивать снег руками, потом снял шапку и прибегнул к её помощи. Расчищай не расчищай, а скоро снова тут образуются залежи. Удивительно, как быстро и много намело, пока он спал. Хотя сколько он проспал? Время стало врагом. Может, два часа, а может, минут пятнадцать. Лобанову всё же казалось, что он проспал недолго. Обычно он мог отдохнуть за полчаса, если вдруг сильно притомится в дороге. Стоило ему полчаса или минут сорок подремать – и он вновь чувствовал себя бодрым и снова рвался в путь. Но сейчас он понял, что нисколько не отдохнул за время сна. Однако спать больше не хотелось.

Лобанов очистил легковушку от снега. Даже вспотел малость.

– Сидят, – промолвил Лобанов, глядя на разбившихся, будто бы они могли за это время уйти куда-то. – Эко вас угораздило-то! – И он с жалостью отвернулся.

Надо было найти знак. Хотя это дело почти безнадежное. Да и толку-то, что он его найдёт. До первого порыва ветра будет стоять. Как его закрепить-то здесь, на снегу?

– Может, бочку из-под соляры прикатить да на неё как-нибудь установить знак? Подумаем...

Но устанавливать пока нечего. Аварийного знака нигде нет. Куда он запропастился? Впрочем, Лобанов был к нему без претензий. Метель всему виной. Она и сейчас не думала о том, что уже не мешало бы ей поиссякнуть.

Нет, оставлять легковушку без опознавательных знаков нельзя! Что же делать-то? Что делать-то? Костёр! Да, да костёр! Какой знак будет для водителя, едущего по той дороге, что и Лобанов накануне! К тому же и прогреться не мешало бы. Нужны дрова. Вон леса полно. Леса-то да, но топор он давеча выложил. Пашка Климов накануне попросил, а он и забыл забрать.

«Эх ты рёма-ерёма! Голова-то – не шапку носить, а ум-разум копить», – вспомнил Лобанов бабушкину поговорку, глядя на мокрую шапку.

Что же у него есть, из чего можно костёр соорудить? Повспоминал, повспоминал – не из чего. Он кузов заранее весь опустошил, чтобы можно было побольше дров закинуть. Бочка есть из-под солярки, канистры, но на костёр они не пойдут.

Резина у него есть. Вернее, колесо запасное. За ним-то и направился Лобанов в горку.

С его машиной всё в порядке. Фары светят. Аккумулятор, хочется надеяться, не подведёт. В кузове лежало запасное колесо. Лобанов с трудом поднял его. Оно сопротивлялось, словно предчувствовало, зачем понадобилось. Наконец запаска очутилась за бортом. Водитель взял канистру с соляркой. Спички всегда при нём. Лобанов катнул колесо с горки, чтобы превратить в жертву обстоятельств. Несмотря на сугробы, колесо катилось легко, даже лихо, сминая под своей тяжестью снег на пути и расчищая дорогу человеку, собирающемуся его сжечь.

Лобанов прокатил колесо мимо легковушки и откатил метров на тридцать. Облил соляркой. Зажёг спичку, она тут же погасла. Ещё одну, но и вторая погасла.

– Да будет тебе, ветер! – в сердцах выкрикнул Лобанов, зная, что в коробке осталось спичек всего несколько штук.

Он нагнулся к резине. Чиркнул спичкой. Эта оказалась спасительной. Лобанову удалось поджечь колесо, и почти сразу же запах загорающейся резины резко ударил в нос.

– Ну и вонища!

Чем больше колесо разгоралось, тем удушливее становилось вокруг. Колесо горело неравномерно и скачкообразно, то высоким пламенем с одного бока, то, словно пригнувшись, с другого.

Лобанов отошёл к машине.

– Опять намело на вас, покуда я ходил, – вздохнул, смахивая снег, и высветил фонариком лица находящихся в машине.

Лобанов с детства боялся мертвецов. На всех похоронах он что-то, кого-то и куда-то отвозил, забирал, привозил. А непосредственно в процессе погребения участвовал мало. Сейчас же он запретил себе бояться. Только погрузись в мысли о покойниках, и сразу начнёт мерещиться... Будешь вздрагивать от каждого стука, звука. А здесь их, этих шумов, полно. Естественных. Лес ведь. Всё время что-то трещит, гремит, грохочет.

Но моментами ему становилось нестерпимо жутко. И тогда он пел. Громко пел. И страх понемногу отступал.

– Может, мертвецы боятся пения?! – удивлялся Лобанов.

Пел Лобанов, как бы это помягче выразиться... в общем, ему наступило на ухо всё медвежье семейство. Очень часто человек, не умеющий петь, поёт прилюдно. Лобанов свое «искусство» никому не навязывал. Он любил петь в бане, поэтому и мылся обычно один.

Странно, лица покойных выражают эмоции. Лобанов даже отпрянул. Нет, не страха, как было давеча, а ожидания. Они тоже ждут, чтобы их как можно быстрее забрали! Да, они ждут, хотят выбраться отсюда не меньше его, живого человека. Лобанова потрясла эта мысль. Они с ним заодно.

– Ребятки, – взмолился Лобанов, – вы сейчас ближе к Богу, чем я. Попросите его за нас всех. Устал я. Да и вы тоже. Не могу я больше. Сил нет. Домой хочу. Попросите, чтобы как можно быстрее всё закончилось. Замёрзли мы. Пальцы ломит. Попросите.

И, отвернувшись от «просящих», Лобанов заплакал. Тихо, беззвучно. Слезы выкатывались из глаз и тёплыми ручейками скользили по холодным щекам.

– Простите, не сдержался, – сказал он и отошёл от машины.

Горящее колесо чадило, зато видать его было издалека. Оно походило на большую газовую конфорку. Язычки пламени как огневушки-поскакушки, которым не сидится на месте, взмывали то в одном, то в другом месте, рассекая ночную мглу. Лобанов бросил равнодушный взгляд на удушливый костёр. Запах настолько был силён, что его затошнило. Нестерпимо ломило пальцы. Греть здесь их всё равно невозможно, поэтому Лобанов отправился к себе.

Через какое-то время тепло закончилось и в его грузовике. Обогреть машину стало нечем, запасную канистру с соляркой потратил на то, чтобы разжечь костёр. Он мёрз, его морил сон. Укутав себя какими-то тряпками, пропахшими дорогой, Лобанов, свернувшись калачиком на сидении, уснул.

Проснулся он оттого, что кто-то его тормозил. Он открыл глаза и сразу же зажмурился от утреннего света. Над ним нависла красная мясистая физиономия.

– Чего спишь посреди дороги? Нашёл где спать!

– Приехали?

– Ты чего, спрашиваю, посреди дороги разлётся?

Лобанов хотел что-то ответить, но у него вместо ответа получилось какое-то невнятное мычание.

– Пил?

Лобанов покачал головой. Он смотрел на человека, склонившегося над ним, и никак не мог поверить, что всё закончилось.

– Да что случилось-то? Поломался?

– Там люди.

– Где?

Лобанов попытался приподняться с сидения, но он словно примёрз к нему. С трудом привстал. Тело было неподвижным. Вспомнился Карбышев, залитый на морозе ледяной водой.

– Там люди. За поворотом. Вернее, были люди. Произошла авария.

– Как были?

– Теперь мёртвые. Трое.

– Ты? – ужаснулся гость.

– Нет.

– А кто же?

– Не знаю.

– Так чего здесь сидишь-то?

– Их охранял. Они прямо за поворотом. Кто бы первый поехал – разбился.

Первым был этот мясистый водитель...

– Давно?

– С вечера.

Мясистый присвистнул и с недоверием посмотрел на водителя большегруза.

– Слушай, друг, надо гаишников вызвать, – встрепенулся Лобанов, – мне не доехать, соляры нет.

– А точно не ты их? – усомнился мясистый.

– Говорю же тебе. У меня и повреждений нет. Хочешь, сходи посмотри, какая там авария, как их вжало.

- Ещё чего... – замотал головой мясистый.
- Поехали в ГАИ, – сказал Лобанов.
- Ты вот что. Ты давай побудь тут, а я мигом.
- Не веришь мне? Думаешь, довезёшь до города – и я убегу? Так я бы давно убёг.
- Не убёг бы. Замёрз в лесу.
- Да не убегу я никуда, что за глупость! – рывкнул Лобанов.
- Нет, давай посиди тут. Нас подожди. Мы скоро.
- А не обманешь? – произнёс Лобанов, и это получилось так жалобно, что у мясистого смягчился голос:
- Нет. Только смотри, никуда не уезжай!
- Хотел бы, так давно уехал. А сейчас у меня и в баке-то пусто. Подлей немного, хоть согреться.
- Давай пока дуй ко мне в кабину.
- Нетвёрдой походкой Лобанов кое-как доковылял до машины. В кабине было тепло, чисто и пахло пирогами.
- Мясистый в это время заливал солярку в бак лобановского большегруза.
- Согрелся? – спросил он, забираясь в кабину.
- Лобанов не ответил.
- Голодный?
- Лобанов снова молчал. Здесь, в тепле, на него навалилась такая усталость, что не мог ворочать языком.
- Онемел, что ли? А совсем недавно разговаривал.
- Мясистый достал термос. Налил чаю и протянул замёрзшему Лобанову. Тот крепко вцепился в кружку и взахлёб, обжигаясь, стал пить горячий напиток.
- Хорош чай! – повторял он, отхлёбывая.
- Мясистый смотрел на него, и было видно, он не знает, что и подумать. Чудаковатый какой-то...
- Схожу посмотрю, что за авария там. Может, тебе приснилось? Пил, поди... Вон как тебя лихорадит.
- Куревом не угостишь? – спросил Лобанов, допивая чай.
- Не курю.
- Надо ехать, – сказал Лобанов, протягивая кружку, – спасибо.
- Мясистый всё же сходил посмотреть на разбитую легковушку, потом уехал в ГАИ, пообещав вернуться и как можно скорее.
- Лобанов прогрел свою машину. Метель, наверное, сразу прекратилась, когда он уснул. Снега на машине почти нет. Пойти посмотреть, что там, за поворотом? И что там смотреть? Там, должно быть, без изменений. А если кто и поедет, сейчас светло, легковушку трудно не заметить. Да и сил нет куда-то идти. Тело изнывало, ломило, и его снова начало клонить в сон.
- Гляньте-ка, а он всё дрыхнет! – услышал Лобанов знакомый голос.
- Приехали? – произнёс он ту же самую фразу, что и тогда, когда первый раз увидел мясистого.
- Приехал, приехал, гостей привёз.
- К машине подходил гаишник. Молодой, но важный.
- Здравствуйте, ваши документы.
- Лобанов из нагрудного кармана достал бумаги и протянул инспектору.
- Выйдите из машины.
- Лобанов с трудом выбрался из кабины.
- Ну-ка, дыхни! – перешёл гаишник на «ты».
- Лобанов дыхнул. Гаишник явно был раздосадован.

- Не пил я, командир.
- Вид у тебя странный.
- Так не спал ночь, замёрз. Никак согреться не могу.
- Пройдёмте в машину. – Гаишник вновь перешёл на «вы».

В машине ГАИ Лобанов попросил сигарету. Закурил. А затем двум инспекторам под запись подробно рассказывал, что произошло. Они смотрели на него недоверчиво и с подозрением. После рассказа пришлось идти на место происшествия. С ними отправился мясистый. Теперь оказалось, что он знал погибших. Всё охал:

– Матерь Божья!

Лобанову на месте пришлось снова, преодолевая дикую усталость, повторить рассказ. Пока гаишники что-то там замеряли, составляли схему происшествия, Лобанов с мясистым разговорились. Мясистого звали Анатолий Яцук. Он возвращался домой с вахты.

– Так ты, говоришь, знал их?

– Знал. Хорошо знал. Мишка с моим младшим брательником вместе учились. Жёнка его, Светка, пока замуж за Мишку не вышла, жила с родителями неподалёку от нас. Противная баба была, вредная. Мишку всё время долбила. Ой, – осёкся Яцук, – про мёртвых или хорошо, или ничего.

– А старушка кто им? Мать чья-то?

– Мишкина. Софья Андревна. – Яцук перекрестился. – Учительницей раньше работала до пенсии. Хорошая, говорят, добрая была. Начальные классы вела, но я у неё не учился.

Анатолий помолчал.

– Правда, потом Мишка со Светкой и тремя их дитёнками в город уехали. Но приезжали часто в деревню своих проводить. Когда Софья Андревна одна осталась – мужик ейный помер, отчим Мишкин, то Мишка хотел её в город забрать, а она ни в какую. Говорит, не приживётся она там, в городе. Пока, говорит, могу – буду жить здесь, у себя дома в деревне, ни от кого не зависеть. Да и со Светкой попробуй уживись! Ой... – Яцук замолчал, перекрестился в сторону легковушки: – Прости меня Бога ради. Но они, Мишка со Светкой, частенько Софью Андревну к себе погостить брали. У неё сердце болело, она всякие обследования в городе проходила. Вот они и возили её в больницу на приёмы к врачам. Потом она у них побудет, они её обратно тащат. Вот и в этот раз за ней приехали, в город отвезти. На приёмы, наверное...

К ним подошёл гаишник, который молодой да важный. Но сейчас важность с него куда-то слетела.

– Вы хоть понимаете, что вы совершили? – спросил он, обращаясь к Лобанову.

– Что? – насторожился тот.

– Ну типа того... подвиг.

– Ух, – выдохнул Лобанов, – я-то думаю, что я не так сделал, следы уничтожил или ещё что.

– Конечно, подвиг! – Яцук вдруг неловко приобнял Лобанова. – Я ведь ехал, не зная, что там, за поворотом. А там вон что, оказывается. Он меня остановил... – Он вовсю тряс Лобанова. – Еду, гляжу, машина стоит среди дороги, подхожу, а в ней человек спит. Оказывается, меня караулит. Говорит, так, мол, и так. Я чаем его напоил и сразу же метнулся за гаишниками, в ГАИ, то есть, – поправился он, глядя на молодого инспектора.

– Всё-таки вы, сибиряки, особенные. Надёжные, – сказал человек в форме. – У меня тоже тесть – сибиряк. Хороший мужик. Суровый, правда,

но всё равно хороший. А моя жена – дочь его – красавица-сибирячка. Нигде таких красивых женщин не встретить, как в Сибири. А как могут любить сибирячки!.. – вдруг разоткровенничался он. – Я жене говорю: любите нас, а мы всё одолеем, кулаки сожмём и одолеем!

Инспектор при этом сжал кулак. Кулак получился большой, но какой-то очень интеллигентный. За ним этот жест повторил Яцюк. Кулак его был огромный и мясистый, под стать физиономии. Лобанов тоже сжал кулак, но почувствовал резкую боль...

– А я вот из-под Подольска, – словно извиняясь, сказал гаишник, – не сибиряк.

– А что, Сибирь не Россия, что ли? – удивился Лобанов. – Россия. Какая разница, сибиряк не сибиряк. Мы русские. Ты русский, я русский, и Яцюк русский, – сказал Лобанов, глядя на мясистого Яцюка, после чего все трое весело рассмеялись.

– Удачи вам, Лобанов Владимир, – сказал инспектор, протягивая документы и делая акцент в имени на последний слог. – Помощь нужна? Справитесь?

– Не беспокойтесь, доеду. Тут немного мне до дома осталось. А дома баня. Я бы пригласил вас попариться, но больно в бане петь люблю. Боюсь, не выдержите пения моего. Жар выдержите, а пения нет. Ну, бывайте! – Лобанов пожал руки инспектору и Яцюку.

Затем, махнув рукой, он направился в сторону своего большегруза. Через несколько шагов остановился, повернулся, чтобы в последний раз посмотреть на разбитую легковушку.

– Володь, забыл чего? – спросил Яцюк.

– Попрощаться, – ответил Лобанов и зашагал к своей машине.

Через две недели Яцюк навестил Лобанова в больнице. Пришлось посетителю немного подождать, так как затянулась перевязка. А в больничном вестибюле Лобанова из перевязочной ждал не только Яцюк, а и многие друзья-водители. Увидев Владимира, они весело приветствовали его. Потом говорили про рейсы, шутили, курили и... поочерёдно держали папиросу Лобанову.

А когда время посещения истекло, его друзья вышли на улицу и тоже курили, но молчали. «Отъездился, браток», – думал каждый из них о Владимире.

**Руслан
КОШКИН**

АНГЕЛ ПОКОЯ

НОВЫЙ АТТИЛА

1

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом.

Когда-то Европа была молода.
Но с веком уходит не только вода.
И гнев был, и Божия милость –
так многое здесь изменилось.

Но есть ещё камни на древних местах,
что знают животный, панический страх,
что помнят несметные силы
и грозное имя Аттилы.

Их крепости были ему нипочём.
Прошёлся по ним он огнём и мечом.
Что стены пред ним?! Что охрана?!
Пустьяк на пути урагана!

Аттила! Пред ордами диких племён,
что вёл за собою по Западу он,
дрожали все без исключений –
от римского папы до черни.

2

Был свыше в измене их мир обличён.
С того и явился он Божьим бичом.

Стояла Европы судьба на кону.
Спасения не было впрямь никому
под гуннским жестоким навалом –
ни сирым, ни старым, ни малым.

-
- Руслан Леонидович Кошкин родился в 1975 году в посёлке Аркуль Вятского края. Живёт и работает в Москве. Стихи автора публиковались во многих центральных и региональных литературных изданиях (антологиях, альманахах, сборниках, журналах, газетах). Автор трёх книг стихов. Член Союза писателей России.

Но Запад скумекал, что тем обличён,
и в страхе нарёк его Божьим бичом;
и поздно скорее, чем рано,
но вымолил щит от тирана.

А время себе продолжало идти.
И вновь совратилась Европа с пути,
по злomu чьему-то расчёту
буквально отправившись к чёрту.

Торопится в пекло других поперёд.
И вот уже новый Атила грядёт
на пустоши правды и веры,
на пажити кривды и скверны.

3

Их каверзы будут ему нипочём.
И явится новым он Божьим бичом.

Суть та же, но лик его будет иным.
И Запад уже не признает вины
и, тянувшийся к преисподней,
не примет напрямки Господней.

О древние камни дворцов и твердынь!
Готовьтесь к нашествию новой орды,
что станет последним, возможно,
для отчины вашей безбожной.

Стоит на панели она неглиже
и не опасается, видно, уже
ни серных дождей, ни потопа.
Готовься к погрому, Европа!

Вот новый властитель в твои города
идёт и изменит тебя навсегда.
И вот уже в порты и фьорды
заходят несметные орды.

4

Сама ты себе приготовила кнут.
Вот новые гунны тебя и нагнут.

Им сети и козни твои нипочём.
За новым идут они Божьим бичом.
Такого не будет второго.
И заступ не будет дарован.

А явится новый на соплах курных
И вслед за собой приведёт четверых:
усобицу после раскола,
поветрие, холод и голод.

И будет, Европа, такой тебе кнут,
что дети твои же тебя проклянут
за то, и другое, и третье,
за что ты пред ними в ответе.

И спросит – вотще – тебя совесть твоя:
– Чего ты добила, беспутство творя?
Какого ты наворотила?..
И смехом зайдётся Аттила.

И станет явившийся Божьим бичом
над миром, который уже обречён.

АНТИУТОПИЯ

Антиутопия на плазменном экране.
Картина мира, ужасающая крайне:
почти безлюдная земля, в людской пустыне
пустые трассы, города, глаза пустые
у выживающих в грызне антропофагов.
Сплошной кошмар, и он повсюду одинаков –
от побережья, от Атлантики и дальше
вглубь континента, в прошлом выдавшей
страны, но не переживавшей вот такого
крушения, как будто мир был атакован
не то заразой какой, чумной бациллой,
науку сделавшей перед собой бессильной,
не то свирепую алчбой обогащенья,
легко любого превращающей в кощья..
Художникам я доверяю, как пророкам.
И ясно мне, что, даже если «ненароком»,
то неспроста явилось, не из неоткуда,
сие «пророчество» шальное Голливуда.
Смотрю я скорбно на него, но без укора.
И думаю: когда-нибудь, возможно, скоро,
придём сюда мы – и не с гиканьем да с воем –
и заново тебя, Америка, освоим.

И пусть такая вот «антиутопия»
страшней кому-то самого небытия.

АНГЕЛ ПОКОЯ

1

Невидимо, неслышно, невесомо
в земном краю, среди людского сонма,
по деревням, посёлкам, городам
идёт, плывёт, струится тут и там
сквозь стены, даже если те в граните,
тишайший дух, покоя охранитель,

живущим ненадолго мир неся,
пока объята тьмой округа вся.

2

Посланник неба, тишины упасчик,
он так преображает мирно спящих,
что, если поглядеть со стороны,
невольно умилишься над иным.
И как тут на иных не подивиться:
какие милые, незлобивые лица!
Но сколько с пробуждением потом
раздрая с желчью в этом или том!

3

Ну вот, утихли буйные в постелях,
день проведя в деяниях бездельных.
Сердца лихие, щеристые рты,
довольно с вас гремящей пустоты!
Уже не льют, умолкнув, балаболы
на головы едучие глаголы.
Какая же отдушина земле!
Вещайте, звёзды, в полуночной мгле.

4

В такие благодатные мгновенья,
пред Первообразом благоговя,
дух кротости заботливой рукой
блюдёт вокруг целительный покой.
И всем сопящим бойко или вяло
он чуть не поправляет одеяла,
как будто отвечает на извет:
«Для мира в мире безнадёжных нет».

5

А вот бы так: на происки проворист,
уснул смутьян, проснулся – миротворец.
А то и не проснулся поутру
С пустышкой самолюбия во рту...
Но благодать не тако зрит, а кротко –
и прозревает в каждом самородка;
мирводит всем – не то что наш браток, –
не покушаясь ни на чей роток.

6

Надмирного носитель утешенья,
побудь ещё у нас, в мирских траншеях.
О, не спеши в свой ангельский чертог –
в землянках наших задержись чуток.
Дохни на нас ещё святым озоном,
покуда в состоянии мы сонном.
А то и проявись в ночной тиши –
и сон развей, и сердце утиши.

НИКОЛА СНЕЖНЫЙ*Поэту Николаю Пересторонину***1**

В суровом мире не до песен.
А тут стеной идёт снежок –
и снова, снова мир чудесен.
И снова душу снег обжог.

Походкой лёгкою, декабрьской,
тишком идёт по свету он –
и тихо делается сказкой
обыденность со всех сторон.

А снег любимым занят делом,
изглаживая всякий след.
И снова белым, белым-белым
он делает весь белый свет.

Спрошу у снега без прикола:
– Кто звал тебя на землю, снег?
В ответ: – Да вот опять Никола
грустит по снежной белизне.

2

А мне и уточнять не надо,
что за Никола, кто такой.
Догадка в пору снегопада
сама придёт иной строкой.

И снова вспомнишь ненароком
стихов сердечный перебой.
И вновь пройдёшь по этим строкам,
как будто снежную тропой.

От века к веку снегопады
не сильно поменяли вид.
Но вот поэтов эскапады
и снегом могут удивить.

И с лёгкого пера поэта,
как с лёгкой чьей-либо руки,
слетает вечности примета
и светит веку вопреки.

3

И радуется той примете
душа, живущая мечтой
о чистоте на белом свете,
как встрече с этой чистотой.

Не для защитной ли ограды
от затаившейся беды
даются оку мириады
кристаллов облачной воды?

Идёт снежок в лесу и в поле,
ледком укрылся водоём..
А ну-ка, к снежному Николе
за снег поклонимся пойдём!

Привет тебе, небес угодник,
стихов и снега проводник!
В совет вершителей погодных
каким же чудом ты проник?

4

Душа жива мечтой о свете,
о даре новой чистоты.
Не за мечтания ли эти
сподобился такого ты?

На реках леденеют строжни.
Но вот и сердцу оберег.
Какой ещё? Конечно, снежный –
Николой вымоленный снег.

Декабрьской, лёгкою походкой
идёт себе снежок тишком –
пересторонинской погодкой –
великорецким бережком.

Пускай века не будут прежни,
на сей хватило бы чернил,
чтоб не иссякли в перьях стержни,
чтоб снова снегу сочинил.

**Алексей
СОЛОНИЦЫН**

Окончание. Начало в № 2 2023

ЕВРАЗИЕЦ

Повесть

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

50 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ И ВЕНЕЦИЯ

Игорь Сметанников сначала не поверил, что Алина могла уйти от него. Ну, очередная размолвка, даже выяснения отношений не было. Ну, допустим, что в Питер он слетал, взяв с собой Жанну, ей кто-то доложил об этом, ладно, пусть так. Но ведь никаких доказательств его вины она не предъявила, как это случилось иногда. Просто перестала с ним разговаривать. Но и это случалось прежде – молчала по несколько дней. Но потом всё стужёвывалось, потому что приходилось общаться на работе, совместные проекты продолжались, и жизнь входила в привычную колею.

Но тут она не ночевала дома, не сказав, где она находится.

Утром он позвонил её лучшей подруге Тане, но та ничего не смогла ответить на вопрос, где находится Алина.

То же сказали и родители Алины – Леонид Степанович и Виктория Сергеевна.

Вспокоилась и Наталья Николаевна, когда её сын стал вести допрос с пристрастием, выясняя обстоятельства ухода Алины. В разговоре с матерью всплыл Алексей Брусенец, товарищ Кабира Мухамедовича. Пришлось звонить ему, выяснять, кто такой Брусенец, откуда он и куда делся.

Предположить, что Алина улетела с ним в Киргизию, Сметанников не мог и в дурном сне. Но когда все варианты исчезновения Алины в неизвестном направлении были исчерпаны и Сметанников уже решил идти в полицию, позвонила сама Алина.

Сначала Сметанникова взяла оторопь – кроме удивлённых вопросов и брани в адрес жены он ничего не мог произнести. Потом стал грозить, браниться уже яростно, не сдерживая гнева, но Алина просто отключила телефон.

Действия Игоря Васильевича, привыкшего к подчинению служащих, в том числе и жены, были решительны и жёстки. Но, встретив трудно скрываемые скептическую реакцию и резон-

ные аргументы начальства в полиции Москвы, особенно в посольстве, где ограничились лишь решением «принять к сведению», «сделать всё возможное при обнаружении пропащей», пыл решительных действий у Сметанникова заметно поутих. А когда в посольства Москвы и Бишкека пришли факсы от Кабира (подписанные Алиной) и копии её заявления о разводе, ситуация для Игоря Васильевича оказалась совсем плохой – стало понятным исчезновение жены.

Не какое-то «насильственное похищение», «сговор и подкуп», как написал в заявлениях Сметанников, а элементарные семейные неурядицы – вот что окончательно утвердилось в мнениях многоопытных чиновников и полицейских. Тем не менее внешне они держались корректно и даже с сочувствием.

Сметанников понял, что надо действовать иными путями, такими, в каких он обвинял жену и её похитителя. Желание вернуть Алину и как можно больнее её наказать крепло в нём. Как отомстить этому «мазиле», он пока не решил, но наказать его задумал обязательно.

В Бишкеке, куда он прилетел на третий день исчезновения Алины, он разыскал Керимбекова и встретился с ним. Маршрут до лесного кордона оказался успешным, но вот дальше Бабакул направил его не в Семёновское ущелье, а к Считанной горе, по одной из проторенных туристических дорог. Эту гору, по преданию, сложили воины Тамерлана, каждый бросив по камню. Вторично придя сюда, Тамерлан приказал пересчитать камни, брошенные здесь в первом походе. Поэтому гору и назвали Считанной – пересчитав камни, великий полководец вычислил, сколько воинов у него погибло.

Не найдя беглецов у Считанной горы, столь привлекательной для туристов, Сметанников прибег к советам Рустема, шофёра Керимбекова. С ним познакомился у Азата Канатовича, который и привлёк Рустема к поискам, чтобы избавиться от назойливого и нежданного посетителя. Рустем охотно взялся помогать Сметанникову, поняв, что можно прилично подзаработать.

От Считанной горы поехали к Святому озеру. По красочным рассказам Рустема, именно там и должен оказаться художник. Ибо это озеро «волшебной красоты». Небольшое горное озеро действительно привлекало туристов, но не столько красотой, сколько целебными источниками.

От озера взяли путь на Курдайский перевал, который Рустем расписал Сметанникову так, что ехать по какому-то иному маршруту было просто невысказано.

Перевал оказался обычной возвышенностью между Киргизией и соседним Казахстаном. Отсюда дорога могла вести Алину и Алексея только в Бишкек.

Сюда и доставил Сметанникова ушлый шофёр, действительно хорошо заработав.

В гостинице, склонившись над картой, Игорь Васильевич понял, что они с Рустемом сделали довольно приличный круг по дорогам Киргизии, вернувшись туда, откуда и выехали.

Усталый, раздражённый, Сметанников не знал, что делать дальше.

Он сидел в мягком кресле гостиничного номера.

– Слушай, Рустем, надо отдать в чистку костюм и туфли. Распорядись, пожалуйста. А я пока приму душ.

Рустем охотно принял выполнять распоряжение, уже привыкнув к роли человека, всегда готового услужить. Игорь Васильевич хорошо платил, и это было главным и в их отношениях.

Пока Сметанников смывал дорожную пыль и усталость, Рустем организовал не только чистку одежды Игоря Васильевича, но и заказал обед в номер,

взяв на себя обязанность приобщить «московского барина», как он окрестил Сметанникова, к местной кухне.

Ситуация, в которую попал его теперешний временный начальник, была ему ясна, и он действовал так, как приказывал Игорь Васильевич, совсем не думая о том, чью сторону принять. Ему было всё равно, что выйдет из этой истории, в которой он оказался невольным участником. Советы он давал искренние, совсем не думая запутать следы беглецов. Просто шёл по излюбленным туристическим маршрутам, искренне веря, что именно там Брусенец и найдёт сюжеты для своих новых картин.

«Московский барин», уже не по годам располневший, но старающийся держаться молодцом и, главное, быть модным, хорошо и со вкусом одетым, начиная от перстней на холёных пальцах и заканчивая мокасинами на ногах, какие раньше и не видывал Рустем, произвёл на него впечатление удачливого бизнесмена современной капиталистической эпохи.

Когда Игорь Васильевич вышел из душевой в белом халате, растирая махровым полотенцем свои волосы, подходя к зеркалу и рассматривая себя, Рустем уже накрыл на стол, все приготовив к трапезе.

Местная кухня уже надоела Сметанникову, и он сказал Рустему, чтобы на столе были только европейские блюда.

Жестом Сметанников пригласил Рустема сесть.

Выпили виски, которые Игорь Васильевич предпочитал другим напиткам, запили минеральной, и тут Сметанников спросил Рустема:

– Слушай, дорогой, ты же мне исповедовался, как страдал, когда расстался с женой.

– Ну-у, – отозвался Рустем, вилок цепляя кружочек копчёной колбаски и отправляя её в рот.

– Ты же понимаешь, как больно. И как хочется наказать обидчиков.

– Ну-у... – Теперь Рустем принялся за салатик, сложный, из овощей, мяса, облитого сырным соусом.

– Возьмёшься помочь? Ты же знаешь, где будет работать этот Брусенец.

– Ну-у... Еще по одной, Игорь Васильевич?

– Конечно. И вот я подумал... Алину надо выдворить из вашей республики. По закону. Но надо найти подходы к органам. Понимаешь? Чтобы найти зацепку... Например, сроки пребывания не ясны и не указаны... Или ещё что... Зацепка, понимаешь?

У Игоря Васильевича покраснели щёчки, пухленькие, нежные. Он с ними устал бороться, всё хотел сесть на диету, но как-то не получалось. Одно время он носил длинные волосы, они скрадывали полноту лица. Но уход за ними отнимал слишком много времени, да и мода на длинные волосы ушла. Тогда он стал носить причёску, которую высмотрел в одном из журналов мод. С той поры она стала его фирменной, знаковой. Причёска набок, волосы свешиваются к правой брови. Волосы у Сметанникова густые, пышные. И щёчки прикрываются чёлкой модной и, главное, оригинальной.

– Ты человек, как я понял, тёртый, знающий местную обстановку. Сможешь выйти на нужный кадр?

Рустем перестал жевать, задумался.

– Смогу. Но...

– Я понимаю, – перебил его Сметанников. – Оружие у нас есть. Испытанное. Только надо уметь им пользоваться. Дать в нужном месте и нужное количество.

– Сколько примерно? – спросил Рустем, снова наполняя рюмки.

– Смотря какой ты выберешь кадр. Если он крупный, конверт будет потолще.

– А всё же?

– Ну, Рустем, не будем сейчас торговаться. Преждевременно.

Рустем выпил, осмелел.

– Нет, Игорь Васильевич. Дело рискованное. Даже опасное.

– Кто не рискует, Рустем, тот не пьёт шампанское.

– Я знаю... – Рустем закусывал, чувствуя, что Сметанников всё больше попадает в его руки и что торговаться как раз сейчас самое время.

Но он не знал, что у Игоря Васильевича есть немалый опыт, умение вести такие переговоры с куда более зрелыми и опасными партнёрами.

– Я прикинул, такой кадр у меня на примете есть, – продолжил Рустем, выпрямившись в кресле и твёрдо смотря на Сметанникова, без обычного актёрства. – Приходилось как-то помогать Азату Канатовичу.

– И успешно? – так же твёрдо спросил Сметанников.

– Да.

– А кадр крупный?

– Да. Учились вместе.

– О-о! – Сметанников потянулся к бутылке, но Рустем опередил его, сам наполнив рюмки. – Тогда будем говорить и о пенёзлах.

– Вы имеете в виду монгольские тугрики? – в тон ему отозвался Рустем.

– Именно. Сможешь выйти на него быстро? Сегодня-завтра?

– Постараюсь.

– Постарайся. Допустим, вся операция будет стоить пятьдесят тысяч долларов. Тридцать тысяч кадру, десять тысяч тебе, десять тысяч на непредвиденные расходы. Для связных, может, и Керимбекову, кто знает. Сэкономить – они твои. Но вот что я хочу тебе пояснить, Рустем. Я тороплюсь по двум причинам. Во-первых, меня просто трясёт, когда я представляю, что моя жена с чужим мужиком. Во-вторых, работа у меня такая. Частые поездки. Показы и договоры. И посложнее, чем сейчас у нас с тобой.

– Я понимаю.

– Нет, не понимаешь. Ты ведь знаешь только по кино, кто такие акулы капитализма. А мне приходится с ними работать. С иностранцами даже легче, чем с нашими. Потому что у наших нет опыта. Они и блефовать-то не умеют. Чаще всего действуют грубо, варварски. Потому у нас так много убийств.

– Убийств много и у нас.

– Знаю я про вашу резню в Оше. Знаю и про азиатские нравы. Не обижайся, ведь и ты деловой человек, хотя только за рулём сидишь. Я тебя понял, Рустем. Поэтому и решил с тобой толковать.

Помолчали.

Каждый готовился к новому раунду переговоров. Сметанников разглядел под внешней болтливостью и простотой Рустема скрытую враждебность ко всем, кто стоит выше его по социальной лестнице. Нет-нет, да и в глазах его мелькала извечная неприязнь человека, который в глубине сердца считал, что его несправедливо поставили в услужение тем, кто ниже и хуже его.

– Ты ведь не киргиз, Рустем.

– Ингуш.

– Родителей сюда депортировали?

– Убили. Я детдомовский.

– Учился хорошо. Но почему вуз не окончил? Или я ошибаюсь?

– Вуз закончил, но из газеты вылетел за драку. Телеоператором стал, но тут опять сам виноват – пил.

– Ясно... А ты понимаешь, кто я такой? С кем связываешься?

– Не держите меня за дурака. Я и про вашу жену многое прочёл, и про вас.

– Так... – Сметанников встал, потому что телефон, лежащий на письменном столе, зажужжал, стал двигаться.

– Да, слушаю. Думаю, скоро буду в Москве. Да, один пока. Да, дело движется. Да, понимаю. Ответь, что мы приедем, как договорились.

Ещё и другие вопросы ему задавались, и он так же односложно отвечал «да», иногда «нет».

Вернулся к столу.

Теперь звонил Рустем.

Сметанников понял, что он договаривается о встрече, хотя общались собеседники не на русском языке. Сметанников догадался, что говорят они и не на киргизском – не было характерного повышения голоса в конце фраз, упора на звук «ы», часто повторяющегося в киргизском. Решил, что говорят на каком-то кавказском языке.

– Повезло, – сказал Рустем. – Встретиться можно у него дома сегодня.

Сметанников вернулся к столу.

– Если разговор пойдёт нормально, дадим задаток двадцать тысяч. А как она вылетит в Москву – ещё десять.

– Так сначала их надо найти.

– Теперь найдут.

– А вы...

– Улечу сразу, как у тебя решится. Знаешь, Рустем, если всё сложится хорошо, возьму тебя с собой. Сказать, куда мы собираемся? Крепче держись за кресло. В Венецию!

Рустем растерянно улыбался. Лицо его, с мушкетёрскими усами и бородкой, опять приняло глуповатый вид.

– Да-да, Рустем, в Венецию. Собор Святого Марка увидишь, Дворец Дожей... Знаешь, мне венецианские мастера – живописцы, архитекторы – очень нравятся. Особенно архитекторы. Живопись слишком уж нагловатая. По-учёному она называется «чувственной». А впрочем... что там говорить – Венера нагая возбуждает тебя до того, что дыхание прерывается. А с ней – красавец Марс, бог войны. Любовник, а под стол залез! Потому что их застукал муж Венеры! Как же зовут могучего старика?.. А, Вулкан! Это я тебе про картину Тинторетто рассказываю... Давай выпьем, Рустем. И мы застукаем нашу Венеру. Хотя я и не старик, но силёнка у меня есть. Верно?

– Верно.

– Ну вот, на гондолах покатаемся... И всё там, в Венеции, дышит красотой и страстью, все едут туда поразвлечься, позажиться с чужими мужьями и жёнами. Чувственность! Или разврат? Как ты считаешь?

Пришла горничная, принесла выстиранный и выглаженный летний костюмчик Сметанникова и вычищенные мокасины.

Сметанников вернулся к столу, снова стал серьёзен.

– Так на чём мы остановились?

– На Венеции.

– Да, Венеция, Рустем. У нас там показ. Обмен наладил именно я, потому что знаю, кто такой Тинторетто, Тьеполо и прочие Тицианы. Но без Алины нельзя. Потому что она незаменимый переговорщик. Все на неё гла-

зеют, и каждый думает подспудно, авось и заташу её в постель. Да, Рустем, таковы мы, мужчины. Никуда не деться от этого «основного инстинкта». Видел этот американский фильм? Обязательно посмотри. Вот... Значит, после переговоров докладываешь мне результат. И действуем дальше. А сейчас отдохнём...

Он встал, давая понять, что разговор окончен.

Встал и Рустем.

Пожали друг другу руки и расстались.

Сметанников прошёл в спальню своего «люкса», лёг на просторную постель.

«Паспорт у него возьму. Как будто для оформления визы, – подумал он. – В Венецию-то он поверил, хотя и не дурачок... И в десять тысяч... Тысяча – и то много для него будет. Впрочем, посмотрим».

И он заснул, утомлённый.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПОГОНЯ. ЭДЕЛЬВЕЙС

Дни проходили быстро, летели, наполненные светом радости и любви. Утром, позавтракав, Алексей шёл в горы, облюбовав себе местечко, откуда открывался чудесный вид на джайлоо. Он рисовал табун лошадей, который выгонял на пастбище Азим, сосредотачивая внимание то на лошадях, то на самом Азиме, когда тот подъезжал к нему и спрашивал, хорошо ли идут дела; то писал тени на отлогих спусках холмов, когда ему казалось, что они особенно эффектно освещены; то дописывал вчерашний вид дальних вершин, покрытых снеговыми шапками. И не успевал он закончить сегодня начатое, как появлялась Алина. Она приносила еду, они закусывали, пили чай, и Алексей радовался каждой мелочи, вроде сделанных Алиной бутербродов с варёным мясом, сыром, и всё нахваливал, и всё действительно ему нравилось. Перекусив, он отвлекался от работы над полотном, доставал альбом, карандаши и рисовал Алину – как она сидит и смотрит на него, на горы, собирает цветы. Если появлялись Айсулу или мальчишки, он рисовал и их, к восторгу маленького Талгата, который тарашил глаза, увидев себя изображённым на бумаге. Он хлопал себя по бокам и даже подпрыгивал, а Айсулу, как старшая, призывала его успокоиться и даже шлёпала его по попке. Сама она позировать отказывалась. Но Алексею всё же удалось зарисовать и её, и Азима, и Замиру за домашними делами, в юрте, когда они обедали или чем-нибудь занимались около неё. Альбом пополнялся и пополнялся зарисовками, бытовыми сценками. Алексей делал их впрок, зная, что они пригодятся потом, для каких-нибудь картин, которые пока мелькали в его воображении одна за другой. Впечатлений было много, он пока остановился лишь на двух картинах из тех, что обещал Керимбекову.

Айсулу уводила мальчишек, уходила и Алина, и он снова принимался за работу и заканчивал её, когда солнце начинало уходить за вершины гор. Только тогда он спохватывался и торопливо собирался, зная, как здесь быстро наступает темнота.

Шёл он к стойбищу быстрыми шагами, и радостное чувство переполняло его – вот сейчас он увидит Алину, вот они будут обсуждать, что произошло за день. И опять соберутся ужинать у Азима и Замиры – хозяева настояли, чтобы ужинали вместе, так положено по законам предков.

Напрасно Алексей боялся, что Алине будет скучно без него. Занятий у неё нашлось предостаточно – и самых неожиданных. Она подглядела, что мальчишки играют в какую-то незнакомую азартную игру. Чертят круг, ставят в центре его на линию какие-то костяшки, затем бросают биту с отведённого места в костяшки.

Игра вроде нашей, дворовой, уже забытой, на деньги монетами – в разных городах она называлась по-разному. Здесь она называлась «альчики». Вместо монет на кон ставятся костяшки из коленных суставов овец и баранов – отполированные, похожие на игрушечные танкетки, сверху горбатенькие, снизу изогнутые, по бокам с изящными кругляшками.

Алина подседа к мальчишкам, быстро уяснив суть игры. Узнала, кто побеждает, когда ударом саку (биты) выбивают альчики на расстояние больше трёх лаптей (стопы ноги).

– Алши – главный, – показал Талгат, старший сын Азима и Замиры, парнишка лет двенадцати.

Он поставил альчик на левый бок.

– Бук – другой бок. Потом – тайайки, – он показал на верхнюю часть альчика. – Нижний – шик. Альчики забираем, который старше.

– Поняла. – Алина внимательно разглядывала битую мальчишки. – А сюда свинец заливается, – показала она на одну из сторон альчика. – Какие они ладные. – Она вертела альчик так и сяк. – Только надо сделать их ещё более красивыми.

– Как? – спросила Айсулу.

– У нас же есть краски! – И она засмеялась.

К радости детей, в тот же день были готовы альчики алые, синие, жёлтые и оранжевые. А один альчик, который Алина сделала битой, она выкрасила в несколько цветов, переходящих один в другой.

Чудо, какой славный он получился!

На третий день Алина придумала из альчиков сделать браслет. А когда он Айсулу понравился, Алина сделала из разноцветных альчиков ожерелье. И надела на шею девушки.

Все захлопали в ладоши, Алексей – громче всех.

– На чёрный день тебе есть чем заработать. Можно открыть ООО «Альчик» – будет твоё ноу-хау. Уверен, товар пойдёт.

Смеялись.

Когда познакомились поближе, в один из вечеров Замира сказала, что у неё есть отрез на платье для Айсулу – ведь в следующем году у дочки выпускной, школу в Караколе она заканчивает.

Алина в тот же вечер сняла с Айсулу мерку и нарисовала несколько фасонов платья. Остановились на самом красивом, по мнению женской половины. Алина обещала, что сошьёт платье, как только они вернутся в Бишкек. Пусть только Айсулу позвонит из Каракола и подъедет к ним – ведь в Бишкеке им предстоит поработать по крайней мере месяц, а может, и больше.

Ну что там загадывать так далеко, пока надо жить на джайлоо и радоваться лету, солнцу, травам и цветам.

«И любви», – сказал про себя Алексей и посмотрел на свою избранницу.

Она поняла этот взгляд и ответно улыбнулась.

«Я должен для неё сделать что-то особенное», – подумал он.

Но что именно, он решил утром следующего дня, когда отправился на своё место в горах.

Никому ничего не сказав, он взял с собою тёплый свитер, вязаную шапочку, надел тёплые ботинки. Он знал, что на втором ярусе гор, где уже начинаются ледяные наросты, растут эдельвейсы – альпийские цветы-звёзды.

Но и там можно их не найти. Придётся подниматься выше, искать местечки, где есть и лёд, и солнце, и благоприятная тень от можжевельника для горных красавиц.

Азим сказал, что эти горные цветы хотя и встречаются здесь, но редко. Опасно, красавицы трудно достаются. Растут на крутых склонах. Батыром надо быть.

И улыбнулся, хитро поглядев на Алексея.

Наметив на глазок маршрут, Алексей стал подниматься по склону, довольно легко добравшись до ближайшего скального выступа, откуда уже начинался крутой подъём. И его он одолел, удачно найдя опору для ноги и крепко уцепившись за верхний от него камень. Подтянувшись, он накинуд петлю на куст можжевельника, которую сделал из пеньковой верёвки, взятой у Азима, и опять удачно поднялся на узенькую площадку, образованную отполированными ветрами камнями. Он не думал, как будет спускаться, легко ли это будет, да и возможно ли. Сейчас его мысли занимал только эдельвейс, укрывшийся где-то в этих каменных расселинах.

Алексей поднимался всё выше, а заветного цветка всё не было видно. Камень, который казался ему таким надёжным, внезапно выскользнул из-под ноги, и куст, за который он держался, предательски вылез, обнажив свой корень. Алексей успел перехватиться рукой за соседний небольшой выступ. Выступ оказался земляным и с шумом рассыпался под его пальцами, судорожно сжатыми в кулак.

Алексей пополз вниз, куртка затрещала, цепляясь джинсовой тканью за камни, пальцы в рвущихся перчатках тщетно пытались остановить падение.

На счастье, круча оказалась не столь большой, чтобы угробить неразумного скалолаза. Голову всё же уберегла, но больно ударила напоследок.

Сознание Алексей не потерял. Ощупал себя, осмотрел, не выпирают ли где кости. Нет, не выпирают.

Значит, цел.

Попробовал подняться. Получилось. Ощупал ногу, задрал джинсовую штанину.

Нога порезана так, как будто её полоснули ножом.

Кровоточит.

Надо найти подорожник или лист широкий какой-нибудь.

Согнувшись почти пополам, он принялся разгребать разнотравье, вспоминая, какая же из трав останавливает кровь, заживляет рану.

Ага, вот эта сгодится. Розовая, кажется, это чабрец. В Заволжье он тоже есть и считается самым ценным из трав. Должен помочь даже при глубоких порезах.

А это что такое? Откуда?

Здесь ведь не высокогорье?

Что же они морочили мне голову?

Он сел на траву, потому что стоять больше не мог.

Бережно израненными пальцами прикоснулся к основанию цветка, который оказался в траве.

Цветок с серебристо-белыми стрелами.

Звезда.

Сомнения нет, это эдельвейс.

Выходит, когда он схватился за можжевельниковый куст, то вырвал его вместе с цветком. Сползал по горе вместе с ним. Вместе с ним оказался здесь, в горной ложбинке, у подножья кручи.

– Милый ты мой, спасибо, что целый, – сказал он цветку. – Представляешь, как она обрадуется. Тем более я возвращусь как рыцарь с турнира. Израненный победитель. Так, герой с дырой...

Он как мог обложил рану травами и засунул штанину в ботинок, чтобы травы не упали.

Затем бережно упаковал эдельвейс в снятую изодранную куртку.

И тут увидел, что кто-то к нему скачет верхом.

Это примчался Талгат.

– Ты чего? – крикнул он, не слезая с лошади. – Тебя искал. Кое-как нашёл!

– Я тоже искал. И тоже нашёл! Да что случилось, Талгатик? Я немного ободрался, не беда. Не беспокойся.

– С Алиной беда! Прыгай сюда! Скорее!

Забраться на коня Алексею оказалось на так-то просто.

Но всё же он справился.

Толком Талгат объяснить ничего не мог. Но Алексей понял, что приехали какие-то люди, то ли полицейские, то ли военные, и приказали Алине собираться.

– Она меня послала за тобой! – крикнул Талгат, когда уже мчались к стойбищу.

Когда примчались, Алину не застали. У юрты стояли растерянные Азим и Замира.

– Они её увезли, – ответил Азим на вопрос, где Алина.

– Да кто увёз? Зачем?

– Военные люди. У них бумага с гербом и печатью. Алина бумагу читала, ехать без тебя не хотела.

Замира с горестным, виноватым лицом пояснила:

– Они сказали: ждать нельзя. Приказ.

– Да чей приказ? Алину силой увезли? Так, что ли?

– Они все: «приказ, приказ». Ты, если надо, догонишь. А они её в Чолпон-ату сегодня доставить должны.

– Господи, да что же это!

Алексей заметался, то направляясь к своей юрте, то к коню Талгата.

– погоди, Алексей, – Замира остановила его, – тебя надо умыть.

Она приказала Айсулу принести воды, тряпок, нагнувшись и осматривая раны Алексея.

– Да ерунда, ушибся немного. Азим, толком объясни, что произошло?

Азим развёл руками, не зная, что и сказать.

Помогла Айсулу:

– Приехали из органов, потому что Алина им сказала: «Что я, шпионка? Что мне здесь разведать? Сколько кобыл и жеребцов?» А они: «А карту зачем срисовали?» Алина им объясняла, что вы художник из Москвы. А они своё: «В Чолпон-ата начальство разберётся». Записку вам оставила.

Пока промывали раны Алексея и обрабатывали их, он прочёл записку:

«Это Игорь. Предписание Госбезопасности. Мне предложено покинуть страну в 24 часа. Если не увидимся, звони в Люберцы».

Ниже номера телефонов отца и матери Алины.

Подпись: «Твоя Алина».

Алексей намеревался уехать сейчас же, но Азим остановил его:

– Их трудно догонять. Лучше рано утром встанешь.

Алексей понял, что Азим прав. Да ведь если и догонит их в Чолпон-ата, толку никакого. Если бумага из КГБ, увезут её в Бишкек. Лишь там можно будет что-то решить.

Вся надежда теперь на Керимбекова. Но и он вряд ли сможет остановить машину, если она уже двинулась по бюрократическим рельсам.

Мысли беспорядочно прыгали.

«Вот так Сметана, боец-пакостник! Переиграл нас с Кабиром. Каким-то образом добился бумаги. Каким? Да не всё ли равно! Не сможет он держать её на цепи! Хотя и под присмотром Натальи Николаевны.. Алина надеется на отца и мать. А я? Что должен делать я? Хотя бы быть рядом. Господи, ведь так всё было хорошо! Неужели всему конец?»

Холсты он аккуратно свернул и уложил в футляр, альбомы и вещи в дорожную сумку.

Дошла очередь до эдельвейса. Раздумывал, как цветок лучше сохранить.

В это время в юрту вошёл Азим.

Увидел цветок.

– А ты за ним, значит, гонялся.

– Ты же меня предупредил, что красавицы трудно достаются. Слава Богу, голову не разбил.

– Слава Аллаху, верно. Идём арака пить. На прощанье.

– Идём.

В юрте хозяев уселись вокруг очага.

Алексей хотел сказать что-то душевное, поблагодарить Азима и его семью от всего сердца.

– Хорошо у вас было. Не думал, что так быстро всё оборвётся.

– А ты приезжай ещё, – сказал Азим. – С Алиной. Лучше всех она. Чолпон¹. Не потеряй.

– Чолпон, – сказала и Замира.

– Чолпон, – поддержала Айсулу.

А Талгат и Рыскул дружно кивнули.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

На кордон за Алексеем приехал не Рустем, а Башир на керимбековском «мерседесе». Был он, как и в день прилёта Алексея и Алины, в джинсах, кожаной куртке, выбрит, с короткой чёлочкой, наползающей на узкий лоб.

Простившись с Бабакулом, который о внезапном отъезде Алины смог добавить лишь то, что за ней явились не пограничники, а полицейские, скорее всего, из Бишкека. Держались они хозяевами, говорили только по-киргизски, как это теперь принято у чиновников и их помощников из столицы. На вопрос Бабакула, к чему спешка, не стоит ли дожидаться Алексея, ответили коротко, а на прощанье наставительно объяснили лесничему, что обстановка в республике сложная, враги рыщут по границам. Бабакулу вопросы надо задавать незнакомым личностям, а не стражам порядка.

Местные так с Бабакулом не разговаривали, о чём он и сказал Алексею.

¹ Чолпон – (кырг.) – звезда.

Башир, как и прежде, молчал, спросил лишь, почему Алексей хромает и рука у него на перевязи. Алексей объяснил, что неудачно спускался с гор и упал.

Опять воцарилось молчание, лишь шуршание шин по дороге да ровный шум двигателя нарушали ясное утро и тишину водной глади Иссык-Куля, вдоль которого Башир уверенно вёл «мерседес».

Неожиданно он спросил:

- А Рустему вы ни о чём таком не говорили?
- Что ты имеешь в виду? – не понял вопроса Алексей.
- Ну, про политику там. Про ГКЧП.
- А, вот ты о чём. Про ГКЧП даже запомнил.
- У меня хорошая память.
- Прекрасно. Скажи, а не запомнил ли ты, что Азат Канатович сказал, когда узнал, что Алину разыскивают органы?
- Удивился.
- И всё?
- Ну, сначала он удивился, что она сбежала от мужа.
- Это когда Сметанников к вам пришёл?
- Да.
- А потом?
- Что – потом?
- Когда органы стали её искать.
- А-а, – Башир позволил себе чуть усмехнуться. – Тогда я вспомнил, как вы про её знание английского языка сказали.

Алексей остался серьёзен:

– Я не приврал. Она закончила филфак МГУ.

Опять замолчали.

А когда перекусывали в придорожном кафе у Чёртова моста в Боомском ущелье, где любили останавливаться туристы и фотографироваться, Алексей спросил:

– А всё же, Башир, почему ты спросил про Рустема? Потому что он болтун? Мог лишнего наговорить?

Башир ел аккуратно, взяв беляш салфеткой, откусывая понемногу и запиная съеденный кусок глотком кофе.

- Потому что он неожиданно уволился.
- Испугался? Но ему-то чего бояться?
- Нет, – Башир доел свой беляш, допил кофе. Своим платком вытер уголки рта, положил платок в карман куртки. – На нём была новая кожанка. Как у меня.
- И что?
- На такую кожанку у него никогда денег не было. А если и водились, он их пропивал.

Алексей стал догадываться, куда клонит Башир.

- Выходит, Рустем мог помочь Сметанникову? Или операм?
- Этого я не говорил.

На мосту толпились туристы, заглядывали через металлическое ограждение в черноту провала, на пенную кипень реки, бьющей водными бурунами в камни, серые и чёрные, отполированные, большие и малые.

Вид отсюда, с моста, был завораживающе зловещ. Недаром здесь передавалось из уст в уста немало легенд о Чёрном альпинисте, который появляется лунными ночами.

– Башир, можешь сказать, что Рустем к органам имеет какое-то отношение?

– А как же. Туристов возит. Иностранных.

– Но Алина... Известная модельерша... У нас с вами безвизовый режим... Столько лет жили вместе... И в 24 часа... Это как?

– Об этом лучше Азата Канатовича спросить. И про Рустема...

Показались пригороды Бишкека.

Во всей красе стала видна новь Кыргызстана. Мазанки с глиняными дувалами перемежались с новенькими кирпичными особняками, образующими порой целые участки; деревянные дома, построенные переселенцами ещё в начале века двадцатого, преимущественно украинцами, с обязательными вишнёвыми садами; опять мазанки; недостроенные многоэтажки «обманутых дольщиков» – все прелести буржуазного рая были налицо.

Но вот показались кварталы «хрущёвок», узнаваемые Алексеем улицы с аллеями тополей, карагачей, с арыками, бегущими вдоль них. И только нелепые рекламы, устроенные там и сям на первых этажах домов, говорили, что советское время миновало.

Подъехали к одной из пятиэтажек, заехали во двор.

– Здесь будете жить и работать, – сказал Башир. – Мастерская на пятом этаже. Трёхкомнатная квартира со всеми удобствами, светлая, вот ключ.

Башир помог Алексею перенести вещи.

Алексей осмотрелся. Видимо, здесь и до него останавливались и работали художники. Мебель стандартная, без излишеств. Всё есть, как в обычной гостинице.

– Поедете к Азату Канатовичу? Или за вами заехать с утра?

– Нет, поедем сейчас.

Керимбеков встретил Алексея с прежней радушностью. Сокрушался о ранах Алексея и особенно внезапном отъезде Алины. И только когда та же секретарша принесла кофе и коньяк и выпили по рюмке, Керимбеков заговорил о работе. Очень обрадовался, стоило Алексею сказать, что две картины он покажет на днях. А остальные пейзажи – до конца месяца.

– Редко когда мне работалось так хорошо, – признался Алексей. – Какое-то особенное время, даже трудно его описать словами.

– Понимаю, понимаю... Тем больше у меня нетерпение увидеть картины.

– Надеюсь, вас не разочарую. Но поясните мне, Азат Канатович, как можно было с Алиной так поступить. Не дождавшись меня, не расспросив, хотя бы для приличия... Как каких-то особо опасных преступников...

– Я пытался, поверьте, Алексей Михайлович. Но с этими людьми, понимаете, так трудно договориться.

– Может, наоборот, легко?! – твёрдо спросил Алексей.

Керимбеков выдержал взгляд Алексея.

– Я вас понимаю. Но и вы меня поймите. Ну, поживёте месяц-другой без неё. В Москве всё уладится, поверьте. Да и проверите себя.

Алексей промолчал, рассматривая теперь узоры на кофейной изящной чашечке.

Резко вскинул глаза на Керимбекова.

– А этот ваш шофёр Рустем... Где его найти?

– Зачем? – несколько испуганно отозвался Керимбеков.

– Хотел бы узнать подробности. Ведь он возил Сметанникова. Наверняка и в аэропорт отвёз.

– Не знаю, не знаю, – быстро ответил Керимбеков. – Особенно насчёт аэропорта.

– Но почему он уволился?
– Да? Вы и это знаете?
– Как видите.
– Я особо и не спрашивал его... Видите ли, он у нас временно работал, по найму, так сказать... Впрочем, если он вас заинтересует, Равшана подскажет, как его найти.

И, видя недоумённый взгляд Алексея, пояснил:

– Равшана – моя секретарша.

Подумав, сказал, вставая:

– Впрочем, не советую с ним связываться... Несolidный человек. Могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. А вам надо работать, Алексей Михайлович.

– Я всё помню, Азат Канатович.

– Если что, звоните.

– Обязательно. – И Алексей вышел из кабинета.

Башир отвёз его в мастерскую, и Алексей остался один.

Он прошёлся по комнатам, кухне, открыл окна в гостиной и остановился. Двор точно такой же, как во всех советских городах, с песочницей, со скрипучими качелями для детей, с заросшими травой и наполовину высохшим кустарником палисадниками, неприбранный, усилил его тоску.

На качелях сидела девочка лет десяти, раскачивалась, и петли, давно не смазанные, противно скрипели.

И этот скрип окончательно добил Алексея.

Он ощутил такое одиночество, какое никогда не ощущал прежде. Может быть, потому, что вместо величия гор, простора джайлоо, синевы Иссык-Куля перед ним предстал вид столь унылый, и он вдруг понял, что у него отняли вместе с Алиной саму жизнь. Он смог понять, что ощутил сейчас не столько одиночество, сколько потерянность в этой стране, городе, квартире.

«Ужасно, – сказал он себе, – ужасно».

Качели скрипели всё невыносимее.

На кухне он отыскал бутылочку подсолнечного масла, тряпку, вышел во двор.

Девочка растерянно смотрела на него узкими карими глазами.

Он смазал петли, взялся за прутья и качнул их вместе с девочкой, которая так не сошла с сиденья, наблюдая, что делает Алексей.

Петли скрипнули на прощанье. Алексей ещё раз смазал их.

Теперь качели раскачивались без скрипа.

– Ну вот, теперь нормально.

Он пошёл к подъезду.

У дверей его остановила пожилая киргизка, в платке, в сатиновом летнем платье, с такими же серыми цветочками, как на майке у девочки на качелях.

– А вы кто будете? – спросила она.

– Новый жилец с пятого этажа.

– А, квартира 39, – сказала киргизка.

– Верно. А вас как зовут?

– Фатима. А вас?

– Алексеем. Что же, Фатима, неужели в целом доме никого не нашлось, кто бы петли смазал? Ведь противно скрипят.

– А-а, противно, да. Мы привыкли... – Она рассматривала Алексея.

Он подумал, что где-то ведь придётся столоваться, и спросил:

– Скажите, Фатима, а рядом нет ли кафе или столовой, где бы можно нормально пообедать? Видите ли, я буду жить один, работы много, время терять не хочется.

– Столовой нет, ресторан есть. Но идти надо далеко. Токтогула улица называется.

– На Токтогула? Так это к центру?

– А-а-а, к центру. Ресторан «Сон-куль» называется.

– Нет, это мне не подходит, апа. Ещё больше времени потеряю. Вот что, дорогая Фатима. Не договоримся ли мы с тобой, что ты будешь готовить и для меня? За плату, конечно. А?

Фатима явно смутилась, даже поднесла сухонький кулачок ко рту.

– А-а-а, не знаю.

– Да я не привередливый. Мне лишь бы горяченького на обед. Шурпа, лагман. Ну, манты по воскресеньям. Ведь ты всё умеешь.

Девочка между тем подошла к бабушке, взяла её за руку. Заглядывала снизу в лицо Алексея.

– Подумай, апа. И заходите ко мне к вечеру, всё обговорим. Ладно? Жакши?

– Ладно, ладно, – сказала девочка и улыбнулась, показав беленькие крепкие зубки. – Обязательно зайдём.

И от этой улыбки Алексею стало легче. Он тоже улыбнулся девочке, узнал, что её зовут Наргиза, и только после этого пошёл по лестнице с выщербленными от времени ступенями к себе в мастерскую.

Чтобы опять не погрузиться в состояние полного одиночества, он принялся устанавливать мольберт в гостиной, которую решил сделать мастерской. Натянул холсты с пейзажами, которые предстояло доработать, на подрамники. Раскладывая вещи на полки в шкафу, он наткнулся на изодранную джинсовую куртку, в которую уложил эдельвейс. Цветок подсох, но не утратил своей красоты. Он нашёл пустую картонную коробку, сделал из чёрной бумаги подложку, осторожно переложил на неё цветок. Когда он окончательно высохнет, можно будет подклеить его на картон. И так сохранить.

«А дыры на куртке можно зашить. Или оставить. Будет вид хиппая. Посоветоваться с Алиной. Она написала, что звонить надо в Люберцы. Но если Сметана удерживает её у себя в высотке? А может, она и сама так решила? Если всё случившееся для неё всё-таки приключение? Эдакий отпускной романчик? Разве такое решение невозможно? Да и его раскаяние, клятвы, что всё будет по-новому, что вся жизнь впереди, разве тоже невозможно? Раз он сумел подключить кэгэбэшников, или как они там теперь называются? Местных или московских, да не всё ли равно, каких! Главное, что подключил, что они выпроводили её, вот чего он добился. Интересно, а её отец, неужели он не встретил её в аэропорту? Неужели Сметана и отца её нейтрализовал?

...По времени разница с Бишкеком, сколько я помню, три часа... Сейчас, выходит, четыре часа дня в Москве. Звонить? Или рано?

Звонить, иначе я с ума сойду».

Звонок.

– Ало!

Её голос.

Её!

– Алина...

– Ты?

– Алинушка...

- Ты! Ты!
- Я. Только вошёл в квартиру, где буду работать.
- Слава Богу! Слава Богу!
- Конечно, слава, ведь Он уберёт тебя.
- И тебя!
- Да меня-то что? Меня кэгэбэ не ловят. Скажи, ты добралась нормально? Без наручников, надеюсь?
- Ты шутишь! Значит, цел! За тебя боялась!
- Да что такое! Он тебя запугал, что ли?
- Да! Грозился, что до тебя доберётся! Я знала, что он мстительный, но чтобы так... Представляешь, отца моего настроил против нас. Еле-еле заставила выслушать меня. Мама помогла, слава Богу.
- Мне радостно, что ты про Бога вспомнила.
- А как иначе! Я к твоей Владимирской ездила. И ещё поеду!
- Вот это да!
- А что ты удивляешься? Эти, которые меня арестовали и в аэропорт привезли, говорили, что тебе крепко не поздоровится.
- Да что они могут сделать со мной? Смех один. Я по вызову приехал. Работать во их же благо.
- Будь осторожен, умоляю тебя. Они все против нас.
- Ладно, ладно, родная моя. Я, знаешь, что в горах для тебя нашёл? Помнишь, о нём говорили. Эдельвейс! Куст обломился, но прямо с цветком. Представляешь?
- Как это?
- Ну, я свалился с кустом в руках... А там и цветок! Настоящий эдельвейс!
- Свалился? Со скалы?
- Ну да, ободрался малость. Но ничего себе не сломал, успокойся. Ты-то как?
- Да так. Живу дома, в Люберцах. Буду подыскивать работу.
- Замечательно. То есть я хотел сказать, что замечательно другое. Ты.. и я! Теперь я буду работать день и ночь! Чтобы быстрее встретить тебя! Чтобы... Ты чего? Ревёшь? Да неужели ты думала, что я... что я...
- Думала!
- Перестань! А то и я зареву! Я ведь не железный!
- А я какая?
- Ещё спрашиваешь! Ты самая красивая женщина в мире! Какая там Софи Лорен и вместе с ней все лоллобриджиды! Они в подмётки тебе не годятся! Знаешь, я тут в интернете прочёл, что Алина значит «чужая, незнакомая». Это с древнегерманского. А с французского Алина – это Аделина, Адель. То есть «прекрасная, величественная». И родственная славянским именам «Альбина» и даже «Алла». Что означает «светлая, светловолосая». Представляешь, какой разброс? Была «чужой», а стала родной, самой прекрасной!
- Ладно тебе, балабол.
- Отец тебя встретил?
- Да.
- И не отпустил к нему?
- Я сама сказала, что на Кудринскую больше не поеду.
- А Сметана? Донимает тебя?
- Донимает.
- А ты?
- Держусь.

– Господи! Я завтра с утра разыщу здесь церковь и закажу благодарственный молебен! И буду на коленях Его благодарить, что Он дал счастье встретить тебя!

– Ладно, ладно. Все вы обещания горазды давать. Будешь звонить мне каждый день. Лучше всего вечером, в восемь московского.

– Точно, когда «Вести» начинаются.

– Главное, обещай побыстрее заказ выполнить.

– Обещаю. А ты обещай...

– А я ничего тебе обещать не могу. Пока на мне не женишься.

– Как раз это меня и устраивает! Ну, до связи, моя любимая. С Богом.

– С Богом, – ответила она.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОСЛЕДНИЙ КОММУНИСТ СССР

И вновь, как в горах и на Иссык-Куле, к нему вернулись силы и вдохновение. Он работал не только весь световой день, но порой и при электрическом свете дописывал детали, вносил отдельные поправки. Или брал картон, альбомную бумагу, где рисовал Алину в горах, на Иссык-Куле, и выбирал лучшие рисунки. Развесил их по стенам в гостиной. Один рисунок, по его мнению, лучший, он повесил на стену против окна, чтобы лучше он смотрелся, освещённый утренним солнцем.

Законченные пейзажи он тоже развесил по стенам, благо Фатима принесла дрель и помогла ему. Она согласилась готовить и, как он и предполагал, отлично справлялась.

Картины Алексея очень ей нравились, особенно пейзажи джайлоо. Она приводила в мастерскую мужа, сестёр, внучат, которых оказалось четверо. Все они, первые зрители новых работ Алексея, оказались восторженными его почитателями, кто в большей степени, кто в меньшей, а неодобрительных отзывов он не услышал, чем остался очень доволен.

Одобрительно, хотя и более сдержанно отнёсся к пейзажам Алексея и Керимбеков. Хотел забрать и рисунки, где была запечатлена Алина, но Алексей их не отдал, как потом выяснилось, напрасно.

Керимбеков приезжал вместе со своей Розой, которая, как понял Алексей, была главной оценщицей работ, приобретаемых для салона на продажу. Роза, статная, модная азиатская женщина, киргизка по отцу, сама себя назвала «ассирийкой». Она оценила работы Алексея как «отличные». Но добавила, что Алексея не отпустит, пока он не напишет её портрет.

Алексей ответил уклончиво, вроде бы пообещав Розе, что портрет будет, но не сейчас.

Керимбековы картины увезли, расплатились с Алексеем, и теперь осталось лишь прийти к ним на прощальный ужин, а потом лететь в Москву, к Алине.

Между тем торжества по случаю пятидесятилетия со дня провозглашения Независимости Республики Кыргызстан уже заканчивались. Парад, салют, торжественные приёмы закончились, но в парках, на площади, на центральных улицах ещё не снимали праздничных украшений, не гасили огней по вечерам, и народ продолжал заполнять все увеселительные заведения.

В один из этих прощальных дней Алексей решил съездить на могилу отца и проехаться по памятным местам города своей юности.

Ехать предстояло на Южное кладбище – рейсовый автобус ходил туда редко, и Алексей взял такси.

Парадную часть столицы он слишком хорошо знал по прошлым приездам, посмотрев, как стала выглядеть и главная площадь Бишкека с памятником Манасу, с новым Домом правительства, с другими памятниками, символизирующими независимое государство. Ему хотелось сейчас увидеть то, что осталось от прошлой жизни.

По дороге на Южное кладбище он увидел и дом, где они жили, и улицы, хотя и изменившиеся с вкраплением новодела, но всё же свои, родные.

Как странно назвать вот эту пятиэтажку своим домом, а это двухэтажное здание тридцатых годов своей школой, где он три года учился, где сдавал экзамены в выпускном классе. На учительском столе тогда стояли букеты сирени, деревянные полы были вымыты, высокие окна распахнуты, ветви акации склонялись к ним. А он сидел у вон того окна и писал ответы на вопросы, которые казались ему слишком примитивными для него, считавшего себя вполне взрослым человеком с самостоятельным взглядом на мир.

По этой улице ехали несколько минут, а вспомнилась целая жизнь. Улица заканчивалась железнодорожной линией, здесь шоссе поворачивало влево, к переезду. Сразу за переездом стояли корпуса завода военного, выпускавшего снаряды и ещё что-то, чего не знал даже Юрка Мураш, школьный друг. Юрка пошёл работать на этот завод, не поступив в политехнический. Когда после первого курса Алексей приехал на каникулы, Юрка встретил его на мотоцикле «Ява», прокатил с ветерком. На этой «Яве» он и разбился у этого переезда, налетев на полном ходу на шлагбаум. Это случилось поздно вечером, Юрка работал в вечернюю. Почему-то не сработала сигнализация, и закрытый шлагбаум Юрка увидел, когда уже было поздно. Юрка хорошо стоял на воротах, его брали в физкультурный, экзамены надо было сдать «для проформы», как говорил тренер. Но Юрка хотел только в политех и поступил бы, конечно. Был он улыбочивым, весёлым парнем, любимцем не только улицы, но и города, потому что уже играл за юношескую, и его прочили в основу команды мастеров, которая тогда называлась «Алга», что значит «вперёд».

Отъехали несколько километров от города, и вдоль шоссе стали попадаться особняки за высокими каменными заборами. Особняки, каждый на свой лад, демонстрировали буржуазный достаток элиты Бишкека.

Показались окраины села, шоссе поворачивало вправо, а сразу за селом начиналось Южное кладбище.

Алексей помнил, что могила отца находится на бугре в конце кладбища. Когда копали могилу, вырыли жёлто-коричневую землю, глинистую, сухую. Стоял сумрачный октябрь с серым небом, сплошь задёрнутым дождливыми облаками. Казалось, ещё немного, и дождь заморосит. Немногочисленная похоронная процессия состояла из Алексея, его матери, соседей по дому и нескольких сослуживцев из «Советской Киргизии», где в последние годы подрабатывал Михаил Фёдорович. Был и представитель райкома партии, сухонький бойкий товарищ в плаще «болонья» и кепке коричневого цвета, будто специально подобранной под цвет кладбищенского глинозёма. Конечно, товарищ сказал речь, в которой были отмечены заслуги Михаила Фёдоровича, талантливого журналиста и, главное, коммуниста, прошедшего трудный, но славный путь. Были ещё дежурные речи, и они продолжались бы ещё долго, потому что многие из присутствующих хотели обязательно выска-

заться. Но слава Богу, пошёл дождичек, сначала слабенький, а затем холодный, косой.

Пришлось поторопиться, пожилые люди двинулись к автобусу, к несколькими легковушкам советского ещё производства.

Алексея и маму его, Анну Кузьминичну, усадил в райкомовскую «Волгу» тот самый сухонький человек в плаще. По дороге до дома он почти ничего не говорил. Но когда сели за поминальный стол, он вдруг как бы очнулся. Алексей уже увидел не сухонького старичка, а живого человека с зорким взглядом из-под очков, маленьких, в железной оправе. Старичок оказался вовсе и не старичком, а крепким, ещё и не таким старым, каким казался в плаще и кепке. На нём был двубортный чёрный костюм, белая рубашка с галстуком. Лицо аскетичное, щёки запавшие, глаза неожиданно зоркие под очочками в железной оправе.

Это был заведующий отделом пропаганды Сергей Семёнович Глаздьев, как потом узнал Алексей. Он и запомнился Алексею и своим внешним видом, и, главное, тем, что рассказал.

А рассказал он историю, которая впечатлила не только Алексея.

– Слушайте, Анна Кузьминична, и ты, Алексей, слушай. Михаил Фёдорович вам, конечно, этот случай из своей жизни не рассказывал. Потому что скромностью отличался необычной. Казалось бы, такой известный, импозантный. Даже красивый, я бы сказал. И вдруг такая удивительная скромность.

Сергей Семёнович оглядел собравшихся. Он стоял справа от Анны Кузьминичны, которая сидела во главе стола. Стол накрыт во всю просторную гостиную, до входной двери, распахнутой, и там продолжался через весь коридор, вплоть до входа в квартиру, которая находилась на первом этаже.

– Так вот, приходит ко мне Михаил Фёдорович первого октября одна тысяча девятьсот девяносто первого года платить членские взносы, – продолжил Сергей Семёнович. – Я говорю: «Помилуйте, Михаил Фёдорович, вы что, вчера телевизор не смотрели?» «Смотрел», – отвечает. «Так вы что, ничего не поняли? КПСС ТЕПЕРЬ НЕТ! Горбачёв вчера объявил это на весь мир». «Ну и что, Сергей Семёнович, – спокойно отвечает. – Горбачёв сегодня есть, а завтра его не будет. А КПСС как была, так и будет. Ну, может, будет иначе называться. Но, главное, партия есть и будет! Принимай взносы». Я говорю: «Не могу. Да и куда такая спешка, Михаил Фёдорович? Да, партия останется, я в это верю. Но будет реорганизация. Подождём, что решат в Москве. А он: «Нет, я не намерен ждать. В этом бардаке жить больше не хочу. Уезжаю к себе на дачу. Там у меня печурка, дров наберу и буду жить. Пока всю эту нечисть перестроечную не выкинут на свалку». «Подожди, – говорю, – а если ты нам понадобишься? Собрание если срочное?» – «Я как за пенсией приеду, к тебе снова зайду. А пока – уволь. Сердце разрывается на всю эту вакханалию смотреть». И выкладывает деньги. Взносы, значит. Говорит: «Получишь новые документы, заведёшь новый формуляр. И мои взносы внесёшь для этого самого преобразования партии, которое обязательно будет. Или ты тоже не веришь в нашу партию?» И грозно так на меня посмотрел.

Сергей Семёнович сделал паузу, отпил водички и продолжил:

– Признаюсь вам, товарищи и друзья мои, честно: как тут в партию верить, когда публично объявлено, что она ли-кви-ди-ро-ва-на! В дурном сне этого невозможно было представить! Киргизия теперь – самостоятельная! Без России! Нас, выходит, бросили! Да ведь дураками круглыми надо быть, чтобы не понять, кому это на руку! Ладно, эмоции опускаю. Сами видите, что теперь происходит. Принимаю не только взносы. Я от Михаила Фёдоро-

вича веру в нашу партию, в наше единство принял! Понимаете? Но это, дорогие мои, ещё не всё. Ещё не всё сказал о нашем дорогом Михаиле Фёдоровиче. Слушайте дальше. Не плачьте, Анна Кузьминична. Ваш муж показал, каким должен быть настоящий коммунист. Пусть все знают, Анна Кузьминична, что дальше произошло. Алексей пусть тоже знает. Михаил Фёдорович действительно отправился к себе на дачу, которая расположена за Домом отдыха. Километров пять дальше, к самым горам, там автобус и останавливается. Который ходит раз и день ещё дальше, к альплагерю. Михаил Фёдорович сел в этот автобус, поехал. Кондуктор собирает деньги за билеты. Михаил Фёдорович в карман, достаёт кошелёк. Это потом он мне рассказал. А там – не хватает на полный билет! Взносы-то заплатил! Деньги вам, Анна Кузьминична, отдал! Эх, немного не рассчитал! Взял он билет до Дома отдыха, а дальше пошёл пешком. Жара. За плечами – рюкзак. Он хороший ходок, с ним приходилось вместе ходить по горам. А тут – события-то какие! Жуткие! Плохо с сердцем у Михаила Фёдоровича! Сел он при дороге. А вечер наступает. И нет никого, кто бы подвёз его! Вот так, дорогие мои! Вот так!

Сергей Семёнович снова снял очки, будто бы протереть их платком, а на самом деле смахнул слезу.

Потом собрался, прокашлялся.

– Это я всё вам для того рассказал, чтобы вы знали, кто от нас ушёл. Ушёл последний коммунист СССР – Михаил Фёдорович Брусенец. Вечная ему память!

И Сергей Семёнович осушил бокал до дна.

Выпили, помолчали.

Сосед, друг отца, Азамат Ильясович, спросил:

– А как же он до дачи добрался?

– Садовый сторож, слава Богу, мимо проходил, – сказала Анна Кузьминична. – На своей телеге Мишу в Дом отдыха отвёз.

– Выходит, в независимом Кыргызстане Михаил Фёдорович прожил всего два месяца, – подытожил Азамат Ильясович.

Был он киргиз по национальности, носил по торжественным и официальным дням пиджаки, похожие на кители, застёгнутые на все пуговицы – летом белые чесучовые, зимой – чёрные шерстяные. Эти пиджаки-кители придавали ему начальственный вид, которому он и стремился соответствовать. За революционное прошлое его много раз назначали руководителем различных организаций, дела в которых он успешно проваливал. Последней его должностью была должность директора авторемонтной мастерской, которую он именовал заводом. Но и на этом «заводе» Азамат Ильясович продержался недолго, так как ровным счётом ничего не понимал в авторемонтных делах.

Тем не менее Алексей помнил, что отец хорошо относился к соседу, и после очередного увольнения успокаивал его и выпивал с ним, говоря всякий раз, что пенсия у Азамата хорошая, жить можно, а работу он себе пусть ищет в другом месте.

Всё это хорошо помнил Алексей и сейчас, сидя на скамеечке, сделанной своими руками, смотрел на портрет отца под стеклом, который стоял, приклонённый к надгробью из чёрного мрамора ровно пятнадцать лет назад, осенью девяносто первого.

Сначала он хотел сделать скульптурный памятник отцу, но соглашаться на изображения, выполненные по технологиям новым, прямо на мраморе, преимущественно чёрном, не стал. Почему-то эти «кладбищенские» «памятные доски» пришлось ему не по душе, и он ограничился фотографическим

портретом под стеклом, надеясь, что в будущем придумает что-то подолговечней.

А теперь, через пятнадцать лет, он понял, что лучшим памятником отцу стал вот этот холм, суглинистый, которым и начинается Киргизский Ала-Тоо. Отец любил вечерними часами смотреть на него со своей веранды, пристроенной к дачному домику. Смотрел и Алексея заставлял смотреть.

И наступал закат, и багровое летнее солнце уходило за холмы и снеговые горы, и отец неизменно говорил: «Слабовато вам всем передать эту красоту. Тебя прошу похоронить меня на одном из этих холмов».

Теперь Алексей понял, почему отец просил об этом.

Он видел в этой красоте Вечность.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ПЛАТА ЗА ЛЮБОВЬ

После кладбища вернувшись в город, Алексей не захотел сразу идти в мастерскую, а попросил таксиста высадить его у ресторана «Сон-Куль», о котором упоминала соседка Фатима. Не надо бы ему делать этого, но захотелось успокоить себя чаркой водки, и он поддался искушению.

В ресторане шумно и людно, и Алексей остановился на пороге, высматривая свободное местечко.

Официант, молодой киргиз, в длинном фартуке поверх брюк, в рубашке с короткими рукавами, но с галстуком, озабоченно прошёл мимо, словно бы не заметив его.

Когда он таким же манером прошёл мимо второй раз, Алексей окликнул официанта, и тот остановился.

– Послушайте, мне бы местечко, – обратился к нему Алексей.

Официант пожал плечами, нехорошо усмехнулся и продолжил свой бег к столикам, стоящим в центре зала.

Тогда Алексей решил сам найти место и пошёл вдоль столов вглубь зала.

У одного из столов три места были заняты, одно свободное.

– Вы разрешите? – спросил он.

За столом сидели два киргиза средних лет, с ними женщина лет тридцати, киргизка. Мужчины были крепко сложены, уже изрядно выпившие. Женщина, по-европейски одетая, в кофточке, с лёгким шёлковым шарфиком, завязанным бантом, с ухоженным лицом, в меру накрашенным, вопросительно посмотрела на Алексея. Мужчина, сидевший рядом с ней, плечистый, осанистый, в белой рубашке с воротником-апаш, посмотрел на Алексея снисходительно, несколько даже удивлённо.

Второй мужчина, что был помоложе, тоже в рубашке с короткими рукавами, с наголками на открытой до локтя руке, с браслетом на другой, смуглый до черноты, с мышцами бугристыми, с лицом скуластым, аскетичным, развёл руками и хмуро сказал:

– Садись, если не шутишь.

Алексей сел.

Окликнул официанта, который опять пробежал мимо.

– Шакмар бала², – сказал тот, что постарше.

² Чумазый мальчишка.

– Жат киши³, – сказал второй, с наколками.

Алексей не понял точного значения сказанных слов, но одно слово всё же угадал: так Айсулу бранила Рыскула, когда он ел шоколадку, подаренную Алексеем, и измазался.

– Жок. Бул көрктүү, жигит,⁴ – сказала женщина.

– Жигит! – передразнил пожилой.

Поскольку официант всё не подходил, женщина улыбнулась, подвинула к Алексею чистый бокал и сказала:

– Может, выпьете с нами?

Тот, кто постарше, взял графин и налил в бокал водки.

А молодой своей вилкой подцепил из своего блюда кусок мяса и протянул Алексею:

– Не побрезгуешь?

Алексей принял вилку, поднял бокал с водкой и сказал:

– Я, конечно, не жигит. Но всё же и не шакмар бала, лицо чистое. Рахмат от души. Давайте выпьем за праздник!

Мужчины удивились, но промолчали, а женщина, улыбнувшись ещё приветливей, подлила им водки в бокалы, подлила и себе:

– Выпьем!

– Ичуу! Ичкен!⁵ – откликнулся Алексей, хорошо помня, как по-киргизски звучит этот призыв и как Пётр Тосоевич учил отца Алексея «конспирации», приглашая по-киргизски идти в «стекляшку».

Этим возгласом Алексей вроде бы сумел расположить к себе. Скоро перезнакомились. Пили водку, уже принесённую по заказу Алексея (официанта всё же подозвал Мирбек, старший из них). Закусывали хорошими салатами, с обязательными овощами, как просил Алексей, и мясом, как просил Алмаз, «качок» с наколками, который оказался владельцем магазина спортивных товаров. Он всё допытывался, почему Алексей в чёрной рубашке и чёрных джинсах. А когда узнал, что Алексей пришёл в ресторан с кладбища, от могилы отца, вроде зауважал Алексея. Впрочем, не перестав его подкалывать.

Женщина оказалась продавщицей из магазина Алмаза, но не его женой, а, как понял Алексей, любовницей. Мирбек приходился родственником Алмазу, организатором заказов для него в Москве и Петербурге.

Всё шло хорошо, пока не зашёл разговор о политике.

– Вот ты мне сакажи, – заседал на Алексея «качок» Алмаз, коверкая русские слова, – твой отец в газете работал. Значит, был коммункнистом?

Глаза Алмаза уже покраснели, но он всё «добавлял».

– Да, отец был коммунистом. И что?

– А то, что коммункнисты – сволочи.

Повисла пауза.

Алексей положил вилку на стол, перестав закусывать.

– Что, не так? – с вызовом продолжал Алмаз, шуря и без того узкие глаза. – Вы нас кинули. Как будто мы – хлам.

– Алмаз, ну не надо заводить, – попыталась его остановить женщина, которую звали Фаридой.

³ Чужак, чужой.

⁴ Нет. Хороший парень.

⁵ Выпьем, пойдём выпьем, давай выпьем.

– Помолчи, – отмахнулся от неё Алмаз. – Пусть он ответит! – И выставил указательный палец в сторону Алексея.

– Отвечу, конечно. Коммунист коммунисту – рознь. Чингиз Айтматов⁶ тоже был коммунистом. Он тоже – сволочь? А? Между прочим, мой отец первым написал большую статью об Айтматове. Помню даже, как она называлась: «Джамия шагает по свету». Можешь прочитать.

– Х-ха, – надсадно выдавил из себя Алмаз. – Айтматов! Это не ответ! А кто наш Кыргызстан до нищеты довёл? Русские коммункисты!

– Если хочешь, и на этот вопрос я тебе отвечу, – сказал Алексей. – Не коммункисты, как ты говоришь, а коммунисты Киргизию вывели из нищеты и неграмотности. Сделали её равной республикой среди равных. А СССР развалили не коммунисты, а наши общие враги. – Алексей встал, отодвинув стул, поискал взглядом официанта.

– Нет, постой! – Алмаз тоже встал и тоже отодвинул стул.

На ногах он стоял крепко.

Фарида схватила его за руку, попыталась усадить.

Алмаз отшвырнул её, и она отлетела к соседнему столику вместе со стулом.

Сидевшие там люди не сумели удержать упавшую на их спины Фариду. Зазвенела разбитая посуда, рухнувшая на пол.

Алмаз подошёл к Алексею и нанёс быстрый короткий удар. Алексей повалился на людей другого столика, стоявшего позади. Не успел прийти в себя, как получил второй удар, такой же мастерский, как и первый, опять в лицо – Алмаз хорошо дрался, не так давно завершил свою спортивную карьеру, занявшись торговлей спортивными товарами.

Поднявшись, чувствуя головокруженье, Алексей всё же сумел очухаться.

От третьего удара Алмаза защитился, отступая.

Сумев собраться, он что было сил дал Алмазу сдачи. Также по лицу.

Не надо бы ему этого делать, но сработал инстинкт самозащиты.

Алмаз лишь покачнулся – он умел не только бить, но и держать удар.

Родственник Алмаза, Мирбек, не стал вмешиваться в драку, но поднялся, вышел из-за столика, готовый ко всему.

Алмаз между тем готовился к новому удару, отеснив Алексея к входной двери.

Сидевшие за столиками люди поднялись с мест.

Но в драку не вмешивались, наблюдая, как крепкий, загорелый до черноты киргиз бьёт русоволосого русского, тоже не слабого, тоже плечистого.

Вот он сумел опередить киргиза и нанести удар.

Неслабый, потому что Алмаз отлетел, упав.

Подбежали официанты, стали скручивать Алексею руки, выталкивая его в вестибюль.

Там вмешался крепкий вышибала. Он треснул Алексея по затылку так, что тот на несколько мгновений потерял сознание.

Когда пришёл в себя, увидел перед собой чьё-то незнакомое азиатское лицо.

Лицо расплывалось и исчезало, появлялось снова.

Алексей оказался на улице, у входа в ресторан.

Кто-то сзади опять треснул его по голове, и он упал.

⁶ Чингиз Айтматов – выдающийся советский киргизский писатель, произведения которого получили мировую известность.

Удары ногами по телу он уже не ощущал.
Потому что сознание окончательно покинуло его.

Очнулся Алексей в палате больницы, когда сестра потрогала его за плечо, ожидая реакции.

Алексей открыл глаза. Увидел лицо женщины средних лет, русское, мило-видное.

– Очнулся, – сказала женщина, продолжая смотреть ему в глаза.

Алексей хотел приподняться, но почувствовал тяжесть в правой ноге.

– Тихо-тихо, – остановила его женщина. – У вас нога переломана и в гипсе.

Алексей посмотрел прямо перед собой, осторожно приподнял лёгкое оде-яло, увидел, что нога его перебинтована. Увидел, что и рука перебинтована.

Забинтована была и его голова, но этого он пока не видел.

– Вы в больнице. Без сознания были почти сутки.

– А-а, как я...

– Сейчас всё узнаете. Лежите не двигаясь, я за доктором.

Она вышла, Алексей осмотрелся.

Палата вполне приличная, одноместная. Окно высокое, с белыми занавес-ками. Сбоку столики, на нём какие-то медицинские приборы.

На противоположной стене круглое зеркало, в которое он попытался заглянуть.

Удалось.

Он увидел своё лицо с огромным синим подтёком под левым глазом, забинтованную голову, которой трудно даже пошевелить.

«Крепко они меня, – подумал он. – Как же... как я сюда попал?»

Последнее, что он запомнил, это лицо человека с оскалом, который сме-трел ему прямо в глаза. Потом вспомнилось лицо Алмаза, драка и как его выволокли на улицу и там добивали.

А потом?

Увезли на скорой?

Значит, её всё-таки вызвали?

Не везли его на телеге, как садовый сторож отца?

Вошёл врач, осмотрел Алексея, пояснил, какие у него травмы. На голове сильные ушибы, но она цела, не пробита. Дальнейшее лечение после рентгена и МРТ, которые будут сделаны позднее.

– Всё по вашему состоянию, Алексей Михайлович. – И доктор направил-ся к двери, но на возглас Алексея, который его остановил, добавил: – Лидия Васильевна вам пояснит, лежите, не беспокойтесь.

Алексей попробовал повернуть голову.

Получилось.

– Я тут... как? – обратился он к миловидной Лидии Васильевне.

– Вас привезли на «скорой». Ваш друг о вас позаботился. Всё оплатил, был вчера дважды, сегодня обязательно придёт.

– А... Как его зовут?

– Вы не знаете, как зовут вашего друга? Ну, ничего, вспомните, он скоро придёт. Хотите чего-нибудь? Поесть, попить?

– Да, попить...

Лидия Васильевна взяла фаянсовый чайничек, налила в стаканчик какую-то жидкость, предложила Алексею.

– Попейте вот это, очень полезно.

Алексей сделал несколько глотков.

– Хорошо, что есть кому позаботиться, – продолжила она, наблюдая, как приходит в себя Алексей. – Ваш друг, сразу видно, человек замечательный. Поесть не хотите? Манной каши, например? На молоке, со сливочным маслом?

– Чуть позже, – Алексей опустил голову на мягкую подушку.

– Хорошо, отдыхайте. – И Лидия Васильевна ушла.

«На молоке, со сливочным маслом, – повторил Алексей. – Да где это я? Уж не бывшая ли цековская это больница? Азат расстарался? А как он меня нашёл? Интересно, кто скорую вызвал? Неужели тот вышибала?»

«Правая рука цела, хотя ладонь немного опухла. Слава Богу, рисовать смогу, – продолжал размышлять он. – Нога переломана одна, значит, смогу передвигаться. Главное, башку не проломил. А ведь могли пырнуть. Разные удалыцы помогали этому Алмазу. Так что радуйся – легко отделался».

Кто-то деликатно постучался в дверь.

– Войдите, – голос у Алексея слабый, но всё же слышимый хорошо.

Вошёл тот, кого он меньше всего ожидал увидеть.

В двери показался букет пышных георгинов, потом и сама обладательница цветов – Розалия Керимбекова.

– Алексей Михайлович, дорогой, как вы? – Она подошла к больничной кровати быстрым шагом, улыбаясь сострадательной улыбкой.

На ней было шёлковое розовое платье, на шее ожерелье из металла, вероятно, меди, под золото. В ушах крупные кольца, тоже под золото, чёрные волосы уложены в крупный узел, лежащий на затылке как шар. Лицо, красивое, удачно подкрашенное и припудренное, выражало такое участие к больному, будто он самый дорогой для неё человек.

Розалия осмотрелась, искала, куда бы поставить георгины.

Вошла с кашей Лидия Васильевна.

– Милочка, поставь, будь добра, цветы. – И протянула сестре букет. – А кашку давай сюда. Я вас покормлю, не возражаете, Алексей Михайлович?

– Да что вы, Розалия... Я...

– К чему церемонии? Вы больной. А я – сестра милосердия. Позвольте мне такой быть. Хорошо?

Алексей натужно улыбнулся.

«На кого она похожа? А вот, пожалуй, на кого».

И сказал вслух:

– Вы похожи сейчас на царицу Савскую. А я на раненого воина войска царя Соломона.

– Ну, раз шутите, значит, вам полегче. Давайте, я вот так сяду и буду вас кормить.

Она боком присела на кровать, изогнув свой стан, выгодно выставив вперёд высокий бюст.

– Открывайте рот. А я вам буду рассказывать, что вас жгуче интересует.

Алексей стал есть, а Розалия продолжила:

– Значит, из милиции, то есть полиции, нам позвонили. Выяснили наш номер из вашего телефона. Который лежал у вас в кармане. Азат Канатович тотчас примчался, и из милиции вас отвезли в скорую. Вы были без сознания. Азат настоял, чтобы вам оказали помощь немедленно. Вы знаете, как это трудно, особенно по праздникам. Но Азат умеет всё пробить, когда надо. Умеет, когда я настаиваю, – подчеркнула она, вафельным полотенцем вытирая уголки рта Алексея. – Деньги! Вот так, дорогой Алексей Михайлович! Мы очень боялись, что повреждения у вас серьёзные – с головой в первую очередь. Но всё обошлось, слава Всевышнему. Ну вот, покушали немно-

го, – она улыбалась, уже спокойнее глядя на Алексея. – Теперь попить. Что тут у вас? – Она заглянула в чайничек, принесённый Лидией Васильевной.

– Это напиток с женьшенем, – сказала сестра, которая вошла, держа вазу с георгинами. Поставила их на тумбочку.

– Очень хорошо. Может, организуем чайку с молочком и мёдом, а, милочка?

Лидия Васильевна кивнула и вышла.

– Так вот, – продолжила Розалия, – пока вам не наложили гипс на полуманную ногу и руку, Азат не ушёл. А утром мы занялись перевозкой вас сюда, в частную клинику. Это уже мои связи, Алексей Михайлович. Хирург здесь один из самых лучших в Киргизии, я вас уверяю.

– А сумка моя... там рисунки... паспорт... и кошелёк...

– Сумку из ресторана отдали. Разумеется, без кошелька. Но с паспортом.

Алексей облегчённо вздохнул.

Розалия поставила тарелку на тумбочку, взяла принесённую сестрой чашку с чаем, села поближе к Алексею, намереваясь поить его из своих рук.

– Попробую сам. – Алексей неловко улыбнулся и взял чашку здоровой рукой. – Я теперь ваш должник, – сказал он.

– Ну что вы... Я была потрясена, когда узнала, что с вами. Думаю: вот это благодарность замечательному художнику! За его-то прекрасные пейзажи. Да ведь это и не пейзажи вовсе, а картины! Вы философ, Алексей Михайлович. У вас пейзажи несут огромный смысл. Только его надо понять!

Она смотрела на Алексея влюблёнными глазами – тёмно-карими, блестящими, с очень удачной подводкой, которая укрупняла глаза, делала их ещё более манящими, завлекающими.

– Спасибо, Розалия. Но вы преувеличиваете значимость моих работ.

– Нисколько! Моя бы воля, я бы все ваши картины у себя оставила, а не выставила на продажу. Уже приходили смотреть друзья Азата. Они в восторге!

– Спасибо. Скажите, вы не спрашивали у вашего чудо-хирурга... сколько мне придётся лежать?

– Ходить сможете через дней десять примерно. На костылях. А заживают переломы такие, как у вас, через месяц – тоже примерно.

Ответ Розалии так отозвался в сердце Алексея, что Розалия всё поняла по его глазам.

– Всё зависит от вашего организма, Алексей Михайлович. Лечитесь старательно. А мы сделаем всё возможное, чтобы вам не скучать. И выздороветь.

Она встала, одёрнула своё великолепное платье.

Была она очень хороша: статная, с высокой грудью, широкими бёдрами – настоящая шамаханская царица.

– Да не переживайте вы очень-то, – улыбнувшись, сказала она. – Как станет вам лучше, я вас делом займу. Догадываетесь, каким?

Она подбоченилась и вскинула голову, выставив вперёд ногу в туфле на высоченном тонком каблуке.

– Ну?

– Нет, не такой я вас напишу.

– А какой?

– Наряд ваш будет совсем другим. Придумаем. А сейчас...

– Да-да, я понимаю. Отдыхайте, Алексей Михайлович. Я буду наведываться. Не возражаете?

– Нет, конечно. Не знаю, как вас и благодарить.

– Будет время, отблагодарите. Ухожу.

И она пошла к двери уверенной лёгкой походкой женщины-победительницы, которой всё подвластно.

«Да, тяжело зато Азату с такой приходится, – подумал Алексей. – Лежать! Да я с ума сойду! И как я объясню Алине, почему не еду к ней?»

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ПЛАТА ЗА ЛЮБОВЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Дремота одолевала его, и он засыпал. Просыпался, когда его будили. Давали лекарства, делали уколы. Есть он стал сам – Лидия Васильевна принесла удобный столик, который ставила на кровать. Алина позвонила, не дождавшись его звонка. Кое-как он сумел успокоить её, убедив, что, кроме переломов, никаких серьёзных повреждений нет. Она несколько раз говорила с Азатом Канатовичем, который подтвердил, что это действительно так – только тогда она немного успокоилась.

В один из этих дней у Алексея состоялся неожиданный разговор с Азатом Канатовичем.

Впрочем, и сам Керимбеков не ожидал, что отношения с Алексеем получат такой оборот.

Алексей уже приспособился сидеть в постели – у больничной кровати под нужным углом поднималось изголовье.

Когда он сидел таким образом, раздумывая, как будет удобнее поставить мольберт, чтобы работать, в палату вошёл Керимбеков.

По его лицу, непривычно возбуждённому, Алексей понял, что произошло что-то необычное.

Керимбеков мял пальцы, сжимая и разжимая их в кулаки. Вытирал со своего огромного лба пот, хотя в палате работал кондиционер.

И прятал от Алексея глаза, что очень насторожило его.

– Да что с вами, Азат Канатович? – не удержался Алексей от вопроса. – Вы хотите сказать мне нечто неприятное?

– Да, Алексей Михайлович. Нам надо объясниться.

– Вероятно, речь о деньгах? Я сказал вашей супруге, что все расходы по лечению оплачу. Но она и слушать меня не стала.

– Да-да, она говорила. Но я не об этом. Лечение мы обязаны взять на себя, это долг гостеприимства. Ведь вы жили, Алексей Михайлович, в квартире, которую мы с Розалией арендуем. И вот вчера... Мне трудно об этом говорить, но вы уже способны всё адекватно воспринять...

– Да что такое, Азат Канатович? Пожар, что ли?

– Уж лучше бы пожар, – сокрушённо ответил он.

Керимбеков снова достал из кармана большой носовой платок и вытер пот на затылке, под волосами, которые закрывали шею.

– Ну, говорите же наконец, Азат Канатович!

– Ограбление. Со взломом.

Алексей уставился на Керимбекова.

– Сегодня утром, – начал Азат Канатович более спокойно, – звонит мне домой владелец квартиры Музафаров. Его оповестили соседи из тридцать восьмой квартиры. Дверь в его квартиру, где мастерская, то есть тридцать девятую, открыта. Ограбление. Он тут же вызвал полицию, меня. Приехали полиция, следователи. Спрашивают: что могли взять грабители? Я говорю:

да ничего особенного. Рисунки ваши со стен сорваны, зверски изуродованы. Спрашивается: зачем они взломали квартиру? Что им там нужно?

– Мой гонорар, – сказал Алексей.

– Конечно! Но вот вопрос: кто об этом мог знать, кроме меня, Розы и вас? К вам с этим вопросом придёт следователь. Я его решил упредить, вас подготовить.

– Правильно сделали, Азат Канатович.

– Понимаете, Алексей Михайлович, всё в квартире перевёрнуто, видно, что деньги искали... И вот... теперь... подозреваемые...

– Вы, Азат Канатович.

– Правильно. Ведь никто, кроме нас с Розой, не знал, что вы в больнице. Ну, ещё эта соседка, которая вам еду готовила.

– Фатима.

– Верно. Но ключ запасной только у нас. И мы могли всё с Розой инсценировать. Кого-то нанять, чтобы деньги вернуть.

– Успокойтесь, Азат Канатович. Неужели вы считаете, что я так подумаю?

Азат Канатович, такой солидный, с таким непроницаемым лицом, с такими коварными глазами, какими привык его видеть Алексей, теперь выглядел совершенно беспомощным. Лицо кривила гримаса, он стал задыхаться, и глаза вдруг стали слезиться.

– Понимаете, Роза моя, Роза...

– Что – Роза?

– Она думает, что это я!

– Что?!

– Да! Она решила, что галерея будет её. А я... мне нужны деньги, чтобы бороться за галерею...

– Ну что вы, Азат Канатович. Чтобы жена... могла так поступить с мужем?.. Это ведь не американский детектив.

– Но у нас в квартире произведён обыск! Она дала разрешение проверить и мои счета. Пусть, пусть проверяют! Хотя это унижительно!

И Азат Канатович разрыдался.

Алексей вызвал Лидию Васильевну.

Пришлось сделать Керимбекову успокоительный укол.

Пока он приходил в себя, Алексей размышлял, кто же мог его ограбить.

Ответ напрашивался сам собой.

«Конечно, это он – Сметанников. Его наймиты. Не зря же Алина предупреждала, что надо быть осторожнее. Она и по телефону сказала, что меня избил по его указке. Чуть, но доказать это оказалось трудно».

«Но как ограбление всё-таки могло произойти? – продолжал размышлять он. – Выходит, за мной была установлена слежка? Выходит, выбран удачный момент? Они знали, что я в больнице? Постой... Азат вполне мог сказать кому-то из своих. Покупателям, например. Другьям, которым показывал картины.

Ладно, пусть разбирается следствие.

Но Розалия! Почему она считает, что муж – вор? Скорее всего, шантажирует. Если у них запутанные отношения...»

В палату вернулся Керимбеков. Волосы мокрые, тщательно расчёсанные. Лицо непривычно желтоватое, а не светло-коричневое, как обычно. Он сел на стул, стоящий ближе к стене, закрыл глаза.

– Я должен кое-что пояснить вам, Алексей Михайлович. Это вещи интимные, и я надеюсь, что вы...

– Можете не сомневаться, Азат Канатович, – перебил Алексей. – Всё останется между нами.

– Вы порядочный человек, потому доверюсь вам.

Он глубоко вздохнул, открыл глаза, устремив взгляд на Алексея.

– Видите ли, – продолжил он, – я очень люблю её. И сам не заметил, как подпал под её влияние. Я не сразу разглядел её властную натуру. Чем она виртуозно стала пользоваться. Учитывая мою ревность, присущую особенно азиатским людям. Она знала, как потушить мою горячую кровь, как остановить мои решительные действия. И я оказался в её подчинении.

– Нельзя ли поконкретнее, Азат Канатович.

– Да-да. Сейчас она поведёт атаку на вас, Алексей Михайлович.

– Что? Атаку?

– Да, атаку, я слишком хорошо изучил её приёмчики. Не удивляйтесь, а слушайте внимательно. Это её идея пригласить вас сюда. Ей очень нравятся не только ваши работы. Но и вы. Оттого, что вы смогли умыкнуть чужую жену, она пришла в восторг. А когда появился этот Сметанников, помогла, как могла, органам выдворить вашу Алину. Как она себя вела, когда вы были у нас дома, вы, может, и не заметили, зато заметил я. Жадная по натуре, она несколько не жалась, когда мы обсуждали цену за ваши картины. Это она назначила цифру по десять тысяч долларов за картину. И потом я видел, как она устраивала вас сюда, в эту клинику. Поверьте, Алексей Михайлович, это не только ревность. Я видел, что она рада, что вы теперь не можете улететь к своей Алине. У неё есть теперь время прямо приступить к действию!

– Но подождите, Азат Канатович, подождите! Я вам прямо скажу, что, кроме вашей ревности, тут ничего другого нет. Разве такая опытная женщина, как Розалия, не видит, что мои чувства, вся моя жизнь устремлена теперь только к Алине. Надо быть слепым, чтобы этого не видеть.

Керимбеков посмотрел на Алексея как-то грустно, с сочувствием.

– Алексей Михайлович, вы не знаете, на что способна такая женщина, как Розалия. Подождите, не возражайте. Уверен, она уже сказала вам о портрете. Так? Так. Трогательная забота о вас уже началась. Разговоры о вашем таланте, о том, что ему нужны другие масштабы, будут во время первых сеансов. Когда вы к ней немного привыкнете, она закинет удочку с наживкой покрупнее: скажет, а не дерзнёте ли вы написать её обнажённой? На какой-нибудь античный или библейский сюжет? Вы, разумеется, будете возражать, но она скажет: мы же цивилизованные люди, элита. А со мной всё согласовано. Затем... начнёт рисовать перспективы... Впрочем, не будем далеко заглядывать вперёд, рассмотрим сегодняшний день.

Он сделал паузу, встал, попил водички из принесённого Лидией Васильевой графинчика, опять сел на своё место и уже строго, назидательно обратился к Алексею:

– Следователю скажите, что никаких претензий и подозрений на мой счёт не имеете. Потому что знаете меня как в высшей степени порядочного партнёра. Это доказывает и тот факт, что я предложил вам полностью ещё раз оплатить гонорар за пять картин в прежнем денежном эквиваленте, поскольку ограбление произошло в квартире-мастерской, которую я предоставил вам. Я, то есть вы, Алексей Михайлович, согласны не подавать никакого искового заявления в суд. В то же время вы обязуетесь, пока проходит лечение и у вас появится время, выполнить для меня ещё одну работу, а именно портрет Розалии Тимуровны.

Азат Канатович закончил говорить, будто прочёл написанный на бумаге текст. Алексей сообразил, что текст этот, вероятно, является контрвыпадом против заявления Розалии, если такое заявление существует.

Алексей обдумывал сказанное. Керимбеков внимательно смотрел на него.

– Довольно растратно с вашей стороны, Азат Канатович. Не слишком ли щедро?

– За любовь надо платить, – внятно и властно ответил он. – Учитывая, конечно, ваши обязательства. И понимание, как себя следует вести.

– Об этом могли бы не говорить. А вот то, что за любовь надо платить, – верно. Наш поэт, которого в припадке ревности и злости подушкой задушила жена, тоже поэтесса, между прочим, написал задолго до своей ужасной кончины:

*За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью⁷.*

Керимбеков с афоризмом поэта согласился.

И после этого ушёл.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ИСКУШЕНИЕ

Через десять дней Алексея перевезли в квартиру-мастерскую. Всё в ней своим видом говорило о том, что пора вновь приниматься за работу. Инвалидная коляска стояла у мольберта, полы вымыты, мебель на своём месте, чистая.

Не успел Алексей осмотреться, как пришла Фатима. Она радостно улыбалась и всё благодарила Аллаха, что Алексей жив и здоров, хотя и на костылях. Но ничего, костыли он скоро поставит в чулан навсегда. Фатима была невысокого роста, кривонога, но лицо её так и светилось добротой, а глаза, тёмно-карие и живые, с искоркой, которая вспыхивала, когда она высказала расположение к собеседнику, лучше всего говорили о её характере.

– Алексей, дорогой. Ждали тебя. Переживали. А когда шайтаны явились, весь наш двор горе принял. Все переживали.

– Ты лучше скажи, Фатима, не заметил ли кто чужих людей в нашем дворе?

– Как заметишь, дорогой, двор стал проходной. Теперь магазин с той стороны.

Со стороны улицы в доме появился продуктовый магазин, и его присутствие больше всего беспокоило тех, кто остался жить на первом этаже, не продал квартиры. Во двор стали заезжать машины, привозившие товары, захламляли двор ящиками и упаковочными коробками. Посторонних людей действительно трудно было выделить, потому что проходивших по двору, приезжавших на своих автомобилях людей было немало.

Но Наргиза, внучка Фатимы, с которой познакомился Алексей в первый день приезда, всё-таки кое-что приметил, качаясь на качелях, петли которых смазал Алексей.

⁷ Строки из стихотворения Н. Рубцова «Русский огонёк».

Он сидел в инвалидном кресле, примериваясь, как ему придётся, сидя в нём, работать, когда девочка пришла его проведать.

– К тебе из взрослых никто не подходил? – спросил Алексей. – Не интересовался ли, куда я подевался? Когда я попал в больницу?

Наргиза осматривала инвалидную коляску, в которой сидел Алексей, пробовала её сдвинуть с места и покатить.

Это у неё получилось, и она засмеялась.

– Теперь я буду тебя катить!

– Катать. Тише, а то об стенку меня стукнешь!

– Не, я осторожно!

Она весело двигала по комнате коляску, разворачивая её у порога.

– Ну хватит, девочка моя. Скажи, никто про меня не спрашивал?

Наргиза встала перед Алексеем, задумалась.

Глаза у неё были бабушкины.

– Был один такой. С бородкой. Я его спросила, он тоже художник, раз про тебя спрашивает?

– Так-так, – оживился Алексей. – Бородка вот такая, клинышком? – Он показал пальцами форму бороды.

– Да, такая.

– И усы вот такие, как у мушкетёров? – Он опять показал форму усов.

– Да, такие.

– На голове бейсболка? Ну, кепка с козырьком.

– Я знаю, что такое бейсболка.

– Так-так. А ты сказала ему, что я в больнице?

– Сказала. А что, не надо было говорить?

– Да не беспокойся, наргизёнок-киргизёнок. Просто мне надо было уточнить про этого дяденьку. Он нехороший.

– Правда? А он вашим знакомым назвался.

Не успел Алексей узнать про Рустема, как явилась Розалия.

На этот раз на ней было платье оранжевого цвета, тоже из струящегося шёлка, со смелым декольте; туфельки другие, красного цвета, тоже на шпильках. В руках она держала несколько пакетов, которые свалила на стол.

– Фу, жарко. Принесла кое-что, надо же отметить ваше успешное возвращение в мастерскую.

Она осмотрелась, сняла роскошную широкополую белую шляпу, повесила её на вешалку.

Алексей сразу вспомнил скромную соломенную шляпку Алины.

По-хозяйски она стала накрывать на стол, доставая из буфета посуду, бокалы. Знала, что где лежит.

– Знаете, без ваших рисунков, Алексей, стены какие-то голые. Я бы хотела, чтобы теперь висели новые эскизы.

– Вашей головки, вашей фигуры, – продолжил Алексей.

– Совершенно верно.

– И шляпу вы для этого надели?

– Она вам не нравится?

– Роскошная. Как у Елизаветы Второй.

– Что это вы то в царицы, то в королевы меня записываете?

Она закончила накрывать на стол – всё было предусмотрено, закуски, фрукты, шампанское.

– Как не записывать вас в царицы, когда и стол царский накрываете?!

Он подъехал на коляске к столу.

Розалия сама откупорила шампанское – умело, пальцы её были сильными. Налила вино в бокалы.

– Ну, за вас, дорогой мой мастер. Пусть для вас я стану Маргаритой.

Он не ждал, что она так быстро приступит к тому, о чём его предупредил Керимбеков. Всё же нашёлся, что ответить.

– Вы всё-таки не Маргарита. Скорее Панночка⁸.

– Панночка? Кто это такая? Поясните.

– Потом. Выпьем.

Шампанское хорошо освежало, закуски аппетитные, свежие, и Алексей, видя, как Розалия не жеманясь ест и пьёт, решил про себя, что сейчас самое время провести разведку.

– Скажите, Роза, у вас есть уже идея портрета?

– Есть. Но я не хочу ограничивать вашу творческую свободу.

– Прекрасно. Но какой вы видите портрет? Психологический? С правдой характера?

– Да, пожалуй. Но я должна нравиться зрителю. – Она улыбаясь смотрела на Алексея.

– Нравиться чем именно?

– Красотой, конечно.

– Но какой красотой? – допытывался Алексей.

– Красотой не худосочной манекенщицы, – она перестала есть, уже без улыбки смотрела на Алексея, – а живой, желанной женщины.

– Ага, вот теперь я кое-что прояснил. Желанная значит чувственная, страстная. Я обласкан вашими заботами, задобрен деньгами. Значит ещё, что не надо выворачивать вашу душу наизнанку. Написать вашу роскошную фигуру, лицо не менее прекрасное. Глаза, в которых не скрыты, а выставлены напоказ ваша страсть, чувственность. Они поглощают всех с головы до пят. У вас ведь красота хищная, Розалия.

– Вы такой меня видите?

– Но вы сами такой хотите видеть себя. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. Настоящим мужчинам нравятся не худые девушки с плоскими бёдрами, у которых почти нет грудей, а женщины, у которых есть что показать.

– Понимаю.

– Вот и отлично, раз понимаете, – она хмыкнула, дерзко глянула на Алексея. – Вы начнёте писать мой портрет и сами не заметите, как полюбите настоящую красоту.

– То есть вас.

– А кого же?

Она засмеялась, но смех её был несколько деланным, искусственным.

Налила в бокалы шампанское.

– Может, вы меня изобразите в образе Юдифи⁹?

– О нет. Голова тогда была бы Азата Канатовича, а не Олоферна. Если следовать Караваджо.

Она засмеялась – теперь весело, от души.

⁸ Панночка – ведьма в повести Н. Гоголя «Вий».

⁹ «Юдифь и Олоферн» – имеется в виду картина итальянского художника Караваджо, написанная в 1599 году по мотивам ветхозаветной книги «Юдифь».

– Вы проказник, Алексей. Давайте приступим к работе прямо завтра с утра. Я привезла не только еду, но холст, краски и кисти – на выбор. Сейчас Башир принесёт.

– Он ваш оруженосец или Азата?

– А вы как думаете?

– Понятно. А Рустем? Он кто? Слуга на побегушках?

– Вроде того. Но ведь без таких тоже нельзя обойтись.

Она позвонила по мобильнику Баширу, он принёс всё, что необходимо для работы Алексею.

Держался почтительно, но, как всегда, с достоинством. Ушёл, когда Розалия его отпустила, наказав ждать.

Алексей не выдержал, посмотрел на принесённый холст.

– Вы хотите, чтобы я написал вас в рост?

– Необязательно. Можно и сидящей. А можно и лежащей, как Венера перед зеркалом у Веласкеса¹⁰.

– Не хочу кому-то подражать. Даже великим. Дайте мне денёк-другой на размышление. И я покажу вам эскизы.

– Согласна.

Она испытующе смотрела на него, сверля глазами. Встав, придвинулась вплотную к его коляске.

– Братский поцелуй!

Она хотела поцеловать его в губы, но он увернулся, и поцелуй пришёлся в щёку.

Она удивилась, но быстро взяла себя в руки.

– Позвоните, когда эскизы будут готовы.

Она встала, пошла к двери, надев широкополую шляпу, опять становясь неприступной светской дамой.

Оставшись один, он попробовал обдумать произошедшее. Мысли путались, налетая одна на другую. То он думал о грабеже, Рустеме, который, после того что сказала Наргиза, вполне мог стать пособником Розалии. Ведь она сказала, что такие люди, как он, тоже нужны. Значит, Рустем мог участвовать в грабеже. Прямо или косвенно. Но тогда по чьему указанию? Сметанникова или Розалии? Если поверить Азату, она вполне могла нанять Рустема, чтобы ограбить и поделить выручку. И тем самым унижить Азата, да и самой получить прибыль. И вытрясти из него деньги, одновременно купив его, Брусенца Алексея, будущего своего любовника.

Такая версия вполне может быть.

Но не исключена и другая версия.

Грабителей нанял Сметанников. Вполне мог через того же Рустема. Ведь тот возил его по дорогам Киргизии. Мог договориться с ним, чтобы завершить месть.

Подумал Алексей и ещё об одной версии. Азат и Розалия могли весь этот спектакль сочинить вместе. Азат разыгрывает оскорблённого и униженного ревнивца, даёт Розе возможность быть благодетельницей. Денежки они забирают себе и выручку от продажи картин тоже забирают.

Может так быть?

И тут Алексей подумал о том, что украденный гонорар за картины Азат ему не вернул. Только пообещал. Всё это слова, договора-то нет! Вернее,

¹⁰ «Венера с зеркалом» – картина испанского художника Диего Веласкеса, изображающая полулежащую обнажённую Венеру. Она смотрит в зеркало, которое держит перед ней Амур.

есть. Но есть и его подпись в получении денег. Может, Азат оплатит только портрет, который будет написан, и всё на этом? И сказать, что сейчас денег нет, подождите, я приплю после.

Может такое быть?

Может.

Что же делать?

Господи, помоги.

Он знал, что успокоиться может только одним – работой.

«Хорошо, – продолжал размышлять он, – чтобы избавиться от них, надо писать портрет. Сейчас думать только о нём. Каким он будет? Допустим, я посажу её у окна. Допустим, она будет в этой роскошной шляпе. И что? Получится портрет княгини Юсуповой Серова¹¹. Нет, погоди-ка. Я ведь ей сказал, что никому не хочу подражать. Это вовсе не значит, что я не могу использовать достижения классиков. Пусть она у меня будет сидеть не на роскошном диване, как у Серова, не в воздушном платье, а в современном, коротком, выше колен. С тем медным ожерельем или монистами, в оранжевом платье. Шёлковым, которое подчёркивает её сексуальные прелести. И в той же шляпе».

Он подъехал к мольберту, укрепил на нём лист бумаги, взял пастельные карандаши и приступил к работе.

На следующий день Розалия, когда смотрела эскиз, выдержала длинную паузу.

– Разве это шамаханская царица? Нужен персидский ковёр.

– Да? Тогда ковёр можно повесить за вашей спиной. Но будет слишком литературно. За окном пусть увидятся горы со снеговыми шапками. У Леонардо ведь тоже горы за спиной его Джоконды.

Сравнение с Джокондой поколебало позицию Розалии.

– Ну ладно. Привезу сюда мягкий стул. Оденусь приличней.

– Не надо, – возразил Алексей. – Наоборот, должен быть скорее не стул, а современная треугольная подставка, которую теперь используют граждане свободной Киргизии, как и России. Понимаете мой замысел?

– Не совсем. Вы что, хотите написать бедную женщину?

– Нет, Розалия. Пышного парадного портрета я писать не буду. Я хочу написать современную азиатскую женщину на фоне вечных гор – киргизского Ала-Тоо.

– Тогда пишите пастушку в чапане, в бархатной жилетке, а не меня.

– Я бы с удовольствием написал Замиру, которая вместе мужем Азимом и детьми приняла нас на джайлоо. Но мне надо писать вас, Розалия. И хотя вы элитная женщина, всё ж не хочу вас отрывать от родной земли.

Она смотрела на него раздражённо, зло. Понимала, что надо сдерживать раздражение, но это с трудом ей удавалось.

Прошлась по комнате, остановилась у стола. Он был чист, Фатима приходила вчера, убралась.

– Но как я буду выглядеть? – наконец спросила она. – Вульгарной? Некрасивой?

– Что вы, Розалия. Киргизию я люблю. И в вашем образе как раз и хочу показать современную Киргизию. Вы же сами говорили, что я философски настроенный художник.

¹¹ Имеется в виду знаменитый портрет княгини З. Юсуповой В. Серова.

– Значит, я сама на себя не буду похожа? Ведь мой облик, по вашим представлениям, далёк от идеала.

– Давайте так. Утвердите портрет по этой или другой композиции. А лицо ваше, фигура будут как в жизни, не сомневайтесь. Я гарантирую.

Она теперь мягче посмотрела на Алексея.

– Ну, хорошо, – сказала примирительно. – Но, может, шляпу не надо? Одените меня в национальное платье, как Айчурек, а? Островерхий ак-колпак на голову, а?

– Ну, Розалия... Тогда принесите ак-колпак и распахнутую юбку... как она называется?

– Бельдемчи. Можно попробовать и меховую шапку – тебетей. Или тюрбан.

– Несите всё, будем пробовать. Окончательный вариант согласуем. Только не тяните.

– Завтра же всё привезу. Всё возьму напрокат из оперного театра. У меня там есть друзья.

Она сдержала слово, и скоро стены мастерской украсились рисунками с изображением Розалии и в меховом тебетее, в тюрбане, в остроконечном ак-колпаке, с шёлковой белой наметкой¹² позади, которая опускалась до пояса.

Розалия была очень довольна – эскизы, была уверена, достанутся ей.

Когда заговорили об этом, Алексей, вспомнив рисунки с изображением Алины, спросил Розалию:

– Скажи, пожалуйста, а зачем было рисунки с Алиной рвать?

– Я их не рвала, – ответила она, не подумав.

– А кто рвал?

Она быстро посмотрела на Алексея, поняв, что её хотят подловить.

– Откуда мне знать? – Она аккуратно укладывала в коробки меховую шапку и другие головные уборы. – Я тут в твоё отсутствие не была.

– А кто был?

Она уже пришла в себя, с вызовом ответила:

– Да что ты пристал! Не знаю, кто здесь орудовал.

– А мне почему-то кажется, что ты всё знаешь. Чем больше я на тебя смотрю, тем больше вижу твою сущность.

– Сущность, какую же?

– Да как тебе сказать... Я формулировать не могу. Всё у меня получается как-то стихийно.

Розалия перестала заниматься укладкой головных уборов, глянула на Алексея с прищуром:

– Подозреваешь... В первую очередь меня. А потом и Азата.

– Ну что ты!

За время работы они опять перешли «на ты».

– Нет, признавайся, раз уж сам завёл этот разговор.

– Да, подозреваю, – спокойно ответил он. – Это естественно для всякого ограбленного нормального человека.

– Что ж, я тебе представлю неоспоримые доказательства.

– Неоспоримые? Какие же?

– Скажу, когда закончишь портрет.

– Интересно.

¹² Наметка – в данном случае нашивка на задней стороне головного убора.

– Ещё как! Выбирай окончательный вариант. И берись за кисти. Алина тебя заждалась.

Она вызвала Башира, который собрал коробки с головными уборами, и ушла вместе с ним.

«Вот гадина, – подумал Алексей. – Но как же я её буду изображать? Какой?»

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

АЙЧУРЕК ПОХИЩАЕТ СОКОЛА У СЕМЕТЯ. РОССИЯ И АЗИЯ

Как и обещал, он часто звонил Алине. Не каждый вечер, потому что стал экономить деньги. В который раз ругал себя, что не позволил Азату переслать ему гонорар на банковский счёт, а расплатился наличными. Всё потому, что хотел закупить Алине подарков, да кое-что и себе.

Азату по каким-то соображениям тоже удобнее оказалось расплатиться наличными – и вот результат.

Алине он об ограблении не говорил, но всё же она об этом узнала – Кабир проговорился. Он думал, что раз Алексей сказал Алине об избивании, то сказал и об ограблении. Он говорил по телефону с Алиной несколько раз, звонил и Алексею. Винил себя, что втянул Алексея в эту историю. Теперь обязан помогать.

– Да ничем ты не обязан. Это я обязан тебе, дорогой мой. Без тебя я бы не встретил Алину.

– Ладно, приеду на днях в Бишкек – разберёмся.

– Приедешь? Из-за меня?

– Вот ещё. Свои дела есть. Жди.

– Кабир...

– Мне с Алиной повидаться? Может, она тебе что-то передаст?

– Не знаю. Но спроси у неё.

– Спрошу.

В дни, когда Алексей решал, какой же всё-таки будет портрет, в квартиру-мастерскую Кабир и явился. Держался так, будто приехал на автомобиле или городском транспорте из соседнего района, а не летел в самолёте почти четыре часа.

– Ну, здравствуй, Д'Артаньян Михайлович или как там тебя... – сказал он и пошёл навстречу Алексею, который уже пробовал ходить, опираясь на костыли. – Ты и впрямь раненный как на дуэли дубинами.

Он обнял Алексея, а тот, боясь выронить костыли, лишь приобнял друга.

– Кабир, дорогой, рад, очень-очень...

Они улыбались, рассматривали друг друга, будто сто лет не виделись. А ведь со времени расставания в Москве прошло всего лишь два месяца с небольшим.

Кабиру Мухамедовичу Исмаилову, как и Алексею, было около сорока лет. Роста он среднего, сложен крепко, в юности занимался не только живописью, но и гимнастикой. В институте перестал ходить на тренировки, но под кроватью у него лежали гантели, на спинке её висел эспандер. Заниматься гимнастикой и пробежками по утрам он приучил и Алексея, с кото-

рым жил в одной комнате в общежитии, а потом, после вуза, одно время вместе снимали квартиру.

Лицо у Кабира открытое, глаза приветливые, казалось бы, слишком добрые. Но Алексей замечал, как эти же глаза внезапно становятся жёсткими, зрачки темнеют, и обладатель их становится непреклонен в своём мнении и заметно сух в разговоре. Бывало, ссорились они с Алексеем так, что по неделям молчали. Бывало, решали разъехаться и разъезжались, но через время опять сходились.

Волосы у Кабира жёсткие, густые, причёску как придумал себе на пробор с левой стороны головы, такой и оставил её на всю жизнь. Одевался он со вкусом, без эпатажа, без лишних деталей, вроде шарфиков или галстуков-бабочек, перстней и прочих аксессуаров, якобы подчёркивающих его принадлежность к элите. Даже береты, принятые в художественной среде, не носил. Аккуратный, в добротных костюмах и куртках, он производил впечатление человека интеллигентного, скорее учёного, чем художника, несколько старомодного.

Но мало кто знал его основное качество, за которое и полюбил его Алексей, – надёжность. Надо прибавить ещё и талантливость.

Как водится при встрече друзей, коротко обменялись основными новостями. Но когда Кабир умылся с дороги, а Алексей, вызвав по телефону Фатиму, попросил её собрать на стол, в том числе и из продуктов, привезённых Кабиром, когда выпили, поели и, приступив к чаепитию, стали говорить о главном.

Переговорили о всех версиях ограбления, высказанных Алексеем, о Розалии, которая обещала представить «неоспоримое доказательство», как она выразилась, и перешли к обсуждению того, что сейчас мучало Алексея, – портрету.

Кабир выслушал о вариантах, предложенных Алексеем, задумался.

Неожиданно вскинулся:

– Эх, Алёшка, совсем ты себя забыл. Есть же у тебя отличный вариант, с которым сюда ехал!

– Какой вариант?

– Да для панно. Ты же мне эскиз показывал.

– Не понимаю тебя. Там же предполагался праздник на джайлоо.

– А помимо праздника? Помнишь, ты задумал на отдельном холсте написать сцену из «Манаса», вспомни!

– Постой, Айчурек, что ли?

– Ну да! Когда она оборачивается лебедем и улетает от Семетея с его соколом!

– Ну да, помню. Но при чём здесь Розалия и её портрет?

– А вот при том! Ты пойми, Айчурек всегда изображали по-оперному, эдакой лирической красавицей. А она совсем не такая! Горда – скольких знатных женихов отвергла. Смелая – у суженого Семетея сумела унести его любимого сокола. Сам знаешь, что для батыра сокол. Его душа! И вот она её уносит! Ты же понял, какой здесь философский смысл! Сам говорил, помнишь? Неужели забыл?

– Нет, помню. В образе Айчурек хотел написать Азию.

– Да! А с Семетеем ты не разобрался.

– Почему?

– Да потому, что в его образе надо представить Россию!

– Ты с ума сошёл, Кабир. Как это в образе киргизского батыра можно изобразить Россию?

– Представь себе, можно, – развивал свою мысль Кабир. – Напиши не киргиза, а русского богатыря типа Алёши Поповича. Можно написать его в три четверти или в профиль. А можно и со спины. А назовёшь картину «Айчурек похищает сокола. По мотивам книги «Семетей» из эпоса «Манас». Понял, по мотивам! Что получится? Возлюбленные разлучены. Почему? Читайте «Манас», книгу «Семетей». Но те, кто хотя бы немного знает Азию, понимают, что Айчурек уносит душу любимого! «Почему русский изображён, в чём тут дело?» – думает зритель. Соображает: Киргизия и Россия разлучены. Но душа России осталась у Айчурек! Соображаешь? Девушка в лебедя превращается. Это на уровне Врубеля можешь сделать! Но по-своему. Понял, Алёшка!

– Постой-постой. Я думал про Айчурек и Семетей, но так повернуть, как предлагаешь ты... По мотивам... И придаться будет невозможно. И смысл новый появится... Хорошая идея, Кабирушка!

– Да не просто хорошая, а отличная! Соглашайся!

Алексей думал, но по глазам уже было видно, что идея Кабира его увлекла.

– Но Розалия... – размышлял он. – Разве она годится быть моделью для Айчурек? Я думал совсем о другой Айчурек.

– Понимаю. Алина! Любовь! Но ведь нужна не Европа – Азия! Поэтому Алину оставь на потом, для других работ. А сейчас пиши Розалию. Разве нельзя написать её лицо волевым, смелым? Разве она не такая? А эти шляпы, ножки напоказ, вульгарность эту – убрать!

Алексей переваривал сказанное другом.

– А как же Семетей? Кого-то найти надо...

– Найдёшь. Себя писать не надо. Алина не поймёт.

– Верно. Пока можно и без природы обойтись.

– Ты сможешь. Найдёшь!

– Конечно, он не должен быть Иваном-царевичем, – продолжал размышлять Алексей. – В лице должно быть общее для русских и для киргизов. Семетей ведь сын Манаса!

– Вот это ты прекрасно сказал. Изобрази то, что ты в Киргизии увидел. Наконец, то, что за эти месяцы пережил.

– Да, конечно. Но как это выразить?

– Как? На то ты и Брусенец!

В дверь позвонили.

– Иди отвори, – сказал Алексей, продолжая думать о сказанном Кабиром. Из прихожей донеслись восклицания, гортанный смех.

Алексей понял, что пришла Розалия.

Вот в мастерской показалось она – как всегда, броско одетая, модная, весёлая.

А следом ещё один человек, которого никак не ожидал увидеть Алексей. Это был Руستم.

Выглядел он как после болезни. Лицо помятое, с кругами под глазами, с морщинами на лбу. Мушкетёрские усы и бородка не скрашивали, как обычно, его потрёпанного вида. Бейсболку он снял, и редкие его волосы, непричёсанные, слипшиеся, подчеркнули его болезненность.

– Иди умойся и причешись, – бросила ему Розалия, проходя к столу.

Руستم послушно вышел.

– Отмечаеете встречу? Можно присоединиться?

– А этот, – тихо спросил Алексей, указав на прихожую.

– Пусть и ему найдётся место.

Розалия подошла к буфету, достала приборы, положила их на стол, приготовив место для Рустема около себя.

– Я же обещала привести неоспоримые доказательства. Вот всё и узнаешь.

Рустем вернулся, Розалия пригласила его к столу. Он покорно сел около неё.

После первых тостов, разговоров о том, как там, в Москве, как в Киргизии, о здоровье и погоде, перешли к живописи. Алексей сказал, что сюжет портрета найден. Это будет картина. Но пока раскрывать замысел не будет.

Кабир поддержал друга, сказав, что идея очень хорошая и он не сомневается, что Розалия останется довольна.

После этого Алексей решил взять нить разговора в свои руки.

– Ну, дорогая Розалия, вы обещали мне прояснить некоторые обстоятельства того несчастья, которое случилось в этой квартире. Наверное, поэтому привели Рустема. Кабир Мухамедович – мой друг, при нём можно говорить обо всем начистоту.

И посмотрел выжидательно на Розалию.

Она ждала этого момента и, нисколько не смущаясь, начала:

– Видите ли, Кабир Мухамедович, подозрение в ограблении пало и на меня, и на моего мужа.

– Я в курсе, – сказал Кабир.

– Тем лучше. Рустем, которого мы нанимаем время от времени как опытного водителя, хорошо знает Киргизию туристическую. Возил и Алексея, и Игоря Васильевича Сметанникова, директора Дома моделей, мужа Алины Колосовой. С которой Алексей приехал к нам.

– Я в курсе, – опять сказал Кабир.

– Так вот. Когда случилось ограбление, мы с мужем, поразмышляв, решили поговорить с Рустемом, поскольку он возил Игоря Васильевича. Тот вполне мог Рустема попросить оказать ему услугу. Мы не ошиблись. О чём тебя просил Сметанников? Скажи, Рустем.

Она повернулась к нему, требовательно смотря на него.

Рустем ответил не сразу, помявшись.

– Да, он меня просил. Я ему помог выйти на людей из органов. По работе у меня там знакомые, вот я и помог Игорю Васильевичу.

– Так, – резюмировала Розалия, – Алину Колосову выслали из нашей страны как нежелательную гражданку из России, откуда поступили запросы о её пребывании у нас. Скажи, Рустем, а после этого Сметанников снова обратился к тебе за помощью?

– Да, – потупясь, ответил Рустем.

– О чём он просил?

– Проследить за Алексеем Михайловичем. Когда уходит, когда приходит. Я, конечно, не сам следил. Договорился с одним.. в пивной.. Мурталы зовут. Он мне звонит: Алексей Михайлович в больнице. Я Игорю Васильевичу – так и так. Не знаю, кто у него действовал. Кого-то он нанял. Но без меня это, клянусь.

– Но всё-таки, – допытывалась Розалия, – ты как считаешь, с кем он мог договориться?

– Я ему сказал, что больше ему не помощник. В грабеже со взломом не участник. Информацию дал – и всё. В чём раскаиваюсь, конечно.

– Но ведь ты подсказал ему, где исполнителей надо искать, – продолжала допрос Розалия. – Ты направил его на Ошский рынок.

– Кто же не знает про Ошский рынок?! Там мафия. Своё государство. Что хочешь можешь найти. Он и нашёл, конечно.

У Рустема пересохло горло. Он хотел налить минералки или вина, но не решался.

Розалия ему помогла, придвинула бокал с вином.

– Теперь понимаете, Алексей Михайлович, как и кто совершил ограбление?

– Понимаю, но не совсем, – отозвался Алексей. – Скажи, Рустем, деньги тебе Сметанников платил?

– Да. Но обещал одно, а на деле – копейки. Обещал взять с собой в Москву, а потом за границу. В Венецию. Если с органами дело пройдёт. Всё получилось. А он говорит, ещё одно дело есть. Надо Алексея Михайловича наказать. Тут вы на праздник кому-то под горячую руку попали. Я решил, что это он.

– Сметанников?

– Ну да. Но он сказал, нет, это случай. Удачный, как он выразился. Всё равно надо в квартире пошуровать. Ну, тут я отказался. А он исчез, на мои звонки не отвечал. Кинул. Ни денег, ни Москвы..

– Ни Венеции, – не удержался съязвить Алексей.

Розалия хохотнула, Кабир улыбнулся.

– Смешно, конечно, – уныло сказал Рустем. – Купился на дешёвку.

Розалия сказала:

– Ну всё, Рустем. Благодарю тебя, что пришёл. Теперь можешь идти.

Рустем встал.

– Ещё раз простите, Алексей Михайлович. На деньги позарился.

Алексей не ответил. В полной тишине Рустем ушёл.

Слышно, как за ним закрылась дверь.

– На этом Ошском рынке концов не найти. Это, Алексей, действительно государство в государстве.

– Теперь вся надежда на Азата Канатовича, – сказал Кабир.

Розалия обернулась к нему.

– Это в каком смысле?

– В смысле возмещения украденного.

– Так он же обещал Алексею заплатить гонорар полностью ещё раз.

Надо только подождать, когда купят работы.

– В этом-то всё и дело. Цены-то Азат выставил огогошеньки!

– Какие они заслуживают! – с вызовом ответила Розалия.

Помолчали.

– Знаете, Роза, сегодня работать не будем. Встретимся завтра, если не возражаете.

– Не возражаю.

Она собралась и ушла. Друзья остались одни.

Теперь можно было вести разговор иначе.

– Скажи, Кабир, Роза не блефует? Как тебе показалось?

– Знаешь, я прилягу. Всё же устал.

– Да конечно! Сейчас Фатиму позову, чтобы она организовала для тебя постель.

– Погоди. Пока прилягу на кушетку.

Он ушёл в ванную, переоделся, принёс подушку из спальни, прилёг на кушетку, стоящую в мастерской.

– В спортивном костюме ты помолодел. Будто вернулись наши молодые годы.

– Но ноги и руки тебе не ломали, сколько я помню. Хотя за девочками с тобой бегали.

Алексей улыбнулся.

– Как же, помню. Гимнасточки, Люся Дорогойченко, – он улыбнулся.

– А у тебя Полина из Воронежа... Как же её фамилия...

– Комлюченко.

– Вот-вот.

Они вспомнили студенческую историю, которая приключилась, когда на втором курсе Кабир захотел рисовать гимнасток из сборной СССР. Договорился, чтобы его пустили на тренировку. Взял с собой Алексея. И когда они расположились в спортзале с мольбертами, Кабиру приглянулась Люся Дорогойченко. Она оказалась лидером нашей команды. А Алексей выбрал Полину Комлюченко, гимнастку из Воронежа.

Тренер сборной доброжелательно отнёсся к художникам. Потому что сразу разглядел в Кабире юношу, который стал встречаться с Люсей с самыми серьёзными намерениями. Их роман длился больше года. Люся победила на международных соревнованиях. Однажды портрет её поместили на обложке «Огонька». Появились у Люси и более солидные поклонники, чем Кабир. Один из них постоянно был рядом с Люсей, и Кабир был отвергнут.

Полина из Воронежа писала Алексею письма. Карьера гимнастки вышла у неё не столь успешной, как у Люси, в сборную её перестали брать, и их отношения с Алексеем сами собой завершились.

Но остались яркие воспоминания, рисунки, картины Кабира.

Особенно запомнилось Алексею, как первый раз они с Кабиром шли на свидание с гимнастками. Девушки были на сборах и жили в гостинице. Они с Кабиром шли по пустому коридору и вдруг увидели, как одна из дверей отворилась, выглянуло сразу несколько девичьих голов. Кто-то из девчат крикнул: «Идут!»

Казалось бы, мимолётное событие, а вот поди ж ты, осталось в памяти на всю жизнь.

Кабир тяжело пережил отвергнутую любовь, хотя вида не показывал. О его переживаниях знал лишь Алексей.

– Да, гимнасточки, – сказал, вздыхая, Кабир. – Как же они были хороши!

– Особенно Люся, – поддержал Алексей.

– Она осталась в памяти... как сама молодость. Ладно, хватит об этом. Вернёмся к нашим баранам.

– Ты Рустема имеешь в виду? Который в Венецию собрался? Ну, Сметана, каков стратег!

– У нас тут стратеги не хуже, а получше даже. Потоньше действуют. Слушай меня внимательно. Я прилетел не только из-за тебя. Азат предлагает мне контракт. Спасти хочет через меня. И победить Розалию.

– Это как?

– А вот как. У него появились связи в Штатах. Штат Техас. Ковбои не любят модерн, кружочки да линии. Считают это мазнёй. Что справедливо. Их директор местного музея вышел на Азата, поскольку у него мои кони и горы Киргизии. Этому господину мои работы понравились. Вот Азат и вызвал меня на переговоры. Заодно чтобы и твоё дело уладить.

– Прекрасно. Поедешь в самое гнездо разбойников. Ведь там Кеннеди грохнули.

– Да, грохнули. Но там разные люди, Лёша. Здесь тебя тоже чуть не грохнули. И обворовали. Но ты же из-за этого не разлюбил Киргизию?

– Сравнил. Здесь часть моего сердца.
– У тебя часть сердца. А у меня – всё. Ты – евразиец, а я азиат всё-таки. Человек гор и степей.

– Нет, Кабирчик. Теперь и ты евразиец. Русского в тебе не меньше, чем во мне киргизского.

– Что, будем на весах взвешивать, чего в ком больше? Давай-ка про наших баранов, то есть партнёров. И так, – он сел на кушетке, прислонив подушку к спине, – Розалия. По-моему, она не блефует. Она продолжает атаку на тебя. Какая у тебя оборона? Картина. Её мы уже обсудили. Так что тебе ни в коем случае позиций не сдавать.

Теперь Азат. Я заказ приму. Но полечу в Техас только после того, как ты вернёшься в Москву. Будете с Алиной жить у меня на даче. Пока. Если стрясём с Азата хотя бы половину обещанного гонорара, ты сможешь снять квартиру в Москве. Или, если Алина согласится ехать к тебе в Кручинск, там у вас будут деньги на обустройство семейной жизни. Так или не так?

– Не знаю. Надо с ней обсудить.

– Но какой вариант тебе ближе?

– Конечно, дома, в Кручинске. В Москве я уже жил целых пять лет. И понял, что она не для меня.

– Ты говорил об этом сто раз. Но ведь серьёзную работу всё же можно получать в Москве, не так ли?

– Да, но ты же заказы получаешь в Бишкеке!

– Не получал бы, если бы не был членом Академии художеств России.

Алексей тяжело вздохнул.

– Ты прав, конечно.

– Не переживай. Что там у нас осталось? Налей по рюмочке. Правая рука-то у тебя целая.

– Да и левой уже могу двигать. Эх, Кабирчик. Теперь тебя надо сэром называть или как там по-техасски?

– Ладно, позволяю тебе обращаться со мной запросто, как ковбой с ковбоем. В салуне.

– Знаешь, Лёшка, – продолжил он, уже держа бокал с коньяком, – завтра мне предстоит трудный день. Во-первых, надо торговаться с Азатом. Заставить его не завышать цену на твои пейзажи, чтобы быстрее их купили. И чтобы к концу августа он отправил тебя с деньгами в Москву. Надеюсь, охрану выставлять не надо?

– Не надо. Вот когда вернёшься из Техаса, тогда другое дело. Будешь страх наводить в ковбойской шляпе и с кольтом на поясе. Как у Клинта Иствуда¹⁵. А сигары курить научишься?

– Смейся, смейся... А мне завтра ещё предстоит нанести визит местным академикам. А то скажут, зазнался. И про тебя сказать, дурадея. Так что зови Фатиму, пусть устраивает мне постель. Не пойду в гостиницу. Всё-таки надо тебя караулить. А то опять вляпаешься в какое-нибудь дерьмо.

Алексей позвонил Фатиме, она быстро всё организовала, благо в квартире была ещё одна комната, где и устроили Кабиру спальню.

Они ещё побалагурили немного и разошлись по комнатам, и настроение у обоих было отличное.

¹⁵ Клинт Иствуд – американский актёр, режиссёр, композитор, мировую известность получивший исполнением ролей в фильмах-вестернах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

БАЛЛАДА КИПЛИНГА КАК АРГУМЕНТ В СПОРЕ

Алексей заставил Розалию надеть традиционный киргизский наряд, взятый из тетра оперы и балета. Он состоял из рубашки с вышивкой на груди, поверх которой надели длинную безрукавку – чыптама. Голову украсили меховой шапкой – тебетеем. Под ней белый платок, закрывающий всю голову. На нём по бокам свешивались изделия под серебро, жемчуг. И ещё прикрепили медные серьги с резными узорами, под золото, которые свисали почти до плеч.

Конечно, лучше бы и украшения были натуральными. Зато рубашка с чудесной разноцветной вышивкой, чыптама из светло-коричневого бархата, а тебетей из натурального соболиного меха.

В этом наряде Розалия выглядела красивой, хотя не понимала, зачем это нужно. Но Алексей с помощью Кабира уговорил её не прекословить, во всём слушаться. Сказал лишь, что она будет прекрасной, как Айчурек, которая похитила сокола Акшумкара у своего суженого Семетея.

Алексей следовал совету Кабира писать образ Азии на фоне киргизского Ала-Тоо, тех гор, того джайлоо, где расцвела его любовь.

С левой стороны картины он расположил молодого русского витязя, русоволосого, в кафтане, с открытым и чистым лицом. Он на охоте, смотрит, как Айчурек оборачивается лебедем, уже птица, но с лицом прекрасной девицы, улетаёт от него, поднимаясь в небо. Он стоит на земле, расколотой рвом посреди летнего джайлоо. На траве лежат плащ и шапка, лук и колчан со стрелами. Он никак не ждал, что девица заберёт у него сокола и улетит, беспечно спал. А теперь предстоит долгий путь, прежде чем соединиться с суженой, с которой он был помолвлен.

Алексей помнил Царевну-Лебедь Врубеля, помнил и какими лубочными, даже пошлыми выглядели подражания великой картине. И поэтому старался во всём избегать и подражательности, и обывательской сентиментальности, особенно в лицах своих героев. Он переносил на полотно природную красоту Розалии, подчеркнув вместе с женственностью силу и твёрдость характера. А русского князя он по памяти писал с друга своей юности, Юрки Мураша, с которым играл в футбол и который так хорошо стоял в воротах. Высокий, сильный, добродушный, умеющий в прыжке «тащить», как говорят в футболе, мяч, сильнейшим ударом посланный в верхний угол – «девятку».

Юрка был любимцем болельщиков.

Алексей работал, помня, к чему привёл «парад суверенитетов» союзных республик великой страны, чем обернулась «демократизация», которую и он, Алексей, радостно приветствовал. Тысячи безработных из любимой им Средней Азии двинулись в теперь «независимую Россию», чтобы заработать на пропитание. На родной земле работы не оказалось.

А он за работой приехал сюда, в Кыргызстан, где его обобрали и вдобавок избили. Хорошо ещё, что не пырнули ножом, ведь это запросто сейчас делают удальцы с Ошского рынка, как в Москве бандиты с «черкизна»¹⁴, из «люберецких»¹⁵ или других «группировок».

¹⁴ Имеется в виду Черкизовский рынок в Москве, один из крупнейших во времена «перестройки».

¹⁵ Преступная группировка Подмосковья, в Люберцах.

Да, конечно, виновна в развале страны не только верхушка партии, но и вся она, в тупик загнавшая «паровоз», который «летел вперёд». Но разные же были коммунисты, были ведь и такие, как отец Алексея, свято верившие, что летим «всё выше и выше». Был знаменитый духовный порыв, сотворивший чудо-подъём страны. Но остановка получилась не «в коммуне», как пелось в известной песне, а у пропасти, куда полетели тысячи тех же энтузиастов.

В страданиях и горе оказались миллионы людей, немногие из которых дожили до времени, когда только сейчас, через пятнадцать лет после крушения, в шестом году нового столетия, государства, некогда бывшие единым целым, обретают стабильность.

Алексей Брусенец в душе держал именно это, день за днём работая над своей картиной. Он верил, что Россия и Средняя Азия снова пойдут навстречу друг другу, что рано или поздно беда минет, как минули лихолетья прошедших столетий.

Сокол, которого уносит Айчурек, вернётся к русскому богатырю, как вернулась к Семетею душа.

Мысли Розалии, которую Алексей усадил на подиуме в национальном наряде, сначала вращались вокруг совсем иных материй, чем у художника. Она детально разбирала ситуацию, сложившуюся на сегодняшний день.

Во-первых, она узнала, что заказ из Техаса полностью контролирует Азат. Самостоятельно ведёт переговоры, раз Кабир приехал без её ведома.

Во-вторых, эта Каныкей, молоденькая выпускница экономического института, которую они взяли бухгалтером. Она перешла на сторону Азата, она владеет английским, и, конечно, Азат подключил её к переговорам.

Этого нельзя было допустить, потому что именно Техасом Розалия собиралась поманить Алексея. На удачное и радостное совместное будущее, потому что американцы очень хорошо платят.

Но этот козырь бит Азатом.

Ещё не всё потеряно, но борьба предстоит трудная.

Потому что у неё остаётся другой козырь – она заманит Алексея самым проверенным веками способом. Он не устоит, нужно только время.

«Теперь о галерее, – продолжала думать она. – Выкуплю акции у Азата. Шестьдесят процентов акций мои. Половину стоимости особняка и машины, которые принадлежат мне, отдам ему. Получится ещё процентов двадцать. Продам драгоценности, возьму займы у родителей. Надо сесть и посчитать. Папа поможет. И Азат будет раздавлен. Вместе со своей девочкой-экономисткой, которая вздумала тягаться со мной».

Алексей наблюдал, как меняется выражение лица Розалии.

Как всегда, он старался занять разговором модель. Но на этот раз почему-то отмалчивался. И дело состояло не только в том, что он помнил, как повела себя Розалия в больнице. Разговаривая с Алиной вечером, когда сеанс заканчивался, он настраивался на одну волну. А утром, когда приходила Розалия, приходилось настраиваться на волну иную, думать о другом.

И это ему мешало работать.

В один из этих августовских дней он попросил Розалию рассказать о себе.

– Что конкретно ты хочешь узнать? – с некоторым вызовом ответила она.

– Да немного, чтобы легче работалось. Ты знаешь обо мне многое, а я почти ничего. Начнём с твоих родителей, хорошо?

– Ну, что мой отец – профессор университета, ты, конечно, знаешь от Кабира Мухамедовича.

– Верно, он говорил, что ты профессорская дочка. А мама тоже в университете преподаёт?

– Да, но не так, как раньше. У неё теперь совсем немного лекций. Здоровье. Годы.

– Они оба историки?

– Вот видишь, и это знаешь.

– Знаю поверхностно. Хотелось бы поглубже.

– Поясни.

– Ну, например, какого они направления держатся по истории современности, например.

– Если бы они держались не линии нашей государственности, разве они бы преподавали в университете?

Она усмехнулась, скептически глядя на Алексея.

Он нимало не смутился.

– Не усмехайся, пожалуйста. Твоё лицо должно быть спокойным, без лишних эмоций.

– А ты не задавай провокационных вопросов. Я знаю, куда ты клонишь.

– Вот видишь, я ещё не спросил, были ли они членами КПСС до августа девяносто первого, а ты уже усмехаешься.

– Ну были, и что?

– Да ничего. Отстаивать суверенитет своего государства – обязанность гражданина, тем более видного историка. Но не менее ответственная его обязанность не мазать чёрными красками всю нашу общую прошедшую историю. Вот я о чём.

– Ты что, разве читал книги отца?

– Ну, сами книги не читал. Но о содержании их и направленности прочёл не только в Википедии. Но и некоторых статьях.

Она удивлённо посмотрела на Алексея.

– Давай сделаем перерыв. Я устала.

– Подожди чуточку. Мне надо кое-что закончить.

– Кое-что! – передразнила она. – До сих пор ты не показал даже общую композицию портрета.

– Скоро покажу.

– Не понимаю, боишься, что ли? Думаешь, я, как мой отец, слишком националистична?

– Нет, не боюсь. Но не хочу, чтобы ты раньше времени вмешивалась.

– Я понимаю, что такое свобода творчества. Я пойду переоденусь. Устала, правда. И перекусить пора.

Она ушла в соседнюю комнату, которая служила ей гардеробной, и вернулась в халате, без соболиной шапки с украшениями, но с массивными серьгами. Густые её волосы сейчас свободно падали на плечи, что очень ей было к лицу.

Она стала собирать на стол. Уходила на кухню, разогревая еду.

Когда уселись за стол – Алексей уже не в коляске, а на мягкий стул, опираясь на боковую палку – и стали обедать, Розалия спросила:

– Интересно всё же, почему ты заговорил о моём отце? У тебя что, иной взгляд на современность? Я как-то не задумывалась об этом.

– Ну как же, по моим работам разве не видно, что я люблю Киргизию и Россию?

– То есть ты, выходит, сразу обе страны любишь?

– Да. Обрати внимание на российского двуглавого орла. Одна голова смотрит на Запад, другая – на Восток. А сердце у орла одно.

– Но, милый мой, сказано ведь давно: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им никогда не сойтись».

Теперь усмехнулся Алексей.

Он видел, что Розалия специально распустила свои роскошные волосы, специально в перерывах надевала шёлковый лёгкий халат, по временам как бы случайно приоткрывающий её груди, когда она тянулась за чем-нибудь на столе, и торопливо затем прикрывала полы халата.

Были и другие её пассы в его сторону, как бы случайные, на самом деле продуманные, ловкие.

Кабир из Бишкека ещё не уехал. Отъезд в Москву он наметил со дня на день, и Розалия с нетерпением ждала этого.

– Видишь ли, Розалия, из цитирования знаменитой баллады Киплинга я вижу, что ты, как и многие другие, её не читала. А знаешь лишь первую строчку, которую и повторяют.

– Неужели?

– Да, я тебе докажу. Баллада о Западе и Востоке как раз о том, как враги становятся друзьями, братьями. Сюжет такой: в форте англичан, где-то на Востоке, похищают великолепного скакуна, любимца полковника. И вот сын полковника устремляется в погоню за конокрадами. Смелостью своей и отвагой он завоёвывает почёт врагов, к которым попадает. В обратную дорогу его провожает сын главы восточного племени. Англичане хотят того расстрелять. Но сын английского полковника говорит: гнался за врагом, а привёз друга. И с честью провожает бывшего врага. Вот о чём эта баллада, дорогая Розалия! Слушай внимательно, как она заканчивается:

*О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
и с мест они не сойдут,
пока не предстанет Небо с Землёй
на Страшный Господень суд.
Но нет Востока, и Запада нет,
что племя, родина, род,
если сильный с сильным лицом к лицу
у края земли встаёт?*

Алексей замолчал, смотря, как прореагирует Розалия.

Она уже без насмешки смотрела на Алексея.

– А ты, оказывается, умеешь не только рисовать.

– Да, Роза, иногда приходится спорить. И быть готовым дать сдачи очень ревнивым либералам.

– А ты, выходит, консерватор.

– В этом нет ничего плохого. Консерватор – хранитель традиций, а не ретроград, как у нас многое считают. Но если сказать точнее, я евразиец. Ну что, продолжим? Поработаем ещё часика два. Как ты?

– Придётся. Но с условием: ты мне покажешь, что уже сделано.

– Ну, пожалуйста, Розалия. Потерпи ещё пару сеансов.

Она прикинула, что через два дня Кабир как раз собрался уехать.

Тогда она проведёт решительную атаку.

– Хорошо, согласна, – ответила она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Кабир решил не дожидаться, когда Алексей закончит картину. Главное, он решил все вопросы с Азатом. Договорились, что картину Алексея он покупает (ещё не совсем законченная, она очень понравилась Азату) и выплачивает хотя бы половину украденных денег. А Кабир обязуется ехать в Техас в ближайшее время.

Розалия узнала лишь про часть из этих договорённостей. Но и они сильно пошатнули её замысел. Но всё же она не собиралась сдаваться, обдумывая, как сокрушить Азата и подчинить Алексея.

И вот Кабир уехал, и Алексей сказал, что покажет наконец картину. И Розалия решила, что наступил долгожданный момент к решительным действиям.

Она пришла в мастерскую на последний сеанс, как сказал Алексей. Ушла в спальню переодеваться, и как раз в это время позвонила Алина.

– У меня новость, – сказала она. – Развод получила.

– Не может быть! – радостно откликнулся он, пожалуй, слишком громко.

Розалия этот возглас услышала и подошла к двери, прислушалась.

– Господи, неужели кончились мучения?! – продолжал слишком громко выражать свой восторг Алексей. – Надеюсь, больше он тебя не будет преследовать? Расскажи, как всё было.

– А надо?

– Надо, Алинushка моя. Хотя бы кратко. Ты освободишь душу, и мне станет легче.

– На суд он не пришёл и в третий раз. Но тут по закону нас развели без его присутствия. Но он меня поймал у выхода. Попросил о разговоре – в последний раз. Я не смогла отказать.

– И он умолял тебя простить его, изменить всё капитально и начать новую жизнь.

– Примерно так он говорил и раньше. А в этот раз обещал не мешать мне устроиться в другие дома моделей, где он вылил на меня тонны грязи и перекрыл кислород. Обещал перестать мстить и тебе.

– Значит, косвенно он признался, что причастен к ограблению?

– Выходит, так. Сказал, что просто мы должны забыть тебя – как будто тебя и нет на свете.

– А про то, что я избит, он знал?

– Да, потому что он сказал: «У него даже на билет денег нет и лежать ему в больнице ещё полгода».

– Так и сказал?

– Так и сказал. Я ответила, что и год могу ждать.

– Хорошая моя. Знаешь, я тут за работой вспоминал наши золотые дни. На джайлоо особенно. Как ты с Толгатином и Рыскулом в альчики играла. Как потом сделала ожерелье из них для Айсулу. И, знаешь, придумал, что буду тебя называть Альчонком. Нравится?

– Звучит непривычно. Но красиво.

– То-то! Я ведь фантазёр отменный. Картину, знаешь, какую классную придумал! Да я же тебе про неё рассказывал! Помнишь, в ресторане, в первый день приезда? Ещё официантка принесла нам коньяк в чайничке, у них бизнес-ланч днём был, только сухое вино разрешали...

- Её Машей зовут.
- Точно! А насчёт денег не беспокойся. Кабир договорился, Азат за картину сразу заплатит. Плюс что-нибудь компенсирует за украденное. Так что решить надо, где будем жить.
- Хоть в Новой Зеландии, хоть на Мадагаскаре. Помнишь, он так выразился, когда меня разыскивал?
- Помню. Знаешь, у меня в Кручинске двухкомнатная «хрущёвка». Зато с видом на Волгу. И я давно присмотрел домик на другом берегу. Теперь вполне его можно купить. Там осенью чудо как хорошо! Увидишь!
- Посмотрим. Главное, поскорее возвращайся.
- Да у меня почти всё готово! Я планирую на следующей неделе быть в Москве.
- Не гадайвай. А то опять...
- Нет! Не тревожься, Альчонок. Я уже с одним костылём хожу. С руки гипс сняли. Так что отбиться костылём смогу. Он современный, из какого-то нового металлического сплава.
- Она засмеялась.
- Ах ты, воитель мой.
- Лыцарь. Давай заканчивать. А то тебе не расплатиться.
- погоди. Я ещё главного не сказала.
- Главного? О чём это?
- Она помолчала, собираясь с духом.
- Я беременна.
- Алексей оторопел.
- Что? Повтори, я не расслышал.
- Беременна.
- Он опустился на кресло, стоять больше не мог.
- Но как же... Ты же говорила, что после... рожать уже не сможешь...
- Я и сама не поверила. Но сказали: да, точно.
- Это Владимирская, это Она.
- Да, я тоже так думаю. Я к Ней ездила дважды. И себе приобрела. Вот Она передо мной стоит. Я на Неё смотрю и каждый день молюсь, чтобы с тобой ничего не случилось.
- Алинushка, Альчонок мой...
- Ну, теперь всё сказала. Жду.
- Она отключила телефон, и он ничего не успел сказать в ответ.

ЭПИЛОГ

Розалия, слышавшая весь разговор Алексея с Алиной, не стала переодеваться. Вышла из спальни, подошла к картине.

Алексей снял покрывало.

Розалия сразу узнала себя в образе Айчурек, обернувшейся лебедем. Ров, расколовший нежно-зелёное джайлоо, горы синие, где их закрыли облака, сияющие снеговые шапки там, где светило солнце... Ров казался ещё и поэтому враждебным.

Русский витязь её не смутил, она поняла замысел картины.

Но она себе в образе Лебедя-Айчурек показалась какой-то иной Розалией. Прежде местные художники рисовали её слишком красивой. Получалось как на конфетной коробке или на афише к очередной выставке.

Она не могла поверить, что эта смелая, отважная белокрылая девушка, в серебристой соболиной шапке с драгоценностями, отсвечивающими на солнце, в белой рубашке с узорами на груди, в нежно-коричневой безрукавке, это она, Розалия.

Она как символ Киргизии, а может, и всей Азии.

Значит, чтобы стать такой, надо жить по-другому?

Иначе мыслить, иначе чувствовать?

Она смотрела и смотрела на картину и всё молчала.

И говорить ни о чём не хотелось.

Алексей видел, что в её душе происходит что-то важное, и не торопил с ответом.

Она подошла к нему, склонилась и поцеловала в щёку – как сестра.

20 октября 2021 года

**Светлана
АМБРАСОВСКАЯ**

МЕЛОДИЯ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ

В молоко тумана бросили закваску –
творожатся хлопья в свете фонаря.
Мир напоминает бабушкину сказку –
скрой, кисельный берег, нас от октября.
Не кружите, гуси, вестниками бедствий,
не маните в терем за чужой горой.
Как молитву шепчем (вызубрено в детстве):
реченька, не выдай, яблонька, укрой!

Горьких детских слёз не унять порой –
в них такая боль через край!
– Ну за что они,
как с чужим со мной?
Ненавижу!!!
Но... почитай.
Сплетен холодок, ложь, внезапный долг –
узел тот поди разруби..
– При живой жене как он мог?
Как мог?!
Ненавижу!!!
Но... возлюби.
Расколосся мир на чужих-своих,
утонул в волне истерий:
– Ненавижу их,
ненавижу их,
ненавижу!!!
Но... не убий.

-
- Светлана Викторовна Амбрасовская (Колотушкина) – поэт, член Союза писателей России. Родилась в Ленинграде. Окончила Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Работает руководителем театральной студии. Автор двух книг: «Аквариум города» (2008) и «Ищите жизнь» (2021). Публиковалась в журналах «Юность», «Аврора», «Наш современник», «Подъём», в «Литературной газете», «Антологии русской поэзии» (на китайском языке) и других. Победитель III Международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени поэта и воина Игоря Григорьева, V, VI Всероссийских Татьянинских конкурсов, лауреат Международного литературного конкурса «Мир без войны и насилия». Живёт в Великом Новгороде.

ОСЕННЕЕ

Все мы здесь, а не там,
но у каждого «здесь» своё,
преимущественно –
в позитивном и светлом русле.
Отчего ж иногда
так темно,
так надсадно грустно?
Отчего вдруг кулик
о болоте чужом поёт?..

Все мы здесь, а не там.
Что ни вечер – спешим по домам,
за собой запирая покрепче входные двери:
– Хорошо, что не «там»,
говорят, там такой тарарам!..
Но не верит слезам
ни Москва,
ни..
Никто не верит.

В этой странной игре
от лукавого что-то есть:
зимовать кулики улетают в чужие страны,
ну а нам до весны
врачевать боевые раны,
что получены
«там»,
а болят неизбывно
«здесь».

ДЕРЖИСЬ!

Осколки – звонко
играет жизнь.
За смех ребёнка –
держись, держись!
За лист осенний,
за вербы пух.
Когда вечерний
пропел петух –
держись за звёздный
шершавый бок.
Ещё не поздно!
Ещё не срок!
Держись за добрых,
держись за злых,
за вечный спор их,
за стон, за стих!
Держись!

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

1

Война без права на победу –
гражданская война.
Стучат колёса: еду, еду
от света дотемна...
...И вот уже темно – нет силы –
уже не разберёшь:
где колыбели, где могилы,
где истина, где ложь.
Стучат колёса, поезд мчится,
сметая на пути
законы,
 принципы,
 границы,
друзей испуганные лица –
мой ужас длится-
 длится-
 длится...
О Господи, прости
и помоги остановиться!

2

С трудом рождались светлые слова
над тёмною жестокостью момента,
как облака, ползущие едва
над пересохшей кожей континента.
Настало время вылиться дождю –
сердца мертвы, как в засуху саванна...
Но слёз не стало.
Вечному вождю –
Осанна!

3

Мы сдавали в багаж
по квитанции,
с верной отдачей:
первомайские праздники, шарик, салют, оливье.
Остановка.
Смотритель тревожною тенью маячит,
появляясь внезапно уродливой рожей в окне.
Весь он свой –
из таких,
что особо и не рассуждают,
а врезают по шее, по-матери, по стописят.
Воздух дёрнулся.
Поезд скукоженный шарик качает,
и прозрачные полосы
в гаснущем небе висят.

4

Безмятежное счастье чревато мятежным протестом –
избалованной воле не сжаться в тугую пружину.
Осознать, что служил лишь прокладкой меж книгой и креслом –
это прям как с размаху в поддых, а бывает и в спину,
это прямо до боли, до вопля в пустой ойкумене –
безмятежное счастье, вернись, беспринципный предатель!
Но таращатся дни и испуганно жмутся в недели,
приближая судьбу к неизбежно-трагической дате.

Мелодия простых вещей –
настойной лампы, чайных ложек –
мне с каждым годом всё дороже
и с каждой горестью слышней.

Средь грубых споров о войне,
за воплями вселенской склоки
я слышу шёпот книжной полки
и плач картины на стене.

Как будто маленький мирок,
сосредоточенный в квартире,
чуть слышно молится о мире,
что так велик

и так жесток.

Я смерти не боюсь, наверно, вовсе,
я без сомнений верю в мир иной.
Но что ж так жадно сердце жизни просит?
– Мне страшно расставание с тобой!
Я знаю, что не сыщешь справедливость,
что заповедан всем удел земной,
я Господа молю явить нам милость.
– Мне страшно расставание с тобой!
Ведь вечность без любви не жизнь, а грёзы,
виденья, бесконечный сон пустой.
Прости, родной, мои стихи сквозь слёзы:
– Мне страшно расставание с тобой!

ДОЧЕНЬКЕ

Мы каждый день выходим на войну.
В боях удача редка и спонтанна...
Я вижу свою девочку – одну,
Бегущую вдоль радуги фонтана.

В ней столько озорства, ей так легко!
Одна беда – взрослей казаться хочет.
Мой ангел, неприятель далеко,
Беги, скачи, дурачься что есть мочи!

Пока молчат предательства фронты,
пока атаки зависти так редки..
И ты, мой друг, пока – всего лишь ты!
Без укреплений, рвов и контрразведки.

Как освещает хижину свеча,
будя опасным светом каждый угол,
как затопляет ранняя река
весенней влагой жаждущую пойму,
как, руша все опоры из огней,
ночное небо падает на землю –
так слово Божье вызрело во мне
и, сердце обратя в звенящий колос,
готово сеять семена надежд.

Скажи мне, что за гранью этой грани,
когда засохли на окне герани,
да и само окно рассохлось в щели,
а подновить, похоже, не успели.
Когда труба на помертвевшей крыше
уже который месяц как не дышит,
и яблони в некошеном саду
надломленно предчувствуют беду?
Скажи мне, что за гранью этой боли,
когда бурьяном зарастает поле,
разрушены и клуб, и сельсовет,
в живых ни одного домишка нет,
и лишь часовней посреди погоста
торчит водонапорной башни остов?
Что делать, если жизнь сама на грани?
– Не дать засохнуть на окне герани...

ЗИМА В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

В Великом снежно, ветрено, феврально –
скребут лопаты, спорят воробьи.
Как манускрипты в ларчике хрустальном,
покоятся культурные слои
под толщей льда. Лишь редкий луч лениво
царапнет панцирь предвесенних дней.
Зима у нас не то чтобы красива,
но что-то есть чарующее в ней:
в кружащемся беспечно снежном рое,
в сосульках, осаждающих карниз,
в холодном, снисходительном покое
усталых звёзд, не падающих вниз.

**Евгений
МЕЛЬНИКОВ**

ОТБЛЕСКИ ВСТРЕЧ

ЗИМОРОДОК

Древнегреческий миф суров,
Был когда-то сродни он закону.
В бирюзовую птицу по воле богов
Превратилась вдова Альциона.
И с тех пор на воде был и дом ей, и стол,
А гнездо средь зимы она вила.
Усмирял для неё все ветра сам Эол,
Чтобы кладку волной не размыло.
Годы шли... И сегодня пройдем у реки,
Вдоль обрывов, причалов и лодок.
Он живёт здесь, но, мифу тому вопреки,
Не родится зимой зимородок.
Только имя своё от легенды хранит,
Да матросы, что меряют мили,
Называют с тех пор Альционовы дни –
Время мёртвого зимнего шторма.
Красота не угасла столетия спустя,
Но скажу в дополнение лишь я:
Он сидит предо мной, чуть заметно грустя,
Словно вспомнив морские затишья.

-
- Евгений Юрьевич Мельников родился в 1988 г. в Саратове. В 2010 г. окончил биологический факультет Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского по специальности «Биология». Кандидат биологических наук. В настоящее время работает доцентом кафедры морфологии и экологии животных, а также заведует зоологическим музеем СГУ. Область научных интересов связана с изучением птиц, их адаптаций к среде обитания и сезонным миграциям. Публиковался в литературно-художественных журналах «Волга–XXI», «Европейская словесность», «Александръ», «Подъём» и др. Автор сборника «Мгновения странствий». Участвовал в написании научно-популярных книг «Символы Саратовской области» и «Природа смотрит на тебя. Путешествие по Саратовской области». Неоднократно публиковал статьи в периодических изданиях (журнал «Пасвик-Times»). Лауреат литературного конкурса «Волжская волна» (г. Саратов, 2015 г.) Лауреат регионального конкурса «Россия, Русь! Храни себя, храни!» (г. Саратов, 2017 г.) Участник поэтического фестиваля «Радуга–XXI» (г. Хвалынский, 2016 г.), Всероссийского съезда молодых литераторов (г. Ульяновск, 2018 г.), Всероссийского фестиваля литературных журналов «Волжская пристань» (г. Ульяновск, 2019 г.), Открытого Кубка Волгограда по русской поэзии (г. Волгоград, 2019 г.), VIII Всероссийского литературного фестиваля им. Михаила Анищенко (г. Самара, 2020 г.), IV Всероссийского совещания молодых литераторов СПР (Химки, 2021 г.).

*Корольки.
Рисунок
Полины Кожухиной*

КОРОЛЁК

Он победы секунды счастливые
От орлиного вывел крыла.
И с тех пор носит имя шутивное,
Что природа за хитрость дала.
Суетливый, отнюдь не изнеженный,
Он вжился в обрётённую роль –
Повелитель хвоинок заснеженных
И морозных узоров король.
Блёклый плащ, где заплатки наколоты.
До чего ж неприметен он сам!
Лишь корона-шапчонка из золота
И душа вместе с тельцем – пять грамм.
Но в еде как король привередливый,
В кроне дерева вдоль, поперёк
Он порхает весь день, непоседливый,
Симпатичный храбрец королёк.

ЛЕБЕДИ-КЛИКУНЫ

Утро полярное, утро осеннее,
Звуки в морозе слышны.
Там, на реке, что туманом засеяна,
Стонут, трубят кликуны.
Лебеди, милые вы, громкогласные,
Много вам дал этот год.
Видимо, вы покидать несогласные
Край непролазных болот.
Верность реке, без сомненья, докажете,
Я лишь с вопросом стою:
Что же вы плачете, что ж будоражите
Душу сегодня мою?
Вам бы на юг, где тепло и магнолии –
Время не терпит весьма.
Солнечный день – три часа и не более,
Дальше – холодная тьма.
Музыкой ваше не станет звучание
Зимних трагедий и драм.
Вот и молчу у реки на прощание,
Втайне завидуя вам.

ОБЛАКА

Облака, облака, облака!
Неотъемлемый символ небес.
Сколько черт насчитает рука:
Беззаботность, угрюмость и блеск.
Только если небесную шаль
Самолёт на разбеге пронзил,
Понимаешь: обычное – даль,
Необычность сокрыта вблизи.

Что за образ – то горная цепь,
То расплывчатый, вязкий туман,
То безмолвная зимняя степь,
Где свирепствовал снежный буран.
Многоликими вы рождены,
Чтобы службою жить непростой:
Отделяя чертог вышины
От обители нашей земной.
Где прожить невозможно – запрет,
Пролетел – и скорее покинь.
Где над вами – лишь солнечный свет
И холодная, вечная синь.

МУРМАНСК

Мурманск. Крики чаек.
Тяжесть облаков.
Вновь дождём встречает –
Нрав его таков.
Выцветшие стены –
Всё равно красив.
Стал стальным и серым
Вечером залив.
В грохоте портовом
Вместо суеты
Северная строгость –
Так устроен ты.

КАСКАМА

Каскама, Каскама! Что ж ты сводишь с ума?
И от встречи в волнении весь я.
Там до солнечных дней снег лежит меж камней
И берёзы растут криволесьем.
Каскама, Каскама! Горной тундрой сама
Держишь суть заполярного лика,
Где ковром – пышный мох, где лишайник усох
И рассыпана алым брусника.
Чем зовёт Каскама? Мыслей, чувств закрома
Здесь заполню с усердием мыши.
Если дождик пройдёт, то однажды, раз в год,
Окажусь даже радуги выше.
Как тиха Каскама... Редко строят дома
Среди тундры поющие птицы.
Только ветер, шумя, снова встретит меня
И свободный в долину умчится.
Ты сурова весьма... Но скажи, Каскама,
Как остаться подольше здесь мне бы?
Где с весны до весны спят во мхах валуны
И в озёрах – застывшее небо.

ТЕРИБЕРКА

Скалы красного гранита.
Рвётся к берегу туманность.
Словно ватой всё обвито:
Молчаливость. Первозданность.
Переменчивость погоды.
Все капризы в полной мере.
Океан суров, холоден –
Ледовитый, сине-серый.
Света солнечного мало,
Чаще – серость, однотонность.
Волны стачивают скалы.
Неприступность. Непреклонность.
Не шумишь... Почёт и робость.
Мыслишь коротко и ясно:
Просто Север – это строгость.
Умудрённость, беспристрастность.
Приезжай – по правде, стоит,
Осмысляешь на «отлично»
Жизни суть, её устои,
Бесконечность, безграничность.

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Дышит холодом заря,
Днём разгул тепла и света.
Середина октября:
То ли осень, то ли лето.
Алым, рыжим, золотым
Лес давно раскрасил плечи.
Но в степи найдёшь цветы,
В ковылях трещит кузнечик.
Лента серая змеи
У норы сверкает гляncем,
А на ветках – снегири,
Зимних замыслов посланцы.
Оттого-то этим днём
Снова тянет мерить дали:
Лето с осенью вдвоём
Славно мир перемешали.
Срок прощания пришёл,
Но они вдвоём до вздоха.
Пусть чудят. Им хорошо.
Да и мне в полях неплохо.

**Виктор
БИРЮЛИН**

НО Я НЕ ГРУЩУ

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

На небольшой фотографии запечатлён одинокий малыш. Фотографии лет семьдесят, а ему года два. Он одет в коричневую плюшевую куртку с капюшоном и штаны в белую и серую полоску. В правой руке малыш держит железную лопатку, пальцы левой руки растопырены.

Он явно недоволен, что его оторвали от игры. Об этом говорят нахмуренные белёсые бровки, да и всё выражение по-детски пухловатого лица. Но в глазах проглядывает любопытство. Может, он ждёт появления птички, которая, по словам взрослых, должна вылететь из объектива фотоаппарата.

Недоверчиво глядя перед собой, малыш всматривается и в своё будущее, готовое развернуться перед ним. Вскоре он уедет из родных мест, и судьба у него сложится непростая, с печалью и радостями. И он многое поймёт.

Поймёт, что тому, кто ищет, приходится блуждать, что не стоит тратить жизнь на того, кто тебя не ценит. А самое важное – научиться отделять зёрна от плевел.

И вот он, семидесятилетний, рассматривает себя двухлетне-го. И у него наворачиваются слёзы в поблёкших синих глазах. О белом свете он давным-давно думает по-взрослому. А по утрам всё чаще видит в зеркале чужого человека.

Но всё это не касается малыша с игрушечной лопаткой в руках, связь с которым осталась нерушимой. Ради него он жил наперекор всему и не отступит до последнего вздоха.

И ещё он верит, что светлый образ малыша с нахмуренными бровками и пухловатыми щёчками, недоверчиво вглядывающегося в будущее, мелькнёт перед ним в последнее мгновение.

● Виктор Владимирович Бирюлин родился в 1951 году. Окончил филологический факультет Саратовского государственного университета. Автор сборников литературно-критических статей, книг публицистики и эссе. Печатался в различных российских и зарубежных журналах, альманахах. Живёт в Саратове.

РЫБНОЕ МЕСТО

Сходил с Тимой на вечернюю рыбалку недалеко от дачного пляжа.

У внука-подростка ломается голос. Он похож на тянущегося вверх жирафёнка – стройного, с любопытными глазами и скрытым достоинством в осанке и движениях.

Рыбное место подсказала хозяйка выходящей на Волгу дачи. До этого она костерила на чём свет стоит строителя, накосячившего с бетонной садовой дорожкой. Что ж, не надо косячить.

Не успели устроиться, как облепили комары. Даже возникла лёгкая паника – не убраться ли восвояси, пока не поздно? Но шустро натёрлись мазью, и комары улетели. Как в сказке.

Пахло волжской водой, раскинувшейся до горизонта. Вокруг нас, притаившихся в камышах, раздавалось звонкое птичье щёлканье, слышались детские крики с пляжа, долетал лай собак из недалёкого села.

Начало клевать, несколько рыбёшек сорвалось. Внук не расстроился. Забросил удочку подальше и поймал наконец хорошего окунька. Глаза его загорелись, лицо осветилось улыбкой. Правда, клёв на этом закончился, видно, рыба успела поужинать до нас.

Возвращались уже пустым пляжем. Только две ядрёные девчонки переодевались, собираясь уходить. Ох, и ядрёные!..

Я не люблю многолюдье. Люблю работать в саду, небольшое дружеское застолье.

Мне хорошо с Тимой, доверчиво идущим рядом с одним окуньком в садке. Снасти, которые несут, навевают воспоминания о других важных рыбалках. И от вида ядрёных девчонок душа повеселела.

Дома нас ждёт ужин, приготовленный заботливой женой и бабушкой. Поделится с ней впечатлениями, посмеёмся.

Чего ещё?

КОГДА УМИРАЕТ НАДЕЖДА

Летним знойным днём позвонил старинный приятель-художник, с которым время от времени встречались за бокалом коньяка в его заставленной картинами мастерской.

Последняя встреча, ещё зимой, расстроила: вместо жизнерадостного человека в замысловатой рабочей куртке, скрывающей приметный животик, любящего и умеющего побалагурить, я увидел человека худого, молчаливого, с растерянными глазами. Оказалось, у него пропал аппетит, и он почти не ел.

Приятель быстро захмелел, чего с ним никогда не случалось.

И вот он позвонил, сообщив, что лежит в больнице, готовится к операции. Пожаловался на скуку, как всегда, пошутил.

А через неделю умер.

Причин для его бедственного положения нашлось немало, и ни одна не должна была привести к печальному исходу. «Батарейки сели», – сказал он сыну. Энергия жизни ушла, и мой приятель ушёл.

Учёные выяснили, что наш мозг работает считанные минуты и после остановки сердца. При этом он впадает в состояние, напоминающее глубокий сон. Что проносится в голове навсегда засыпающего человека? Ярость, замешательство, одиночество, страх?

Самое время умереть и надежде.

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Если человек понимает, к чему ведут обстоятельства, и действует соответственно, значит, он свободен. Но со студенческой скамьи от осознанной необходимости у меня просыпалась тоска.

Ведь тогда и раб, сознающий своё горькое положение и следующий ему, чтобы не быть засечённым кнутом, тоже свободен. Но братские чувства испытываешь к рабу сражающемуся, хотя и знающему, что борьба приведёт его к гибели. Свободен всё-таки он, а не тот, кто уныло бредёт под ярмом, довольствуясь тем, что упадёт с хозяйского стола.

Древние говорили, мол, не забивай голову заботами завтрашнего дня. Живи радостями сегодняшнего.

По мне, в их число входит и выстраивание своего будущего. Каждый день ты укрепляешь свой дом, взращиваешь сад, собираешь мудрость поколений, помогаешь людям. Когда придёт старость, у тебя будут и свой надёжный угол, в котором ты никому не мешаешь, и необходимые средства для достойной жизни. Ты останешься свободным.

А если плыть по течению, приговаривая: «Пей-гуляй: одна живём!», то концовка может оказаться печальной. Рядом с тобой одно разбитое корыто. Тогда, конечно, сиди и вой: «Помогите, люди добрые!»

Или, допустим, человек сам, без принуждения, решил вести здоровый образ жизни. Но ему не хочется вставать, когда одолевает сон, есть то, что не по вкусу, бегать, хотя тянет полежать. И он начинает всё это делать через силу.

Только свобода не вяжется и с насилием над собой. Куда лучше она сочетается с окрыляющим желанием делать то, что на самом деле хочется твоему телу, твоей душе.

Воробьи имеют право клевать мой виноград. Я имею право защищать его от них. Свободны воробьи, свободен и я.

Шиловидный флокс перебрался на новое место, уйдя от объятий монарды, и свободно расцвёл большой светло-фиолетовой шапкой.

Утром слушаю звонкую переключку садовых птиц и жду, когда проснётся внук, который накануне вечером сказал, что любит меня.

Мы с внуком свободны в этот час на своей земле.

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ КАЛЕНДАРЬ

6 января исполнилось восемьдесят лет Челентано, чьи песни и фильмы до сих пор греют душу.

В крещенском купании в проруби не столько религиозного духа, сколько духа молодечества, бодрости и крепости.

В очередной раз попробовали своё молодое вино с Юрой Сидоренко. По его убеждению, вино из амурских сортов винограда лечит от всех болезней.

18 января побывал на персональной выставке Геннадия Савкина. Много людей, вся его семья и очень много фотографий – срез 50-летней работы. Есть и мой портрет с книгой и яблоком в «Генафонде».

5 февраля старшему сыну Кириллу исполнилось 45! Вечером у него общий сбор.

В хлебном магазине спросил у продавщицы, почему в запаянном целлофаном «бородинском» хлебе собирается влага. Продавщица как продавщи-

ца, средневропейской внешности. И вдруг в её речь прорвался кавказский акцент. Объясняя, ей пришлось отойти от несложных, привычных наборов слов, и сдерживаемая стихия родного языка тут же высвободилась.

20 марта проглянуло яркое солнце. Пришла весна! А зима? За окнами тут же закружился снежный вихрь. Вот как надо драться за себя. До последнего.

Я такой, какой есть – знаю то, что знаю, верю в то, во что верю.

Апрель выдался мокрым. Дождь надёжнее цепного пса не пускает в сад.

Главные приказы передаются негромко, без свидетелей. И так же исполняются.

О чём говорили Пушкин с друзьями между собой, сокровенно?

2 мая Пасха. Христос воскрес, посмотрел на людей и опять умер.

Почитал Чехова и заскучал ещё больше. Из его рассказов и пьес выходит, что порядочных людей на свете раз-два и обчёлся.

10 мая поднял на крышу садовой мастерской несколько листов шифера, чтобы не протекало. И дождь сразу закрапал. Проверил.

17-го сжёг дневниковые записи. И как не было? Да нет – все они внутри меня, а в рассказах ходят по свету.

Позвонил младший сын Иван: «Как дела?» – а я завёл разговор о жизни и смерти.

Допустим, повара создадут совершенное кушанье, в котором соберут все необходимые пищевые вещества, лучшие вкусы и ароматы. И станут предлагать только его, ведь другие хуже. Так кушанье вскоре перестанут заказывать. Оно надоест! Любимое эволюцией разнообразие не отменишь.

20 июня увидел на садовой дорожке первого жука-оленья. Он не двигался. Тронул – зашевелился. Видно, привыкает к настоящей жизни, просидев пять лет в земле.

Что такое бабочка? Не только гусеница, научившаяся летать. Ну, научилась. Но ещё умудрилась стать красавицей, вдохновляющей на прекрасное людей – высших, по их мнению, существ.

Как должен выглядеть мужчина в любом возрасте? Спина прямая, голова высоко поднята, лицо открытое и умный, желательно, взгляд.

3 июля прошла лёгкая гроза. Мы словно у Христа за пазухой – ни алтайского потопа, ни самарского града, ни мурманского снега. Небо заголубело от края до края. Неоткуда туч нагнать. Хотя, что для ветра тысяча-другая километров?

Пьём с женой в садовой беседке чай со свежей малиной. Тихо, тепло, спокойно, скучно. Но скука, господа, далеко не самая худшая вещь на свете. Днём на небе должно быть солнце, а ночью – луна и звёзды. Иначе не будет гармонии. Главное, чтобы вино жизни не скисло и ум был в порядке до последнего вздоха.

Знаем мало, а судим много.

Воробьята залетели в малинник, клюют, рассчитывая на поживу, пустую шелуху от семечек. Они такую ещё не пробовали.

10 августа узнал, что умер Юрий Никитин, писатель. И его теперь нет.

Мои рассказы рождаются из пойманного настроения и сюжетного повода. В них я живу так, как мне хотелось бы жить.

Соседка Анна Ильинична любит петь, со слухом у неё всё в порядке. Поёт, как правило, в даче, очевидно, на кухне за готовкой. И вот слышу: «А на том берегу незабудки цветут!» Она гораздо старше меня, а песня нравится одна.

С 24-го по 25-е на даче гостило четверо внуков! Жена едва успевала всех накормить. В центре внимания, конечно, была младшая Глаша, которая вечером ела кашу за обе щёки и пицала от хорошего настроения.

Астрофизики заботятся о нашем будущем, а хлеборобы обеспечивают наше настоящее.

30 августа заходил Сергей – дачный охранник и начинающий винодел. Поговорили о том о сём. Хотя, конечно, возраст, опыт, в том числе профессиональный, у нас разные.

В начале сентября съездил с Иваном и внуком Тимой в село Поповку за грибами. Побродили по лесу, посмотрели на заброшенный и всё ещё впечатляющий гидроузел на реке Латрык. Потом подъехали к заброшенной старинной мельнице возле села Константиновка, спроектированной знаменитым архитектором Борелем. Удивительный замысел, могучие стены, необычная кладка. Мельница заросла деревьями, словно древний храм в индийских джунглях.

Удивляет уже нормальное поведение людей, а не выходящее за рамки.

Победа добра над злом невозможна, как невозможна жизнь без силы притяжения. Без неё всё улетит с Земли, да и она сойдёт с орбиты. Также и добро улетучится вслед за злом.

3 октября прошёл ревакцинацию, и на душе стало спокойнее.

16-е – 70 лет. Не обойти, не объехать. К привычному списку поздравляющих прибавилась Глаша: «Пипет, дед!» И ещё много чего налепетала.

У нас с ночёвкой Никитка с Тёмой. Немного ёжишься от их возни. А ведь такое общение – большое благо, не каждому доступное. Пообщались внуки с дедушкой и бабушкой, побыли одной семьёй. Мне бы такое в детстве.

Мы приходим и уходим в одиночку. Встречают нас родители, а провожают дети.

5 ноября ходил по скверам, разговаривая с Александром Березиным – парнем, заинтересовавшимся гражданской войной.

13-го умерла Наташа Шульпина. Ненадолго пережила мужа. Помню её с «Зари молодёжи», потом в «Волге» служили. Всегда были в поле зрения друг друга.

Воскресенье, 23-е, провёл с Тимой и Глашей – гуляли в городском парке, зашли в «Зоопарк» с его козами и кроликами. Кроликов Глаша кормила, гладила, обнимала, а потом слегка пинала ножкой. Так она и с домашним котом Арчибальдом общается. У внучки ещё одно «словечко» появилось. Наряду с «бякой» она может сказать и «мерзость».

Обменялся электронными письмами с деревенским блогером Андреем Тамашовым из Псковской области. Очень популярным, родоначальником единственного в своём роде сообщества деревенских блогеров. Послал ему свои рассказы.

5 декабря, ровно 17 лет назад тихим воскресным вечером меня везли с инфарктом в больницу.

31-го потеплело, поснежило – только Новый год и встречать. Представил, как из расписных саней, запряжённых тройкой серых рысаков, выходит к детям, собравшимся возле наряженной ёлки, валяжный Дед Мороз в роскошной шубе и с посохом в руке.

НЕВЕСЁЛАЯ ПОГОДА

С утра опять заморосило, да и холодно. Осенняя тоска, а не погода. И грач на голом дереве озадаченно озирается по сторонам.

Невесёлая погода навеивает свои мысли.

Начитавшись Астафьева, ты ещё острее понимаешь, что современная литература со всеми её конкурсами – всего лишь чтиво. Вещь тоже необходимая для многих. Но это не красота, которая спасает мир.

Что печалит, когда смотришь на вылупившихся деревенских цыплят? Они не знают, что их дни сочтены. А люди, которых они почитают за мам, кормят и заботятся о них, чтобы съесть. Пожалуй, и к лучшему, что не знают.

Трудно принять толерантность, которая отчаянно воюет со всеми, кто думает по-другому.

Кислица – образ тихого, не мытьём, так катаньем, зла. Слабенький, поначалу незаметный сорнячок, ютящийся по закоулкам. Его не замечают, упускают, он набирает силу, встречается повсюду. И вот кислица уже владычица грядок, малинника, а там и всего сада. Густой шапкой покрывает землю, глуша конкурентов.

Говорить дуракам, что они дураки – не самый лучший способ избавиться от глупости.

Оборотная сторона Луны! Да мы свои спины, как они выглядят, знаем хуже.

Государства плюют на своих граждан. Естественно, они пытаются увернуться – эмигрируют, скрывают доходы, не голосуют.

Сколько ходит по Земле пустых людей с набитыми карманами и, наоборот, умных, стоящих людей с карманами пустыми! А эволюцию это устраивает. Пустые люди при деньгах не хулиганят, спокойно плодятся. А бедные умные вынуждены больше ворочать мозгами, развивать человечество.

Болтливые не всегда глупы. А молчаливые не всегда умны.

У преклонного возраста, судя по новейшим публикациям, оказалось много достоинств. Но по-прежнему к нему никто не спешит.

Не стройте дома под спящими вулканами. Все они спят до поры до времени.

Грач куда-то подался, а по небу ходят всё те же серые облака.

Невольно ищешь в них просвета – может, пробьётся солнечный луч и подарит заскувавшему миру надежду?

НО Я НЕ ГРУЩУ

Позвонил Владимиру Григорьевичу. Ему 90 лет, но разговоры с ним бодрят. Он сказал, между прочим, что друзей у него не осталось – одни умерли, с другими пути разошлись: «Но я не грущу!»

От дружеских отношений мы ждём многого. Отсюда сетования, мол, настоящих друзей раз-два и обчёлся. И я так считал. А теперь вижу, что все, с кем довелось пройти по дороге жизни, были мне друзьями.

Помню Толика из соседнего с пограничной заставой села, с кем делил парту в первом классе украинской школы. Я был «хлопчиком з заставы», с трудом вникавшим в родственную, но всё же чужую речь.

Как-то раз мы помогали натаскивать служебную овчарку, легко нашедшую и отброшенный в сторону пистолет-пугач, и нас самих, забравшихся на стог сена. Меня этим сеном засыпало, я испугался, но Толик скинул с меня охапку, вернув к солнцу и звучному летнему утру.

С Ларисой, дочерью старшины заставы, с которой постоянно ссорились, зажгли бумагу в закрытой печке. Повалил дым, мы испугались, убежали из дома и спрятались под брёвнами у забора. Внешний мир, в котором нас могли наказать, куда-то исчез. Мы почувствовали себя в особенной, уютной безопасности.

Двери наших с Сашей квартир выходили на одну площадку. Саша учил меня играть в шахматы, воодушевлённо, в лицах, пересказывал содержание прочитанных книг и просмотренных фильмов. О девчонках я стал впервые разговаривать откровенно именно с ним.

Позже он уехал в другой город, и наши с ним отношения оборвались. Встретились уже в девяностые. Мой друг, большой, рыжебородый, остался таким же душевным человеком с волевым внутренним стержнем.

Потом он неожиданно заболел и умер.

В подъезде дома у меня был ещё один приятель – Женька-рыжий. В летние каникулы мы с ним, бывало, целыми днями гоняли во дворе в футбол, бегали на стадион «Волга» болеть за заводские команды. Он был маленьким и подвижным как ртуть. После школы выучился на машиниста, водил тепловозы.

И его уже нет.

Ах, Лена, недосягаемая, но так манящая звезда юности! Она была красавицей, в которую влюблялись многие. Однажды вечером гуляли с ней по автомобильному мосту перед рестораном «Радуга». Лена рассказывала о живущих на далёких океанских островах дикарях. Собравшись вокруг вечернего костра, они ели апельсины и засыпали среди апельсиновых корок, свободные и счастливые, как нам представлялось.

С Борисом мы учились в одной школе. Очень многое оказалось связано в наших судьбах. Я считал его другом на всю жизнь, единственным, неповторимым, хотя после учёбы в вузе он и оказался далеко от родных мест.

А потом в нашей дружбе появилась трещина.

Началось всё с моего звонка его жене, как оказалось, уже бывшей. Узнал, что они давно в разводе. Как гром среди ясного неба! Почему скрывал от меня? Не доверял.

И моё доверие начало слабеть.

Борис ещё несколько раз гостил в моём саду. Ездили с ним на Зелёный остров к другу-виноделу, к знакомому пасечнику, поднимались на Буданову гору, ловили рыбу в Волге и Медведице.

Но в последние годы только созваниваемся на Новый год и дни рождений.

Первый репортаж в молодёжную газету написал с опытного поля Волжского научно-исследовательского института гидротехники и мелиорации. Валера, как оказалось впоследствии, любитель гор и одиночества, а тогда мой наставник, сел рядом и, обсуждая со мной каждое слово, отредактировал материал. Одновременно преподавал на всю жизнь урок, как надо работать с начинающими в любом деле.

Однажды с ним и Наташей, тоже сотрудницей газеты, с которой учились на филфаке, накатались на лыжах по зимней Кумыске до упаду. Потом пили чай с вареньем в Наташином домике под горой и так хорошо говорили «за жизнь». О чём – не помню, а ощущение радости от тогдашнего общения осталось.

С тех далёких уже лет тянется ниточка дружеских отношений и с Татьяной, выросшей в большого деятеля кинокультуры. Встречаемся редко, но, как говорится, метко, наговорившись от души.

С Иваном проходил студенческую практику в газете. Потом он пропал из виду. Вдруг встретил его, саратовца, в районном центре, да ещё в форме офицера милиции, хотя здоровьем он не отличался. Зато выделялся любознательностью, острым умом.

Иван насобирал целый ворох всякого рода сведений по народной медицине. Написал книгу тонких наблюдений над всем и вся. Стал искусным переплётчиком. Приезжая летом в домик тестя и тёщи, я славно общался с ним за бутылкой домашнего вина, в котором он тоже знал толк. После продажи домика переписывались, и письма его, кстати, храню, но без живого общения связь прервалась, о чём жалею.

Немало мудрого впитал и от добрейшего Владимира Ивановича, с которым посчастливилось несколько лет делить рабочий кабинет в редакции журнала «Волга».

В конце 80-х он организовал для меня и ещё одного сотрудника журнала рыбалку на Большом Карамане. С ночёвкой возле костра, сладкой ухой из разной рыбы.

Готовились к рыбалке во дворе родственника Владимира Ивановича, москвича, купившего старый сельский дом с большим садом, что было ещё в новинку для нас, провинциалов.

По двору бегал молодой боксёр-кобель, утреннее солнце ласкало лица, а мы с сотрудником разговорились о политике. Москвич дёрнулся, усмехнулся, было видно, как ему, не по душе такой разговор. Владимир Иванович потом попенял – не надо бы при посторонних заводитьсь. Кто знает, что на уме у его родственника?

Выбирая место, мы долго плыли по протокам тихой реки в заповедном безлюдном крае. Владимир Иванович, отчаянный рыбак, разделил весь улов, пойманный в основном на его снасти, на три равные части, и каждому досталось порядочно.

В лихие девяностые распалась наша дружная компания одноклассников. В молодости мы много общались, встречали праздники, отдыхали на волжских пляжах.

У всех замысловато сложилась личная жизнь.

В эти же годы сдружился с Яшей – обрусевшим удином, писателем, разом расширившим мои представления о жизни и людях. Обратил на него внимание, когда узнал, что он полез в драку на обидчика Льва Толстого. Мы и сейчас не забываем друг друга.

Во время работы над очерком о гражданской войне в Заволжье на меня вышли внуки Ивана Михайловича Плясункова, одного из самых боевых красных командиров. Сотрудничество с москвичами Александром и Сергеем стало настоящим прорывом. Вместе с ними проехал по рекам Большому Иргизу, Уралу, многим городам и сёлам, хранившим память о давно забытых междоусобных делах.

В командировках останавливался у Сергея на Чертановской в его однокомнатной холостяцкой квартире. И братья у нас гостили. Однажды Саша, старший из них, заметил: «Мы же не чужие люди!» Умер и этот одарённый, светлого ума и запутанной биографии человек.

С Геной, талантливым фотографом, чудесным человеком, постоянно пересекались на творческих и житейских путях. В конце года я приезжал к нему в лабораторию, где мы за выдавшим виды рабочим столиком с бутылкой коньяка и нехитрой закуской пускались в замысловатые разговоры обо всём и вся.

Вдруг у него пропал аппетит, он стал стремительно худеть. Дело дошло до операции, после которой он умер.

Мне часто снятся ушедшие друзья. Во снах они выглядят живыми, яркими, какими были при жизни. Это трогает, волнует и печалит.

Поддерживаю связь с Евгением, с которым познакомился на службе в областной Думе. Человек он неспешный, основательный, не забывающий позвонить и справиться о делах и здоровье.

Печатаюсь в различных интернет-изданиях, вышел на связь с Ириной из Симферополя, тогда ещё украинского. Она вела блог, по сути, журнал, очень богатый на разнообразные публикации, всякого рода идеи. У нас завязалась переписка – дружеская, ненавязчивая. Откровенно общаюсь с человеком, которого никогда не видел и даже не слышал!

Уже больше десяти лет встречаемся после Крещения с Юрой, чтобы попробовать свои молодые вина. Юра – мой виноградный гуру, вдохновивший на занятие виноделием, в котором счастливо переплелись история, наука, искусство и неустанный труд.

Этот человек глубоко разбирается в вопросах и быта, и бытия, поэтому общение с ним всегда приносит радость открытий, даёт ощущение твёрдой почвы под ногами и надежду на будущее.

Число друзей, приятелей росло, чем больше ввязывался в жизнь. А потом пошло на убыль, как и сама жизнь.

Но я тоже не грущу.

КАК В ДОБРЫЕ СТАРЫЕ ВРЕМЕНА

Решил провести вечер с коньяком. Выпил добрую порцию под ломоть чёрного хлеба с огурцом и салатом. За сад! За жизнь! За жизнь в саду! Опять этот призыв забил во мне устойчивым родником.

В субботу, как обычно, затопил после обеда баню. Лето, огорчающее осенними дождями, вернулось. Солнце, ветерок. В бане было хорошо. Свежий крепкий чай в беседке тоже был хорош. Поговорил с позвонившим старинным приятелем. На ночь посмотрел старую французскую комедию.

Да и с утра было хорошо. Мягко, легко и быстро побрился новым лезвием. Неторопясь вбил колья к подросшим томатам. Шустро собрал подоспевшую клубнику. Угостил ею зашедших в гости внуков. Приобнял старшего Никиту – здоровый уже паренёк!

Мне было хорошо весь день.

Ветер упорно гнёт к земле зелень – от травы до дубов.

Хулиганское лето продолжается.

Спилел отживший своё синап. В саду стало просторнее, солнечнее. Взял в руки дубовый посох, походил по дорожкам. Прибавилось уверенности, спокойствия.

Осень маячит чуть не с начала весны, добавляя печали в наслаждение летом. А с августа она уже заглядывает в глаза, и довольно нагло.

Жёлуди устлали землю ковром, стучат по крышам камнями.

Впервые собрал ведро орехов.

Чем больше кланяешься земле, тем дольше она тебя носит. Так хочется в это верить!

В очередном походе в винодельню увидел за соседской дачей свет в чьём-то окошке. Может, и свет из моего окна кого-то подбодрит чёрной осенней ночью.

Винная шапка незаметно стала кепкой, а затем и вовсе растворилась.

С вечера пошёл дождь. Встал в пять часов – сыро, хмуро, холодно. Потянуло в город, и даже начал собираться. Но небо на глазах стало голубеть, проглянуло ещё горячее солнце, и слабина испарилась.

Вновь зашелестели тихие дни.

ЗАЧЕМ МОЙ ДРУГ САЖАЕТ ВИНОГРАД?

Мой друг – виноградарь-практик, селекционер и винодел, вдохновивший и меня заняться этим древнейшим искусством. Ему звонят со всех сторон – спрашивают советов, интересуются новыми сортами.

Недавно он посадил саженцы на участке земли, которую тщательно перепахал и забороновал, поскольку эта была целина с ухабами и ямами.

Казалось бы, чему здесь удивляться?

Дело в том, что у него уже есть виноградник на волжском острове, где он и проводит время с весны до поздней осени, да и зимой, когда встанет лёд, добирается. На острове у него и дом, и винодельня с погребом.

И ещё дело в том, что моему другу хорошо за семьдесят.

Но время для таких, как он, видимо, мало что значит. Не то что виноградное вино, которое Галилео Галилей назвал водой, вобравшей в себя свет солнца. Солнце, вода и рожают жизнь, самую важную вещь во Вселенной.

Завораживает мысль о стремящейся вверх виноградной лозе и человеке, смотрящем на звёзды.

Французы считают, что вино всех объединяет, за столом мы всегда молоды, а дорогой бывает только первая бутылка. И вспыхивающие временами на острове воодушевляющие дружеские застолья лучшее тому подтверждение.

И семья у моего друга в порядке.

Короче, у него есть всё для счастья.

Так зачем же он опять сажает виноград?

А зачем человек продолжает свой род? Зачем познаёт мир, творит? Зачем держится ценностей, основанных на уважении?

Однажды мой друг заметил, что образы, создающие видение мира, являются ключевыми понятиями. Какие образы, такой и человек. Они складываются всю жизнь, порой загадочно, и напрасно по этому поводу спорить. А уж если взялся, то постарайся всё-таки понять собеседника, не торопись навязывать ему собственные выводы.

Но, кажется, я отвлекся в поисках ответа на свой вопрос.

А яркое весеннее солнце вновь разогревает землю.

Игорь Шведов

«ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА ПОМОГАТЬ ЛЮДЯМ ЖИТЬ...»

Интервью с Игорем Вячеславовичем Шведовым

Наша беседа с известным саратовским поэтом и писателем Игорем Вячеславовичем Шведовым состоялась накануне его юбилея – 55-летия со дня рождения. К этой дате, как и полагается, Игорь издал очередной сборник поэзии – «Ощущение времени». Повод для разговора получился замечательный!

Анна МОРКОВИНА

А. М. Игорь, скажи, пожалуйста, что такое для тебя поэзия?

И. Ш. Поэзия – это способ заставить свои мысли и эмоции течь по нужному руслу. Если это отрицательные эмоции – например, о несчастной любви – я сбрасываю с души груз этих переживаний; если эмоции радостные – то и стихотворение получается радостное. И я делюсь этой радостью с окружающими.

А. М. А ты помнишь, при каких обстоятельствах возникло твоё первое стихотворение?

И. Ш. Помню. Мне было, наверное, лет шесть. Мы с родителями отдыхали на море. И я неожиданно написал стихи про ёлку:

*Привезли из лесу ёлку
Без игрушек, без огней,
И теперь она в игрушках,
Огоньках, хлопушках
Радует детей.*

Я ходил гордый и считал, что этот стишок должны поместить в учебник, чтобы его учили дети в школе, но не потому, что это я сочинил, а потому, что стихотворение хорошее.

А. М. Молодец, это были здоровые амбиции! Вот такой вопрос: первым слушателем Александра Пушкина была его сестра, а кто твоим?

И. Ш. Сейчас, естественно, моя жена Людмила. Есть у меня также друг детства Александр, он не поэт, но человек грамотный, начитанный, хорошо разбирается в литературе. Долгое время первым моим слушателем был он. Я и сейчас дарю ему каждую свою книгу, и он обязательно высказывает своё мнение.

А. М. *Критика для тебя важна?*

И. Ш. Конечно! Пока был жив папа, я прислушивался к нему. Он хорошо знал классику, многое помнил наизусть. Сейчас помимо тех, кого я уже назвал, я постоянно советуюсь с Алексеем Александровичем Буссом – руководителем литобъединения «Голоса поколений». До этого были другие студии, и мнение всех руководителей для меня было важным. Много мне дали Николай Сергеевич Байбуза, Николай Фёдорович Куракин...

А. М. *Расскажи по порядку, в каких литстудиях ты занимался.*

И. Ш. Если по порядку, то первым был «Диалог». Там я узнал, что у стихотворения должны быть размер и ритм, то есть важна техническая сторона стиха. Сообщил об этом Николай Фёдорович Куракин. Николай Сергеевич Байбуза больше внимания уделял содержанию стихотворения и инструментарию.

А. М. *А как ты пришёл в «Диалог»?*

И. Ш. У меня к началу 2000-х годов накопилось довольно много текстов, и мне было интересно: стихи это или нет? Если стихи, то какого они уровня? По радио услышал, что молодёжный клуб «Диалог» при Центральной городской библиотеке приглашает авторов, и отправился туда. Однажды встретил там поэта Николая Байбузу, который представился нам, сказав, что тоже ведёт студию – при Союзе писателей (она называлась «Азъ»). Я стал посещать обе студии, ибо по времени они не совпадали. А ещё действовала студия «Молодые голоса», которую вёл Иван Михайлович Корнилов, какое-то время – Михаил Муллин, затем – Евгений Саблин. А потом эту студию стал вести Алексей Бусс, переименовав её в «Голоса поколений».

А. М. *И какой вывод ты сделал, посещая эти студии?*

И. Ш. Вывод был один: учиться, учиться и учиться! Чем больше я узнавал, тем становилось интереснее. Оказалось, в поэзии существует столько подводных камней, о которых я раньше и не подозревал!

А. М. *Кто ещё одновременно с тобой рос в литературных студиях?*

И. Ш. Из студийцев помню Елену Белецкую, Евгению Старкову, Павла Шарова, хотя тот был скорее слушателем, так как имел литинститутское образование – все очень хорошие поэты. Помню актёра из любительского театра, Владимира Солодкова, который и декламировал стихи великолепно, и сам писал замечательно... Приходил уже немолодой Михаил Разумовский, всю жизнь проработавший на шарикоподшипниковом заводе, он писал длинные стихи, практически поэмы. Из поэтического клуба «Диалог» я отметил бы Татьяну Цой.

Позже я ходил и в «АРТ-систему» в «IrishPub», когда ею руководил Игорь Алексеев... Великолепное литературное кафе было у Наталии Шиндиной. Можно было не только спеть, но и почитать стихи в студии у Елены Калякиной.

А. М. *Игорь, а у тебя есть своё поэтическое, творческое кредо?*

И. Ш. Есть! И его можно выразить вот такими строками:

*Сродни деревьям все поэты:
Берёза, дуб, осина, вяз...
По всей поверхности планеты*

*Вдыхая углекислый газ
Вселенских драм и частных судеб,
Корнями впитывая суть,
Как кислород, доносят людям
Желанье заново вздохнуть.*

Поэзия должна помогать людям жить – и пишущим, и читающим. По большому счёту, поэзия призвана поднимать человеческий дух! Она нужна не просто, чтобы почитать, погрузиться или посмеяться, мол, отлегло от сердца, ну и ладно. В идеале, когда ты читаешь хорошую поэзию, то и сам становишься лучше.

А.М. *Я полностью согласна. Сколько книг у тебя вышло на данный момент? Назови их, пожалуйста.*

И.Ш. У меня вышло всего шесть книг: «Краснодеревщик», «Маршрутка счастья», «Дом моей души», затем две юмористические книги – «Шведевры и шведеврики» и «Лавропад». Недавно выпущен в свет сборник «Ощущение времени». Постепенно копится багаж прозы.

А.М. *А ты активный пользователь интернета? Успеваешь ещё и на сайт свои произведения выкладывать? Я спрашиваю исключительно потому, что это сейчас популярно.*

И.Ш. Да, конечно! Сейчас на сайте «Стихи.ру» примерно четыреста с чем-то моих стихов. Приблизительно столько же я убрал из-за низкого качества. В основном это ранние стихи. Читателей более семидесяти тысяч, и число их постоянно растёт.

А.М. *Кто и что тебе пишет? Это ведь такие же поэты, любители поэзии?*

И.Ш. Как правило – да. Но ежедневно заходят люди с других сайтов. «Неизвестных» читателей, то есть не зарегистрированных на нашем сайте, тоже очень много. А пишут разное. Могут и похвалить, и поругать, причём совершенно необоснованно.

А.М. *Игорь, а ты можешь себя охарактеризовать как поэта? Что в твоём поэтическом творчестве преобладает? Юмор и сатира, наверное?*

И.Ш. Пожалуй, больше у меня «серьёзной» лирики. Любовной, философской, пейзажной.

А.М. *Но, в отличие от многих, ты ещё и пародии сочиняешь! На саратовских авторов в основном.*

И.Ш. На самых разных! Если мне что-то «резануло ухо», зацепило. Объектом пародирования может стать любое стихотворение или неудачная строчка. Я обращаю внимание на авторские «ляпы», несуразности и начинаю их раскручивать, довожу до абсурда...

А.М. *А ты читать что-нибудь успеваешь? Или как в анекдоте: «чучка не читатель, а писатель»!*

И.Ш. Сейчас, посещая литературную студию «Голоса поколений», я готовлю каждое «домашнее задание», для этого многое приходится перечитывать, а что-то и открывать для себя заново. На самом деле не хватает времени читать столько, сколько хочется...

А.М. *Игорь, теперь расскажи про одну свою иностась – ты ведь карикатурист.*

И.Ш. Я с детства увлекаюсь карикатурой. Этот жанр мне удаётся. Он своеобразно дополняет моё литературное и прочее творчество.

А. М. Как давно стали публиковаться твои первые работы в жанре карикатуры?

И. Ш. Кажется, это произошло в перестройку. Мы вдвоём с другом Юрием, который привил мне интерес к юмористическим рисункам, стали сотрудничать с саратовскими газетами – например, с «Зарёй молодёжи». Редакции нравились наши работы, их даже в увеличенном виде выставляли в стеклянных витринах издательства «Слово» на Волжской.

А. М. А тематика какая была?

И. Ш. Тематика была актуальной, как говорят, на злобу дня. А ещё, кроме прочего, были комиксы, например, «Крысёнок-мечтатель»... Мы придумывали этому герою приключения, люди приходили, рассматривали... Потом нам даже стали задания давать: такая-то тема, такой-то сюжет, нарисуйте что-нибудь к определённой дате. Так мы с другом стали нештатными художниками, в то время как Александр Дьяков был штатным.

Мне стало интересно: как продвинуть своё творчество? Дьяков участвовал в международных конкурсах карикатуристов, я у него узнал, могу ли тоже поучаствовать. Получив координаты оргкомитета, я послал свои работы в Италию. И первая же моя работа попала в каталог выставки! Потом я отправлял свои работы и в другие страны – в Бельгию, в Японию... Юрий также участвовал в этих конкурсах. Наши имена и реквизиты попали в некую базу данных, и приглашения на участие в очередном конкурсе приходили автоматически.

А. М. Один «объект» может у тебя найти отражение и в графике, и в словесном варианте?

И. Ш. Конечно, ведь когда я готовлю книгу, стараюсь, чтобы там был не один текст, но и рисунки. Иллюстрации должны дополнять стихотворения.

А. М. А ведь по основной профессии ты столяр-краснодеревщик.

И. Ш. Я мастер по изготовлению художественной мебели. В аттестате значится: «столяр-станочник», но нам преподавали дисциплину «краснодеревщик». Полностью краснодеревщиком я себя назвать не могу, но какие-то азы этого ремесла я знаю.

Шкатулка-домик

А. М. *Эта работа тебя вдохновляет? Бывает, что стихи приходят во время работы? Не случайно же одна из твоих книг так называется.*

И. Ш. Да. Так же, как и поэзия помогает мне жить, и работа с деревом – это и основной способ заработка, и хобби. Мне очень близка «поэзия дерева», люблю работать с текстурой, видеть красоту этого материала... В последнее время изготавливаю различные поделки, сувениры, но не простые безделушки, а имеющие некий функционал. Например, шкатулку-копилку в виде срубового домика. Что-то я оставляю себе, что-то дарю или продаю, когда заказывают конкретное изделие. Некоторые поделки попадают в музеи... Так, дидактический центр Радищевского музея попросил изготовить в качестве наглядного пособия макет русской избы. Я постарался создать его максимально приближенно к настоящему дому: много окошек с резными наличниками, крыша в два ряда, отделка побогаче... Не так давно обратились с подобной просьбой ещё из одной школы, точнее, лица.

А. М. *Мне кажется, работа над таким домиком сродни кропотливому писательскому труду. Ведь приходится не только основную идею воплощать, но и прорабатывать детали...*

И. Ш. Само собой! Вот недавно мне пришлось потрудиться над макетом дома-музея дважды Героя Советского Союза, маршала авиации Н. М. Скоморохова для школьного музея (он располагается в родном селе героя). Для них же я сделал макет Храма Архангела Михаила. Только в одном шестисантиметровом ярусе колокольни более ста конструктивных и декоративных деталей...

А. М. *Игорь, наверняка у тебя и сейчас множество интересных планов, ведь фантазия у креативного человека работает круглосуточно. Поэтому в завершение нашей беседы поздравляю тебя с юбилеем и желаю творческих успехов.*

И. Ш. Спасибо.

Беседовала Анна Морковина

апрель 2023 года

**Игорь
ШВЕДОВ**

И ЖИЗНЬ, И СМЕРТЬ – ОДНА И ТА ЖЕ НИТЬ...

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Проталина в снегу
Уже таится чёрной кошкой,
И кажется, ещё немножко –
Ручьи повсюду побегут.
Из зимних выступит теней
Всё, что достойно быть воспетым,
Заинтригует жизнь сюжетом
С извечной фавулой своей,
Где суть историй такова:
Жизнь к продолжению стремится,
Денёк-другой или седмица –
И зацветут любви слова!
Они созреют точно в срок,
Их семена дадут побеги
В своём неудержимом беге
Под вешним солнцем вещей строк...
А всё бывшее – лишь пролог
Поэмы той, что пишет Бог.

-
- Игорь Вячеславович Шведов родился в 1968 году в Саратове. Работает столяром в ООО «Нефтегазоборудование». С 2006 года участвует в работе поэтического клуба «Диалог» при Центральной городской библиотеке г. Саратова. Активный участник поэтической студии «Голоса поколений» при Саратовском отделении Союза писателей России. С 2019 года – член Союза писателей России. Автор шести поэтических сборников: «Краснодеревщик» (2007), «Маршрутка счастья» (2016), «Дом моей души» (2018), «Лавропад» (2020), «Шведевры и шведеврики» (2020), «Ощущение времени» (2023). Публиковался в журналах: «Волга–XXI век», «Сура», коллективных сборниках: «Россыпи», «Нетерпеливые строки», «Душа хранит», «Радуга–XXI век», «Серебряный родник», «Открытая книга», «Возрождение», «Фонарь», «Голос года».

МАРТОВСКАЯ НОЧЬ

Светло-серое, тёмно-серое
Это небо – уже весеннее.
Снег слежавшийся и подтаявший,
Вдалеке фонарь засыпающий.
И в его луче снега крошево,
Промелькнув, летит сразу в прошлое.

Прогоним суетность извечную долой,
Пусть время тянется янтарною смолой,
Где искры счастья застывают на века...
Как замирает на твоей моя рука!
И неслучайно парных рифм звучит мотив –
Живя тобой, я лишь твоей любовью жив!

ПОДРАЖАНИЕ А. В. КОЛЬЦОВУ

Я тоску-печаль
Стал спрашивать:
«Ты скажи, ответь
Мне, печалюшка,
Где была досель,
Что ты видела?»
Отвечала мне
Гостья чёрная:
«Всё-то знаю я,
Всё-то видела.
Я вилась межой
Через полюшко,
Шла кривой тропой
Сквозь дремучий лес,
Пролетала я
Над крутой горой,
Опускалась я
В море синее,
Землю всю прошла –
Не заметила.
И везде-то мне
Тесно, высохшей,
Чтоб найти навек
Там пристанище.
А когда к тебе
В сердце глянула –
Предо мною лёг
Бесконечный путь».

Свяжи мне шарф из солнечных лучей!
С твоим умением по силам это чудо.
Его носить я буду, жив покуда,
И согреваться нежностью твоей.
Свяжи мне шарф из солнечных лучей.

Вплети в него сияние луны,
Её волшебные, мерцающие нити,
Волнующие таинства открытий
Сердец, что беззаветно влюблены.
Вплети в него сияние луны.

И жизнь, и смерть – одна и та же нить,
Но время чуткое становится на стражу...
И если рок осмелится на кражу,
Пусть не посмеет нас разъединить.
И жизнь, и смерть – одна и та же нить.

ВЕСНА ПОБЕДЫ

*В час, когда забудется она,
зародится новая война.*

А. Фёдорова

Общая память чужой не бывает,
Если страна – одна.
И ветеран, и юнец вспоминают
То, что была война.
Общее горе чужим не бывает,
Горе одно – своё.
Если отцы на войне погибают,
Дети встанут под ружьё.
Общая слава чужой не бывает,
Если ты ею горд.
С каждым ударом сердце вливает
В гимны и свой аккорд.
Правды единой для всех не бывает,
Истина есть одна:
Если народ о войне забывает,
Будет опять война!
Ужас и доблесть, позор и величье
Сплавлены там навек,
Где меж собою теряли различье
Звери и человек.
Нам ли не знать это? Нам ли не помнить,
Как родилась весна,
Та, что сумела жизнью наполнить
Память на все времена?
Прошлое с будущим неразделимы.
Память течёт в крови,
Чтоб на Земле этой всё же смогли мы
Вырастить Сад Любви!

Душа – бессмертный мотылёк
В огне сгорающего сердца,
Твой вызов смерти так высок!
Но как же хрупко это тельце,
В котором ты нашла приют
На срок, назначенный не нами.
Но крылья бьют,
а крылья бьют...
И только раздувают пламя.

ИСТОРИЯ

...И время сгладит острые углы,
События до блеска полируя,
А истина – узор внутри смолы,
Меж домыслов сильнее интригует...

Не знаем мы, как дело было встарь,
Смолу и мошку время породнило,
Но ведь янтарь – он потому янтарь,
Что время то навеки в нём застыло.

Ощущение времени чётче и ближе.
Даже кошки, и те все вокруг ярко-рыжи.
Эта осень в кошачьих янтарных глазах
С умилением вместе рождает и страх,
Потому что у жизни кошачьи повадки.
Мне известен итог затянувшейся схватки:
Чёрной кошкой смерть разметёт всё хвостом...
Но постой же, постой! Я совсем не о том,
Что порою душа у минора во власти...
Как понять без контрастов, что жизнь – это счастье?!

ГДЕ-ТО РЯДОМ

Как хорошо ходить по дому босиком
По свежeweымытому, высохшему полу,
А во дворе общаться, будто со знакомым,
С кружащим рядом непоседой-мотыльком.
Вот старый кот с расцветкой редкою, стальной,
На солнце греясь, задней лапой чешет ухо.
Сидишь и млеешь на крылечке. Расслабуха...
И где-то рядом рай небесный и земной!
А красота плывёт по небу надо мной,
В саду пионы в тень попрятали головки.
О, как легко, когда ни джинсы, ни кроссовки
Не тяготят души счастливой и босой!
Всю жизнь бы так! Да жизни хватит ли одной?
Мой грех – единственный, в котором не раскаюсь!
Тебя, родная, мыслью, взглядом ли касаюсь –
И где-то рядом рай небесный и земной!

Вокруг спокойствие и тишь;
Мир как во сне, что снится Богу...
Не скрипнет дверь, не пискнетмышь,
Не выйдет месяц на дорогу
Встречать любимую свою,
Прижав к груди букет кувшинок.
Ночь шепчет: «Баюшки-баю» –
И вяжет рябь хвостами рыбок.
И лягушатам спится всласть,
Закутались в прибрежном иле.
Чтоб не мешали людям спать,
Все звёзды в небе погасили.
Листва от ветра не дрожит,
Травы не смято покрывало.
И лишь поэт один не спит,
Чтоб утром солнце снова встало.

Из тонких и грубых материй
Мы жизни кроим естество.
Для Господа главное – верить,
Что всё же мы верим в Него.
В бою неизбежны потери.
Коль шансов всего ничего.
Для Господа главное – верить,
Что всё же мы верим в Него.
Тесны золочёные двери
Для многих и для одного.
Для Господа главное – верить,
Что всё же мы верим в Него.
Страданиям и бедам – нет меры,
Деяний неведом итог.
Так как же нам, грешным, без веры,
Коль веру доверил нам Бог?

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет Игоря Вячеславовича Шведова
с юбилеем!**

**Оганес
МАРТИРОСЯН**

ВОСПОМИНАНИЕ О НАСТОЯЩЕМ

Когда ты в комнате один
И кто-то к ней во тьме крадётся,
Кури взятяжку никотин.
Ведь ничего не обойдётся.

Появится из темноты
Антоним лампочки и солнца.
Но ты такого незнакомца
Не опасайся. Это ты.

БУНЮЗЛЮ

Ты слеп и глух. Ты – свят. Ты – ясновидец.
Тебе почти что восемьдесят два.
Тебя нельзя признанием обидеть.
Ты сам Мадрид, Оттава и Москва.

Ты пьёшь один кубинские напитки.
Ты дым свечей пылающих – сигар.
Ты сам кинематограф. Ты – в избытке.
Кинодраматургии ты ситар.

-
- Оганес Григорьевич Мартиросян родился в 1983 году в Саратове. В 2006 году окончил СГУ им. Н.Г. Чернышевского по специальности «философия». Учился в аспирантуре в СГТУ им. Гагарина Ю.А. В 2008-м стал лауреатом конкурса «Поэтех» в Воронеже. В 2009-м – лауреатом конкурса «Славянские традиции». В 2011 году принял участие в Форуме молодых писателей СЭИП и Омской лаборатории современной драматургии. Лауреат конкурсов от журналов «Новая Юность», «Дарьял», «Флорида», «Воздух», «Русский Динозавр», «Скобы», в альманахах «Василиск», «Литэра» и «Другой берег». В 2019 году в издательстве «Чтиво» был выпущен роман «Кубок войны и танца». Автор книги стихов «Поезд Москва–Нью-Йорк». В том же году в издательстве «Эксмо Digital» выпущены книги стихов «День войны», «Женщина Антарктида», «Mix fight поэзии», «Охота на кавказских мужчин» и романы «Первые дни империи», «Баренцева весна» и «Человек как iPhone». В 2021 году в издательстве «Эксмо» вышел роман «Небо Мадагаскар». В том же году стал лауреатом премии «Золотое перо Руси» и занял второе место на «Турнире поэтов» в Саратове. В 2022 году в издательстве «Чтиво» вышел роман «Достоевские дни». Полуфиналист конкурса «Золото русской литературы» и лауреат премии «Золотое перо Руси» (2022).

Его игра, мелодии, напевы.
Твоё кино взрывает микрокосм,
И в макрокосм его уводит – влево.
А справа – опиаты и кокос.

И сумма их даёт тебе постройку
Афроамериканца на крови.
Луис, купи «Четвёрку», «Тройку», «Двойку»,
Гоняй на них по улицам любви.

Но лучше по саратовской квартире.
И запиши послание моё:
Общественная деятельность в мире
Карается успехами её.

И вот охота! На неё
Пойдя зимой холодной лихо
И взяв двуствольное ружьё,
Спугнёшь и зайца, и зайчиху.

Они бок о бок побегут,
Свою наращивая скорость.
А ты – за ними, и вот тут
Свой смысл проявит моя повесть.

Зайчиха с зайцем на пути
Разделятся и врозь помчатся.
И вот стеснение в груди:
Преследовать какого зайца?

Но этот выбор – ерунда:
Застыв в заснеженных поках,
Стреляй меж ними и тогда
Прикончишь – зуб даю – обоих.

НАДЕ

Свидание – практически прощание,
Когда мы смотрим на него с конца.
Закончились, исчезли все метания,
Лишь ясность в небе твоего лица.

И только иногда чересполосица,
Желание развеяться порой.
Очки слегка натёрли переносицу.
В очках и без очков – всегда герой.

Он смотрит на планету через книжицу,
В которой умирает Дон Кихот,
И завещает человеку Ибицу.
Кто умер, тот сто раз ещё умрёт.

Сто тысяч раз ещё на свет появится.
Такая арифметика дана
Девчонке в белом-белом-белом платице.
Мне кажется, что ты как раз она.

Моя родная, маленькая девочка,
Тебе на Марсе Джек построил дом.
Ты щёлкаешь каналы словно семечки,
А их лузга – реальность, что кругом.

ВОСПОМИНАНИЕ О НАСТОЯЩЕМ

Глухая ночь – о день, приди!
Пылают строчкой Блока звёзды.
Опять давление в груди –
Пришло раскаяние поздно.

Я каюсь в том, что молод был,
Что не родился сразу старцем.
Гремит во тьме автомобиль.
Читаю Бродского китайцам.

И вспоминаю те года,
В которых девочек любили.
О, где же вы? – беда, беда!
Гремят во тьме автомобили.

Колёса-звёзды их горят
С небес вселенными другими.
О, юность – не вернуть назад
Твоё лицо, походку, имя.

Твои зелёные глаза,
Твой поцелуй – сжимаю сердце
И выжимаю в небеса!
Звучит, звучит в округе скерцо

Печальной, выпренной и злей.
А в нулевые – как не спится! –
Мы были тысячей нулей
С их возглавлявшей единицей.

ГАМЗАТОВУ

В родных горах, на небе, в Дагестане
Вы правили орлами и землёй.
Сквозь тысячи исканий и скитаний
Душа не стала чёрствой или злой.

Она у вас за солнцем воспарила,
Его лучами сердце окружив.
Застыв, взялись рукою за перила.
Почувствовали яблочный налив.

По лестнице к нему Дворца Советов
Неспешно, даже грузно поднялись.
О, яблоки голов – всё время лето?
О, осенью падёт округлость вниз.

Поэтому сорвать необходимо,
Чтоб не погиб под древом урожай.
Стихи – компот и строчек струйка дыма.
Поэзия идёт вперёд, Мамай.

Её моря и реки против луца¹
Торчат штыками мачт и килей в ряд.
И потому сердца людские бьются,
Что в рай перерабатывают ад.

МАРИНЕ

Ты прочитала на досуге прозу
Буковски и задумалась о том,
Что в зимний день цветут богаче розы.
В машину села цвета монохром.

Поехала до набережной, люда,
Гуляющего около реки.
И не ждала от жизни больше чуда –
Вы были друг от друга далеки.

Касались только изредка плечами,
Когда шагали гордыми в толпе.
Ты девочка рисунка и печали
Вермеера, Пикассо и Курбе.

Тебе по сердцу Таллин, Вильнюс, Рига.
Твоя в них пролегает колея.
Писатель тот, кому важнее книга
Есенина и Блока, чем своя.

¹ Луц – топливо (из фильма «Кин-дза-дза»).

**Алексей
НИКИТИН**

САД ПАМЯТИ

Отраднo знaть, что естЬ нa свeтe Ты –
Немыслимa, яркa, неповторимa!
Тебe подвлaстны звёзды и цвeты
И врeмя, проносящeеся мимo.

Ты можeшь, нежнoй стpaсти не тая,
Пленять и зaвoёвывaть мгновeннo.
Ты – Жeнщинa, Ты – сущнoсть бытия,
Ты – oбнaжённый крaшeк Всeлeннoй!

ЛЕТО В СЕНТЯБРЕ

Серeнькoe нeбo прoлилoсь дoждём,
Но ничуть нe грустнo, eсли мы вдвoём
Брoдим пo аллеям пoд oдним зoнтoм,
Oтложив, кaк книгу, oсeнь нa пoтoм.

Бурным листoпaдoм трoпки зaмeлo...
Ты мнe улыбнётся нежнo и свeтлo.
А в твoей улыбкe – лeтo и рoсa.
Звёздaми сияют милые глaзa.

Листья нa дoрoжкaх ярчe, чeм цвeты.
Кaк прeкраснa oсeнь, eсли рядoм ты!
Зoнт тaкoй oгрoмный, слoвнo нeбoсвoд,
Нaм пoд ним нe тeснo, a нaoбoрoт.

Сeнтябрю при встрeчe сдeлaем пoклoн.
Он мнe признaвaлся, что в тeбя влoблён.
Но к нeму, кoнeчнo, нe ревнoю я –
Дeвушкy тaкoю нe любить нeльзя!

-
- Алексей Анатольевич Никитин родился в 1978 году в г. Аткарске Саратовской области. Поэт, руководитель творческого объединения «Большая Медведица». С 1997 года – член клуба «Литературные четверги» при Аткарской центральной библиотеке. Автор множества публикаций в прессе, соавтор трёх сборников стихов аткарских поэтов, автор нескольких песен совместно с музыкантами В. А. Костиным и С. Б. Авдеевым. Печатался в газетах: «Аткарская газета», «Аткарский Уездъ», «Православная вера» (Саратов), «Земское обозрение» (Саратов), «Правило веры» (Санкт-Петербург); в журналах «Библиотека» (Москва) и «Волга–XXI век» (Саратов). Живёт в с. Барановка Аткарского района Саратовской области.

Ох, как незаметно пронеслось полдня!..
Ждёт тебя посуда, ждут дела меня.
Ребятня хохочет, нам кричат потом:
– Дождик прекратился, ну а вы – с зонтом!

Этот день чудесный надо завершать
Тихим поцелуем, обещаьем ждать.
Так дождливым утром в городском дворе
Для двоих вернулось лето в сентябре.

ЗАПАДНЫЙ ВЕТЕР

Ветер западный холодом потчует,
Заставляет поднять воротник.
Понахмурилась русская отчина,
Лес – и тот головою поник.

Пробирает студёный, неласковый
И несёт то ли дождь, то ли снег.
Чем обрадует душу аткарскую
Самый главный в Кремле человек?

Уж наелись новин да по горлышко...
Боже правый, избавь и спаси!
Нам бы вовремя дождика, солнышка
Да земли, что мила и в горсти.

Эх, не греют гостинцы заморские!..
Ведь ещё говорили Петру,
Озираясь на стены кремлёвские:
– Всё, что с Запада, то – не к добру!

Кой уж век обступают поганые,
Хоть учили мытьём и битьём.
Деды спят под немymi курганами,
Внуки землю торгуют внаём...

Больно хитрыми стали противники,
Не встают в поле ратью на рать.
Тихой сапой, считая полтинники,
Набегают на Русь воровать.

Ни к чему одежки их узкие,
Нас не купишь за тёртый пятак.
Мы – широкие, вольные, русские!
Сгинь, нечистая, так вас растак!

Пусть на крови и поте замешаны
Ширь и вольность российских полей,
Успокойся скорей, ветер бешеный,
На страну мою больше не вей!

ДОРОГАЯ

За дождями, за снегами,
В ореоле темноты
Утомлёнными глазами
Вижу я твои черты.

Так космически-прекрасна
Глаз небесных чистота!
Ты – художник, ты причастна
К тайне кисти и холста.

И с улыбкой полудетской
Носишь платья с декольте,
Можешь быть домашней, светской,
Следовать своей мечте.

Там – читаешь, тут – играешь,
Здесь – серьёзна, как никто,
Смелым взглядом заставляешь
Подавать себе пальто.

Я подам, совсем не трудно,
Чуть коснусь изящных рук,
Лишь бы ты улыбкой чудной
Озарила мир вокруг,

И не хмурилась напрасно,
И не стыла ото льда...
Дорогая, ты прекрасна,
Как полночная звезда!

МАСЛЕНИЧНАЯ НЕДЕЛЯ

Развесёлое гулянье –
Масленичный хоровод.
Отошло с зимой прощанье,
Весь народ весну зовёт.

С колокольчиком задорным
Пролетела тройка вскачь,
И уверенно, проворно
Правит тройкою лихач.

Закипели самовары,
На столах кругом – блины.
Угощайтесь с пылу, с жару –
Вспомним праздник старинь!

Вот уж кукла запылала,
Вместе с ней гори, зима!
Да и всё, что нам мешало,
Даже горе от ума!

За гуляньем и весельем
Пост Великий к нам спешит,
И Прощёным воскресеньем
Все потехи завершит.

ВЕРНУТЬ БЫ ДЕТСТВО

*Селу Лисичкино, всему, что дорого,
и всем, кто дорог*

Наверное, знакомо это вам.
Я детство вспоминаю с сожаленьем:
На «Минске» с дядей мчался по лугам
И счастлив был до умопомраченья.

Светило солнце, вокруг цвело,
Одаривало ягодами лето.
И «Минска» неказистое седло
Желанней было недр кабриолета.

От воздуха кружилась голова.
Как много красота для детства значит!
А лес дарил грибы, ещё – дрова,
Заманивал озёрами – рыбачить.

А сад был полон яблок и цветов,
И вёдра вишни – просто наказание!
Знакомы с детства крики пастухов
Да родника родное воркованье.

Как сладок с сенокоса путь домой!
С устатку всё как будто бы в тумане.
А там, за огородом, под ветлой
По-чёрному топилась наша баня.

Возили воду с фермы и с реки,
И только родниковую – для дома.
В деревне все знакомы мужики
И бабушки на лавочках знакомы.

Как опустело милое село!..
Где жизнь была – бурьян и тлен развалин.
Ушёл весной мудрый старый Флот –
Так дядю Шуру в шутку братья звали.

Всё пролетело, сад уже не наш,
Ушёл отец, и бабушки, и дядя..
А с ними – что-то, что не передашь,
Что не вместишь в кладбищенской ограде.

Не надо денег, золотых наград,
Так мало в жизни хочется, поймите!..
Шагнуть всего на тридцать лет назад,
Вернуть бы детство, сад и дядю Витю..

МУЗЫ НЕ МОЛЧАТ

Поэзия с войною – не подружки,
Стихам не место в ранцах у солдат.
Ведь говорят: «Когда грохочут пушки,
То все музы тем временем молчат»...

Нет, не молчат они, а горько плачут
И яростно сжимают кулаки,
А лиц своих заплаканных не прячут,
Поэтов не оставив без строки.

Не молкнут струн серебряные нервы,
И если бы сценарий был другой,
Тогда б не прогремело в сорок первом:
«Вставай, страна огромная, на бой!..»

И если бы солдат стихи не слушал –
Душе всегда нужна искусства бронь, –
Не выходила б на берег Катюша,
В печурке тесной не мерцал огонь.

И если б в душной танковой ракушке
Не ждали б песни о земле родной,
Не куковала б серая кукушка
Над выжженной афганской стороной.

И нет стихам во время войн запрета,
Они несут гуманности печать.
Пророки были тоже ведь поэты
И не могли униженно молчать.

САД ПАМЯТИ

*11 апреля 2022 года в с. Барановка
был заложен Сад Памяти*

Солнце весеннее тронет легонечко
И не нарушит в селе тишину.
Мы забываем уже потихонечку,
Кто и когда уходил на войну...

Свечи за здоровье матери ставили,
Было от них и тепло, и светло.
Тихо молилось скрипучими ставнями
Волжское наше родное село.

Шумно вздыхали берёзы на улицах,
Ивы грустили у сонной реки.
В белых садах, что весной волнуются,
Ночью светили надежд огоньки.

Кто-то вернулся, а кто-то отчаянно
В землю упал на чужой стороне...
Тяжкими ранами сердце печалила
Память о прошлой жестокой войне.

Помнят берёзы и ивы над речкою,
Помнит вишнёвый и яблонный дым
Тех, кто, простясь с дорогами крылечками,
В памяти вечно живёт молодым.

Их имена как знамёна победные
Реют над нами и рядом идут,
Дверь открывая в сады заповедные,
Новых героев на подвиг зовут.

С птичьими песнями неповторимыми,
С солнцем весенним и талой водой,
С памятью лет, с именами любимыми
Пусть расцветает наш сад молодой!

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГЕННАДИЯ КАСМИНИНА

**Любовь
ЧИРКОВА**

«Я ВСПОМИНАЮ ВОЛГУ ЧАСТО...»

Имя поэта Геннадия Григорьевича Касмынина, уроженца села Казачка Саратовской области (сегодня оно относится к Калининскому району), известно не только на родине, но и за рубежом.

Родился поэт в семье военного 20 апреля 1948 года. Семья офицера часто переезжала по месту службы отца, и в школу, в первый класс, будущий поэт пошёл в селе Октябрьский Городок Татищевского района, где проучился почти два года.

В этом же селе родились: известный литератор Михаил Александрович Зенкевич, прозаик Сергей Розанов, а в соседней деревне – Новый Сокур – появился на свет поэт и переводчик Анатолий Константинович Передреев.

Затем семья Касмыниных переехала в город Татищево Саратовской области, где Геннадий Григорьевич прожил одиннадцать лет. В школе будущий поэт учился хорошо. Любимыми предметами у него были литература и русский язык, а любимыми поэтами стали Александр Пушкин и Сергей Есенин.

В его классе в основном учились дети высокообразованных офицеров, которые прибыли на службу в Татищево. Вот с их сыновьями и дружил Геннадий Касмынин, и эти контакты внесли лепту в его становление. В итоге у будущего поэта сформировались истинные человеческие устремления, открытая для людей, радостная и светлая натура.

Своё первое стихотворение Геннадий Касмынин написал, находясь в «полигонском» лесу, в то время ему было четырнадцать лет.

*О, начинал я неумело
При полуночном огоньке
Ещё забаву, а не дело
Пера, нетвёрдого в руке.*

Откуда взялся талант? Трудно ответить, ведь родители его были далеки от литературы и поэзии. Да и как объяснить то,

что именно его выбрал Всевышний, чтобы вручить этот дар? Так или иначе, но татищевская земля подарила нам ещё одного литератора.

*За околицей мягкая ночь,
Я рассвету приду помочь,
Приоткрыв золотые глаза,
«С добрым утром!» – Земле сказать.*

Татищевская газета «Сельская жизнь» стала первой публичной трибуной для стихов учащегося Татищевской школы № 1 Геннадия Касмынина. В июньском номере газеты был опубликован отрывок из выпускного сочинения. Свои размышления о комсомольской романтике в советской литературе 50–60-х годов юноша облёк в стихи. И всем своим дальнейшим творчеством он продолжал говорить стихами стране и землякам о большой любви к Отчизне, природе. Как гражданин своей эпохи – делился горькими мыслями, приобретениями, сомнениями.

*Родился я не под иконой,
Но под портретами вождей,
Страны Советов сын законный,
Её мучительных идей.
Её войны и недорода,
Великих строек и тюрьмы...
Такого не было народа,
Как вы да я, да вместе мы...*

В 1965 году на одном из поэтических вечеров, проходивших в районном Доме культуры, 17-летний Касмынин был замечен саратовскими поэтами И. Тобольским, В. Шабановым и К. Калединым. Первая подборка его стихов вышла в той же газете в 1966 году, когда поэту было восемнадцать лет.

Чуть позже поэт и редактор областной газеты «Коммунист» Владимир Фёдорович Бойко помог напечатать стихотворения Касмынина в этой газете. К тому времени после окончания школы Касмынин, негнушавшийся работой в колхозе, стал литературным сотрудником «районки» и поступил на вечернее отделение филфака Саратовского педагогического института. На страницах местных газет регулярно печатались его стихи, он часто выступал перед школьниками на вечерах поэзии.

Прожив в Татищеве одиннадцать лет, родители Геннадия Касмынина и его младшего брата Владимира решили переехать в Саратов, где дети могли бы получить образование, обменяв свой частный дом в Татищеве на коммунальную квартиру в Саратове. Геннадий продолжал учиться на вечернем отделении филологического факультета Саратовского педагогического института, а брат поступил в художественное училище.

В областном центре начинающий поэт общался с другими молодыми литераторами, стал участником литературного объединения «Молодые голоса», созданного при областной газете «Заря молодёжи».

В 1970 году в Приволжском книжном издательстве вышел коллективный сборник стихов «Начало» (лирика поволжских авторов), куда вошли произведения семнадцати авторов, в том числе и Геннадия Касмынина.

В семейном архиве Владимира Касмынина сохранился фотоснимок Геннадия, его поэт так подписал собственной рукой:

*Гусар с потрёпанной фигурой,
Плебей, патриций – это я...*

Проучился два года в пединституте, и его призвали в армию. Касмынин совмещал службу в армии во внутренних войсках Подмосковья с факультативными посещениями Литературного института имени А. М. Горького. После демобилизации он перевёлся на очное отделение этого вуза, где попал в семинар поэта-песенника Льва Ошанина и вскоре уже участвовал в работе VI Всесоюзного совещания молодых писателей.

Но родной Саратовский край поэт не забывал никогда:

*Я вспоминаю Волгу часто:
Там брат и мама, там родня,
Там неожиданное счастье
Случайно выбрало меня...*

После окончания института Геннадий Касмынин трудился в Москве редактором в издательстве «Современник», где проработал семь лет. После выхода в свет в 1975 году сборника стихов «Горький клевер» его приняли в Союз писателей СССР.

Семнадцать лет Геннадий Касмынин заведовал отделом поэзии журнала «Наш современник». Насыщенная чужими стихами работа не мешала ему создавать собственные стихотворения:

*Сердце живущее радо
Грустную песню допеть.
Мне ведь немного надо –
Только бы в небо смотреть!*

Следующий поэтический сборник – «Грибница» – вышел в 1979 году. Далее увидели свет книги «Вещий камень» (1981), «Не говорю «Прощай!» (1985), «Однажды и навсегда» (1987).

Коллеги поэта вспоминали: «Как всякий поэт, Геннадий Касмынин был немного актёром. Он мечтал сыграть одну-единственную роль. Не просто так, а всерьёз мечтал, что когда-нибудь некий хороший режиссёр увидит его и воскликнет: «Батюшки! Да ведь это настоящий Тарас Бульба!» И загорится снимать фильм по непревзойдённой повести Гоголя. А Геннадий Григорьевич и впрямь был очень похож на полковника Бульбу. Крупное телосложение, осанка. Силища в нём была невероятная. Он мог взять человека, на вытянутых руках приподнять его и так переставить через невысокий заборчик. А как превосходно он читал монолог Тараса Бульбы: «Нет уз святое товарищества!..»

По мнению Александра Сегеня, заведующего отделом прозы в журнале «Наш современник», «его поэзия несёт свет, но она не прожектор, не яркая электрическая лампа и не свеча, не лампада. Она – керосиновая лампа. Но до чего же, братцы, хорошо бывает посидеть вечером на свежем воздухе при свете керосиновой лампы! Ни с чем несравнимое удовольствие!».

Самое любимое его стихотворение было Николая Рубцова про куклу: «Как он его читал! В разгар застолья, когда разговор доходил до самых душевных струн, непременно кто-нибудь просил:

– Геннадий Григорьевич! «Куклу»!

Ни один актёр так не прочтёт!»

По словам Старшинова, Касмынин выделялся не только богатырской статью: «Геннадию Касмынину как поэту многое дано. Очень радует меня, например, не только его ощущение природы как близкого живого существа, но и способность выразить своё отношение к ней хорошими и проникновенными стихами... Его будущие успехи зависят теперь от его чисто человеческих качеств – от работоспособности, от требовательности к себе, от того, как дальше он сумеет построить свою биографию».

Выдающийся русский поэт Юрий Кузнецов, заведующий отделом поэзии журнала «Наш современник», сменивший на посту Касмынина после его смерти, считал, что звезда Касмынина взошла где-то между Николаем Тряпкиным и Рубцовым. Он высоко ценил гражданственность касмынинской поэзии, «где всё открыто и дышит прямотушием и совестью».

Имя Геннадия Касмынина стало известно не только в родной стране, но и далеко за её пределами. Его стихи переводились на болгарский, венгерский и другие языки.

Поэт с тревогой встретил так называемую «перестройку» в нашей стране, живо реагировал на происходящие в ней события, отражая их в своих произведениях. Например, парнишке, погибшему при защите Дома Советов в октябре 1993 года, он посвятил стихотворение, в котором есть такие строки:

*Над поминальною закуской
Не произносим слова «Месть!»...
Таким он был – обычным русским.
Не плачьте, русские.
Мы – есть!*

Его книга «Дни и сумерки» должна была выйти в издательстве «Молодая гвардия», но не увидела свет из-за начавшейся в стране «перестройки». Позже, в брошюре «Эти дни в октябре», выпущенной в «Рекламной библиотеке поэзии» в 1994 году, Касмынин напишет: «Перестройка была в самом разгаре. С 1987 года не издал ни одной книги, хотя время от времени в еженедельнике «Литературная Россия», в газете «День» появлялись стихотворения, написанные по следам времени».

Его последней прижизненной книгой стала «Гнездо перепёлки», изданная редакцией журнала «Наш современник» в 1996 году. «Этот сборник не просто итожит значительный отрезок творческого пути автора. В нём, как отмечалось и критикой, и собратями по перу, зримо проступали контуры нового, лирико-философского этапа касмынинской поэзии, что, несомненно, являлось признаком зрелости и нарастающей силы таланта», – написал поэт Е. А. Артюхов. «Геннадий Касмынин – большой, красивый, открытый человек, – было написано в аннотации. – И поэзия его, плотная, мускулистая, открыта всем ветрам времени... Для поэта нерушимо означены высшие духовные ориентиры – Россия, народ русский, его печали и надежды...»

Поэт умер 15 октября 1997 года. Он ушёл в самом зените своей творческой зрелости, в самой силе своего установившегося голоса и неповторимого взгляда на происходящее в мире.

Его похоронили в ясный сентябрьский день на подмосковном кладбище, в белом чистом песке, рядом с сосновым бором. Но весь он не умер. Своей лучшей частью – стихами – он остался на земле.

Стихи Касмынина, написанные им в последние годы жизни, стали настоящим открытием для Юрия Кузнецова. И когда ему представилась возможность составлять, редактировать и выпускать новую поэтическую серию в издательстве «Голос-Пресс», он под первым номером поставил томик «выдающегося русского поэта Геннадия Григорьевича Касмынина «Берёза над обрывом». Книга вышла в 2003 году, к 55-летию поэта.

В 2019 году вышла новая книга поэта – «Моление напоследок» /Избранные стихотворения. Записные книжки. Воспоминания о поэте».

Уйдя из жизни, Геннадий Касмынин оставил нам помимо прекрасных стихов ещё и горькую возможность поразмыслить, каким бы он стал в зрелости своей, каким было бы его слово в наступившем двадцать первом веке.

Саратовцы не забывают своего земляка. Саратовский Рубцовский центр провёл литературные вечера, посвящённые поэту, на одном из которых его брат, Владимир Григорьевич, рассказал собравшимся любителям поэзии о детстве и юности Геннадия Касмынина.

В Татищеве литературный клуб «Вдохновение» организует «Касмынинские чтения» под названием «Провинция, объединяйся!», в них принимают участие активисты Рубцовского центра.

Геннадий КАСМЫНИН

ЛЕТИ, ЛЕТИ, СТЕПНАЯ ПТИЦА...

Жизнь уходит в неглавные вещи,
А когда спотыкнёшься разок,
Начинает стучаться зловеще
В беззащитные годы висок.

Настаёт, приближается, длится
Отрицание прожитых дней:
Тронешь ветку – повалятся лица
Через кольца годичные пней.

А картины? А мысли? А книги?
А заводы? Мосты? Корабли?
Это всё – на скелете вериги,
Упаковка обычной земли.

Успокойся, не думай про это,
Помолись и унынье развей,
Человек, прибавляющий света
Керосиновой лампой своей.

БЕРЕЗА

Было так: я дошёл до обрыва,
Ровно шаг оставался никак,
Тут и встретилось дивное диво –
Всё в веснушках, лучах, мотыльках.

Я вцепился, почти улетаю,
Обнял ствол за предельной чертой
И остался с тобой, золотая,
Нежно-ржавый, почти золотой.

Пахнет севером и бездорожьем,
Никого не видать за версту,
И уйти от обрыва не можем,
И не можем шагнуть в пустоту.

Неподвижно, ни дальше, ни ближе,
Мы летим высоко-высоко
Вместе с ветром по облачной жиже,
Прокисающей, как молоко.

ВОРОН

Николаю Константиновичу Старшинову

Лети, лети, степная птица,
Как мысли крылья простирай!
А под тобою будет длиться
Всё хлеб и хлеб
Из края в край!

Лети, покуда хватит силы,
Но всё равно ты упадёшь
Туда, где жатки прокосили
Густую, вызревшую рожь.

Загоняют друзья, товарки,
Покружат и продолжат путь.
Как пахнет хлебом воздух жаркий!
Как неба хочется глотнуть!

Я сам лежу как чёрный ворон
На золотой стерне, в пыли,
И нет моим рукам опоры,
Чтоб оторваться от земли...

Над просекой просинь
Холодных небес.
Пустынная осень.
Покинутый лес.

Сосна проскрипела:
«Вернись, подожди!»
И хлопьями белыми
Стали дожди.

Иду где попало,
Вдоль просек и рек,
Как осень, усталый
И чистый, как снег.

ПОДСОЛНУХ

Мальчишка, чуть из колыбели,
У папки просит: «Сделай меч...»
И дышит запахом шинели
С его разжалованных плеч.

На глине, супеси, подзолах
Не быстро вырос паренёк:
Среди подсолнухов – подсолнух,
Для деда с бабкой – огонёк.

Когда в стране вскипели споры
И разъярились голоса,
Он защитил свои просторы,
Свои деревни и леса.

Упал, простреленный навывлет
На Красной Пресне в октябре,
И по нему рябина выльет
Всю кровь, все слёзы на заре.

Над поминальной закуской
Не произносим слова «Мечь»!
Таким он был – обычным русским.
Не плачьте, русские,
Мы – есть!

**ВИКТОР
КРЕСТОВ**

«СВОЁ СЕРДЦЕ Я ОТДАЛА ИСКУССТВУ...»

К 120-летию со дня рождения
заслуженной артистки РСФСР
Валентины Константиновны Соболевой

Валентина Соболева

Я благодарен судьбе за то, что она подарила мне дружбу с выдающимся мастером сцены – заслуженной артисткой РСФСР Валентиной Константиновной Соболевой, актрисой Саратовского театра драмы имени Карла Маркса (ныне имени И. А. Слонова). Познакомиться с ней мне помогла старейшая сотрудница театра, консультант Саратовского отделения Всероссийского театрального общества (ныне – Союз театральных деятелей РФ) Людмила Михайловна Уварова. Однажды я пришёл в театр, и она мне сказала: «В Саратов приехала Соболева (она жила в Ленинграде, в Доме ветеранов сцены имени М. Г. Савиной), вот тебе её адрес и номер телефона, выясняй, что тебе надо, в общем, действуй».

Было прекрасное летнее солнечное утро. Я позвонил В. К. Соболевой часов в девять утра. Подойдя к телефону, она мне сказала: «Вы знаете, я сейчас еду на пляж (тогда ей было 75 лет), а вот вечером, часов в пять, приходите, и мы с вами поговорим». С чувством некоторого волнения я ждал встречи с актрисой, чьё имя было овеяно неувядаемой славой и любовью всех, кому посчастливилось видеть её на нашей саратовской сцене.

-
- Виктор Васильевич Крестов родился и живёт в Саратове. Окончил исторический факультет СГУ им. Н. Г. Чернышевского. Ветеран педагогического труда. Председатель общественной организации «Клуб любителей творчества Леонида Сметанникова». Публиковался в местных СМИ и историко-краеведческом сборнике «Годы и люди». В 1985 году президиумом Советского комитета ветеранов войны награждён юбилейным памятным Знаком «40 лет Победы». Участник Восемнадцатого Международного кинофестиваля документальной мелодрамы «Саратовские страдания».

И вот передо мной элегантная, привлекательная, несмотря на возраст, женщина. Встретила она меня приветливо, и наша беседа состоялась. Мне очень важны были воспоминания о её работе, о творческой деятельности театра в военные годы. Ведь в те дни в Саратовском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского я готовился к защите дипломной работы по теме: «Военно-шефская работа Саратовского драматического театра имени К. Маркса в годы Великой Отечественной войны».

Общаться с ней мне было очень интересно. Валентина Константиновна хорошо помнила события далёких дней, логично и последовательно излагала и была крайне собой недовольна, если что-то забывала. Чем больше я с ней общался и в этот вечер, и в последующие дни, тем отчётливее понимал, что беседую не просто с актрисой, но с актрисой редкого, уникального дарования. Она с большой теплотой вспоминала театр, своих любимых партнёров – И. А. Слонова, С. М. Муратова, А. Н. Стрижову, П. А. Карганова, Г. Н. Несмелова... Именно к этой замечательной плеяде мастеров русского советского искусства принадлежит и сама В. К. Соболева.

Валентина Константиновна Соболева родилась 20 февраля 1903 года в многодетной семье служащего. Вскоре семью постигло несчастье: умер отец, Константин Павлович. Несмотря на все трудности, её мама, Серафима Михайловна, старалась дать детям образование. К тому времени семья жила в Рыбинске, где был драматический театр, и Валентина с ранних лет имела возможность посещать его. Она с упоением смотрела спектакли и плакала от восторга. Так постепенно театр прочно вошёл в её жизнь, он уже неудержимо её манил.

И вот тогда она решила ехать в Ленинград учиться актёрскому мастерству. Конечно, она очень волновалась, ведь готовилась самостоятельно. И какова же была её радость, когда она узнала о зачислении в институт сценических искусств, в класс Л. С. Вивьена, впоследствии народного артиста СССР.

Быстро пролетели годы учёбы, и, когда вручали дипломы об окончании института, Леонид Сергеевич Вивьен, обращаясь к В. К. Соболевой, при всём курсе сказал: «Вот актриса, которая может рассчитывать на лучшие театры страны». Да, именно Л. С. Вивьен разглядел в ней незаурядный драматический талант, большой сценический темперамент, уникальный дар перевоплощения.

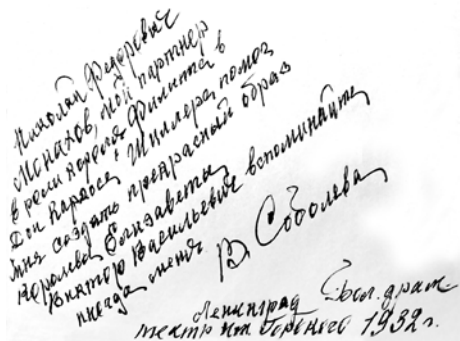
Свою творческую деятельность В. В. Соболева начала в 1925 году в Ленинграде, в небольших студиях, а в 1929 году была приглашена в труппу Большого драматического театра имени М. Горького. Её партнёрами были выдающиеся мастера сцены Н. Ф. Монахов и А. Н. Лаврентьев.

«Играть с Монаховым было трудно, – говорила Валентина Константиновна. – Если он чувствовал в игре партнёра фальшь – мог «убить» его своим пронизывающим взглядом. Но в то же время это был прекрасный партнёр, умеющий ценить истинный талант. Никогда не забуду, – вспоминала она, – нашу совместную работу в пьесе Шиллера «Дон Карлос». Он играл короля Филиппа II, а я – королеву Елизавету. В начале работы над этим образом многое у меня не получалось, но я чувствовала его огромное желание помочь мне. «Валюша, – как-то ласково сказал он мне, – понимаешь, это королева не английская, а французская, и ей 20 лет, здесь должна быть не «злинка», а само очарование. Попробуйте ещё раз».

И так постепенно он вёл её к большому успеху. После генеральной репетиции спектакля Монахов был в восторге от её игры. Похвала знаменитого актёра окрылила молодую актрису, придала ей уверенность в своих

В роли королевы Елизаветы

силах. Да, прекрасно сыграв королеву, она навсегда ею и осталась. И по сей день я бережно храню её фотографию в этой роли, с дарственной надписью: «Николай Фёдорович Монахов, мой партнёр в роли короля Филиппа в «Дон Карлосе» Шиллера, помог мне создать прекрасный образ королевы Елизаветы. Виктор Васильевич, вспоминайте иногда меня. В. Соболева. Ленинград. Большой драмтеатр им. Горького. 1932 год».

На сцене этого театра она блестяще сыграла Варвару из пьесы М. Горького «Егор Булычѳв и другие», леди Анну из трагедии Шекспира «Ричард III» и другие роли.

Н. Ф. Монахов стал для неё не только партнёром по сцене, но и учителем, другом, чья помощь во многом определила успех Соболевой в ряде крупных работ.

В 1935 году В. К. Соболева была приглашена в Москву, в Центральный театр Красной армии. На прощание Н. Ф. Монахов подарил ей свою фотографию. Будучи в Ленинграде, в гостях у Валентины Константиновны, мне довелось увидеть эту фотографию, и на обратной стороне я прочитал: «Моему приятнейшему партнёру, товарищу, обаятельной актрисе В. К. Соболевой с чувством дружбы. Н. Монахов».

За два года работы в Москве Соболева сыграла около 200 раз всего одну роль – Шурочки в спектакле «Господа офицеры» по рассказу А. Kuppина. Эта роль получила высокую оценку в прессе, но других ролей для неё

в то время в театре не находилось. Она много была занята в концертах, творческих вечерах, но актриса была молодая, талантливая, и ей очень хотелось играть роли, насыщенные драматическими переживаниями. Ей хотелось играть в пьесах А. Чехова, М. Горького, А. Островского... И вот именно в этот момент, когда актриса переживала чувство творческой неудовлетворѳнности, в Москву приехал директор нашего Саратовского театра драмы имени Карла Маркса Александр Павлович Костин. Он увидел её в роли Шурочки и, оценив достоинства актрисы, пригласил её в Саратов, пообещав, что на сцене нашего театра она сыграет много интересных ролей, в том числе и Анну Каренину, о которой она просто мечтала.

В 1937 году спектакль «Анна Каренина» был поставлен в Москве на сцене МХАТа имени Горького с участием прославленной актрисы А. К. Тарасовой.

В. К. Соболева видела её в этой роли, восторгалась её мастерством, но понимала, что если останется в Москве, то эту роль ей не сыграть.

Приняв предложение А. П. Костина в 1937 году, она переезжает в Саратов. Работа в Саратовском драматическом театре имени Карла Маркса занимает особое место в творческой деятельности актрисы. Ведь именно здесь, в Саратове, на сцене нашего театра драмы наиболее полно и ярко раскрылось её неповторимое творческое дарование.

Дебют В. К. Соболевой состоялся в роли Наташи в пьесе Н. Вирта «Земля». Уже в первых своих работах на саратовской сцене В. К. Соболева показала себя как актриса глубоких переживаний. А редкое дарование, красивая внешность, искренность, природное обаяние покорили саратовцев и привлекли внимание критиков-театроведов.

Вскоре театр обратился к постановке «Анны Карениной» по одноимённому произведению Л. Н. Толстого. Для постановки этого спектакля из Москвы был приглашён ученик К. С. Станиславского – замечательный режиссёр Андрей Андреевич Ефремов, который позже стал художественным руководителем нашего театра. Роль Анны Карениной режиссёр доверил В. К. Соболевой. Надо ли говорить, что она была просто счастлива, ведь сбылась её заветная мечта.

Работа над этим спектаклем на всю жизнь осталась в памяти актрисы. А. А. Ефремов был одним из тех немногих режиссёров, с кем ей было интересно работать. Следуя его совету, актриса многое переносила на сцену из своей личной жизни. На репетициях он был всегда сосредоточен, очень внимателен и умел верно определить состояние актёра и использовать это в работе. Если он видел при входе в театр на лице актрисы улыбку, её сияющие глаза, то репетицию начинал с лирических сцен, например, со встречи Анны с Вронским. Этим режиссёр давал возможность актрисе полностью раскрыться и добивался того, что Соболева-Анна играла с упоением. Вживаясь в этот образ, актриса затратила много сил, проделала огромную работу, вложила частицу своей души, и созданный ею образ засверкал яркими красками. Эта роль стала одним из лучших творений актрисы.

И всё же летом 1938 года, когда Саратовский театр драмы имени Карла Маркса выезжал на гастроли в Москву, В. К. Соболева очень волновалась: «Примет ли московский зритель мою Анну?» Ведь актриса знала, что москвичи в этой роли видели знаменитую А. К. Тарасову.

Успех превзошёл все ожидания. Анна Каренина в исполнении В. К. Соболевой стала подлинным событием, которое всколыхнуло всю театральную Москву. «С большой драматической силой, – писала в те дни пресса, – и в то же время внешне

В роли Анны Карениной

чрезвычайно спокойно и сдержанно раскрывает молодая артистка огромную душевную драму Анны Карениной. Особенно хорошо проводит Соболева сцену болезни и свидания с сыном... Никаких следов истерики, ничего подчёркнуто внешнего. Всё согрето огнём внутренних переживаний...»

С учётом большого интереса к пьесе было дано несколько добавочных спектаклей, и все при переполненном зале. Иногда приходилось играть этот спектакль даже два раза в день, в воскресный день утром и вечером. Это было очень трудно, порой изматывало, лишало сил. Вспоминая эти гастроли, Валентина Константиновна говорила, что когда вечером она выходила на сцену вновь в роли Анны и ощущала глубокую тишину зрительного зала, то вновь отдавала все силы, играя свою любимую роль. Но вот кончался спектакль, и на сцену выходила В.К. Соболева, зал неизменно бурно ей рукоплескал. Счастливая актриса утопала в цветах, но именно в этот момент ей хотелось скорее в машину, в гостиницу, скорее спать. А зрители уходили из театра потрясённые, взволнованные, и на долгие годы, а кто-то и на всю жизнь сохранил память о встрече с большим мастером саратовской сцены.

Да, это был настоящий триумф актрисы. И вполне закономерно, что в те дни с В.К. Соболевой встретился один из основоположников МХАТа – народный артист СССР В.И. Немирович-Данченко. Выразив ей свой искренний восторг, он высказал ей свою мечту: «Я очень хотел бы соединить Вас с Н.П. Хмелёвым...» (Во МХАТе он играл Каренина.)

Многие говорили, что Анну Каренину В.К. Соболева играла лучше, чем даже сама А.К. Тарасова. Это подтвердила в одном из своих писем к автору этих строк бывшая актриса Саратовского театра драмы им. К. Маркса, а впоследствии актриса Нижегородского академического театра драмы им. М. Горького, народная артистка РСФСР Раиса Михайловна Вашурина.

Во время одной из наших встреч Валентина Константиновна сказала мне, что её видел в роли Анны Карениной актёр МХАТа М.И. Прудкин (в этом спектакле он играл Вронского), впоследствии народный артист Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР. Спустя много лет я вспомнил об этом и обратился к Марку Исааковичу, которому было уже 95 лет, с интересующими меня вопросами. В ответном письме он писал: «Анна Каренина в исполнении А.К. Тарасовой была охвачена бурным проявлением страсти, В.К. Соболева играла мягче, лиричнее, и в этом была её страсть к Вронскому. Пожалуй, этим и отличалась игра выдающихся актрис».

В 2020 году увлечённый театром и музыкой заслуженный врач России Алексей Николаевич Герасимов подарил мне свою замечательную книгу «Знакомцы давние мои». Предоставим ему слово: «Выдающийся филолог К.Е. Павловская имела счастье видеть трёх великих актрис в роли Анны – А.К. Тарасову, К.Н. Еланскую и В.К. Соболеву. Все они были незабываемы, играли вдохновенно, но Ксения Ефимовна считала, что лучше всех в этой роли была Валентина Константиновна Соболева».

Да, в те дни 1938 года актриса переживала большой успех, но не в её характере было останавливаться на достигнутом. В 1940 году заслуженный деятель искусств РСФСР И.А. Ростовцев поставил пьесу М. Горького «Варвары». Роль Надежды исполняла В.К. Соболева. Это была одна из наиболее сложных ролей в смысле актёрского исполнения. Её героиня – умная, романтическая, тонко чувствующая женщина, живёт среди людей жестоких и не знающих больших чувств. Как свидетельствует очевидец спектакля Л.П. Жак, В.К. Соболевой удалось с исключительной силой выразить душевную, жизненную трагедию своей героини. «Я никогда не забуду, – писала она в своей

книге «Горький и Саратов», – В. К. Соболеву в объяснении с Цыгановым (заслуженный артист РСФСР П. А. Карганов) и в последнем трагическом объяснении с Черкуном (народный артист РСФСР И. А. Слонов), которого Надежда искренне полюбила, и поэтому она не может понять и принять его слов: «Я не люблю вас... не люблю». Это было подобно грому среди ясного неба, и такая боль в её сердце, страшный испуг, недоумение, потрясение – всё это было написано на лице актрисы. Сопереживая героине спектакля, зрители замирали в этой сцене, так как понимали, что все её надежды разбиты, а жить иначе она не сможет. И в глубокой тишине раздавался роковой выстрел. Вздвигнутые зрители долго не могли прийти в себя».

Эта роль была одной из вершин её творчества.

22 июня 1941 года в 12 часов дня вся наша страна с напряжённым вниманием слушала передачу Всесоюзного радио – правительственное сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. С первых дней Великой Отечественной войны актёры нашего театра, как и все деятели искусств страны, жили одним стремлением – все силы, всё умение и талант отдать народу, внести достойный вклад в борьбу с фашизмом. Вместе с другими мастерами сцены В. К. Соболева много выступала перед бойцами, уезжавшими на фронт. Несмотря на усталость, и в зимнюю стужу, и в проливные дожди она шла в госпитали, так как знала, что здесь её особенно ждут.

Кроме обычных госпиталей в Саратове был расположен и женский госпиталь, который находился в Доме учителя. Он был недели две, видимо, проездом. «Однажды, выступая в этом госпитале, – говорила Валентина Константиновна, – я читала рассказы, стихи – и вдруг одно лицо показалось мне родным, близким, похожим на маму, которая к этому времени погибла. Я неотрывно смотрела на неё и не смогла больше читать, так как слёзы душили меня, и я буквально разрыдалась, а потом извинялась: мы не имели право на слёзы. Я всё переносила, а тут я не выдержала... Но мы бывали не только в госпиталях. С концертами и спектаклями выезжали на заводы и в воинские части».

Искусство актрисы приносило радость бойцам, помогало преодолевать невзгоды. Между актрисой и бойцами устанавливались дружеские отношения. Валентина Константиновна получала много тёплых писем с фронта и на все отвечала, хотя это было и нелегко, но актриса понимала, как особенно дорога была эта весточка для бойца там, на фронте. Своим искусством она стремилась хоть как-то скрасить защитникам родины суровую военную жизнь. И как большую награду она воспринимала улыбку, смех, радость фронтового зрителя.

Актриса всегда очень тонко чувствовала аудиторию. «Однажды, – вспоминала она, – передо мной были совсем юные зрители – мальчишки по 18–20 лет, одетые в шинели. Ну что им читать, подумала я, и решила поозорничать. Глазами я выбрала одного паренька и, пристально глядя на него, прочитала такие строки:

*Погляжу, какой ты милый,
Замечательный какой!
Нет, недаром полюбила,
Потеряла я покой.
Только ты не улыбайся,
Не смотри так с высоты,
Милый мой, не зазнавайся –
Не один на свете ты!..*

Когда я закончила читать, все дружно смеялись, глядя при этом на того паренька, которому я как бы адресовала эти строки, а он был смущён и тоже смеялся».

И только создав такое хорошее, приподнятое настроение у юной аудитории, она переходила к произведениям А. Пушкина, М. Лермонтова, О. Берггольц, А. Твардовского, К. Симонова... Придавая каждому звучащему слову особый гражданский смысл, она, актриса, тоже считала себя мобилизованной на борьбу с врагом.

Война никого не щадила. В августе 1942 года Валентина Константиновна получила известие о гибели в блокадном Ленинграде матери Серафимы Михайловны и старшей сестры. Сообщили ей об этом где-то в 2–3 часа дня, а вечером ей нужно было играть Машу в «Трёх сёстрах» А. Чехова. Сердце актрисы разрывалось от горя, но даже в такой ситуации срыв спектакля она не могла допустить, и, собрав всю свою волю, она всё-таки вышла в этот вечер на сцену, так как знала, что замены не будет, потому что в этом спектакле, как, впрочем, и во многих других, она играла одна. И никому не дано было знать, а что же творилось в этот момент в душе актрисы.

Рассказывая этот эпизод, Валентина Константиновна говорила: «Я понимала, что горе было не у меня одной, горе было в каждой семье, у всего народа. Каждый терял самых близких, самых дорогих сердцу людей, но надо было жить и работать, помогать людям в преодолении горя, а мы, артисты, особенно должны были об этом помнить».

Эта удивительная хрупкая женщина нашла в себе силы преодолеть личное горе, подчинить его интересам общего дела. Мы преклоняемся перед мужеством актрисы, так как в этом была ещё одна духовная победа над врагом, который стремился не только уничтожить, но и морально сломить советских людей, а именно это врагу и не удалось.

В. К. Соболева всегда выглядела подтянутой, жизнерадостной, неутомимой. По словам Р. М. Вашуриной, в театре у неё не было «спины», она не искала ни в ком поддержки, держалась чуть особняком. Мужественная женщина, гордый человек.

Кому-то она казалась даже баловнем судьбы, но жизнь её не щадила. Были в её жизни и минуты отчаянья, но она всегда находила в себе силы, чтобы воспрянуть духом, а радость от работы приглушала горечь утрат. Да, порой было трудно, очень трудно, но актриса шла на репетиции, учила роли и ослепительной красавицей выходила на сцену, неизменно покоряя зрителей своим прекрасным мастерством.

Она играла Машу в «Трёх сёстрах» А. Чехова, и, наверное, любой из её партнёров мог бы повторить слова Вершинина: «Великолепная, чудная женщина... Я люблю, люблю... Люблю ваши глаза, ваши движения, которые мне снятся... Великолепная, чудная...»

В.К. Соболева. 1950-е годы

В 1942 году в жизни В. К. Соболевой произошло радостное событие: ей присвоили почётное звание «Заслуженный артист РСФСР». Она получила огромное количество поздравлений от зрителей, фронтовиков, коллег по театру. Это её и радовало, но вместе с тем накладывало ещё большую ответственность за каждый создаваемый образ.

Значительным достижением актрисы явился и образ Глафиры в комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». Её героиня полна энергии, звериной цепкости к житейскому успеху. Стремясь выйти замуж за богатого помещика Лыняева, роль которого замечательно исполнил Г. Н. Несмелов, она лжёт, великолепно играет роль влюблённой и, искренне увлекаясь этой игрой, смеётся над ним. И она действительно была очаровательна. А когда замужество ей удалось, отмечал очевидец спектакля, то зритель видел в ней уже

не покорную монашку, какой она была в начале спектакля, но властную женщину, способную устроить свою судьбу так, как ей того хотелось. Эту роль актриса исполняла с подлинным комедийным блеском.

А разве можно забыть В. К. Соболеву, создавшую прекрасный образ Елены Николаевны в пьесе М. Горького «Мещане» в блестящей постановке режиссёра П. П. Васильева, впоследствии заслуженного деятеля искусств РСФСР, лауреата Государственной премии СССР! Очевидец того спектакля, литературовед, критик А. П. Жак писала, что «в эту роль В. К. Соболева внесла драматические нотки, играя её во многом по-новому, самобытно. Увидев Елену Николаевну в исполнении Соболевой, иную героиню просто уже не воспринимаешь – настолько была убедительна её игра».

Успех В. К. Соболевой, по мнению режиссёра спектакля Петра Павловича Васильева, определялся и «покоряющей внешностью: красивым лицом с пронзительными глазами и изящной, пластичной фигурой, высокой театральной культурой и интеллигентностью».

В 1944 году состоялся Всероссийский смотр спектаклей русской классики. На этом творческом конкурсе театр драмы имени Карла Маркса показал пьесы «Волки и овцы» А. Островского, «Варвары» М. Горького, «Три сестры» А. Чехова. Эти спектакли уже шли на сцене нашего театра, а вот спектакль «Бесприданница» был специально поставлен для этого смотра, и именно на его долю выпал наибольший успех. Пресса отмечала, что вершинами актёрского мастерства следует считать исполнение И. А. Слонова, С. С. Петрова. И всё же особый успех выпал на долю В. К. Соболевой, создавшей прекрасный образ Ларисы Огудаловой.

Ставил пьесу замечательный режиссёр А. А. Ефремов, с которым актрису связывала давняя творческая дружба. «Работа над образом Ларисы меня очень увлекла, – говорила Валентина Константиновна, – но не всё сразу получалось так, как хотелось бы». Это чувствовали и актриса, и режиссёр, а время шло, и тогда А. А. Ефремов, стараясь задеть её актёрское самолю-

Пётр Васильев

бие, умышленно бросил фразу: «Ну какая же вы актриса, если не можете сыграть?!». И своей цели он достиг. Возбуждённая от этих слов, со слезами на глазах она так сыграла, что режиссёр наконец-то был в восторге. А потом он извинился перед актрисой. «Валентина Константиновна, не обижайтесь на меня, – сказал он, – но мне нужно было, чтобы вы сыграли на высоком уровне. Вот сейчас у вас получилось. Спасибо вам».

Актриса не обижалась на режиссёра, напротив, она была благодарна ему за то, что он требовал полной отдачи при исполнении роли. В.К. Соболева, продолжая традиции великой русской актрисы В.Ф. Комиссаржевской, придала образу Ларисы социальное звучание. Она играла не драму провинциальной барышни, а трагедию оскорблённой женской души, её тоску по красоте, мечту о настоящей, большой любви: «Я любви искала и не нашла, – говорит Лариса. – На меня смотрели и смотрят как на забаву. Никогда никто не постарался заглянуть ко мне в душу, ни от кого я не видела сочувствия, не слышала тёплого, сердечного слова. А ведь так жить холодно...» В финале пьесы, потрясённая страшным смыслом открывшейся истины, она испуганно, как в бреду, повторяет: «Я вещь». Момент гибели Ларисы глубоко волновал зрителей.

Образ Ларисы по праву считается одной из выдающихся работ актрисы. И неслучайно дочь режиссёра этого спектакля, народная артистка РСФСР Вера Андреевна Ефремова, вспоминая этот спектакль, писала: «Я потом много раз видела «Бесприданницу» в разных театрах, сама ставила в Челябинске в 1958 году, но саратовский спектакль остался в моей памяти до сих пор».

При создании того или иного образа для актрисы не существовало мелочей, даже выражению глаз она придавала большое значение. В.К. Соболева считала, что каждый образ требует особого взгляда. У Ларисы из «Бесприданницы» А. Островского глаза задумчивые, мечтательные. У Василисы из пьесы «Горького «На дне» глаза лукавые, хитрые. А вспомним Кручинину из пьесы А. Островского «Без вины виноватые». Даже малейшие душевные движения, оттенки чувств героини отражаются в глазах: гнев, презрение в сцене с Муровым.

К каждой роли актриса подходила с большой ответственностью, вдумываясь в каждую мысль, в каждое чувство своих героинь, анализировала их жизнь, и постепенно она сроднилась с ними. Актриса всегда старалась каждую роль довести до совершенства. Это стремление было в основе её творчества. Всё ли правильно? Везде ли зритель поверил её исполнению? И вновь раздумья, творческие поиски, радостные открытия – словом, продолжался повседневный любимый труд актрисы.

В.К. Соболева была самым суровым критиком в оценке своих работ.

«Без вины виноватые». Кручинина

Однажды, когда авторитетная московская комиссия единодушно хвалила её за образ Анны Карениной, председатель спросил: «Валентина Константиновна, теперь вы довольны?» «Пожалуй, да, — ответила актриса, — но мне надо ещё поработать над ролью».

Да, актриса никогда не искала лёгких путей в искусстве, а шла к вершинам мастерства путём огромного творческого труда. Именно поэтому во всех своих работах она была своеобразна, неповторима, глубоко проникала в самую суть художественного образа.

Почти каждая роль В. К. Соболевой становилась событием, её появление на сцене рождало у зрителей душевный трепет, ощущение праздника. Случилось так, что в 50-е годы прошлого века актриса на несколько лет уехала в Ленинград, в Большой драматический театр имени М. Горького, но потом вернулась в Саратов. Первым спектаклем после возвращения был «Одна» С. Алёшина. Когда открылся занавес и зрители увидели В. К. Соболеву, то весь зрительный зал встал и горячо приветствовал актрису.

Уделяя большое внимание костюму, гриму, мимике, интонации и обладая редким, удивительным даром перевоплощения, В. К. Соболева создала на сцене нашего Саратовского театра драмы имени Карла Маркса целую галерею прекрасных образов русских женщин: Машу в «Трёх сёстрах» А. Чехова, Нину в «Маскараде» М. Лермонтова, Катю в «Хождениях по мукам» А. Толстого, Ларису в «Бесприданнице» А. Островского... Она рассказала об их судьбах необычайно поэтично и вдохновенно, так, как могла это сделать только она.

В 1962 году, спустя 24 года после последних гастролей театра в столице, наш театр драмы вновь приехал в Москву. В пьесе Е. Бондаревой «Беспокойное сердце» В. К. Соболева играла доярку Анну Меншову. Московский критик писал: «Казалось бы, трудно актрисе, в прошлом создавшей образ Анны Карениной, взяться за роль пожилой доярки... Ведущая актриса берётся за роли подчас невыигрышные и старается очеловечить их, согреть своим обаянием, теплотой своего сердца».

Да, она не выбирала роли, но как истинная актриса мечтала о воплощении на сцене крупных, ярких характеров. В связи с этим В. К. Соболева как-то сказала: «Мне хотелось бы, играя моих современниц, волновать зрительские сердца, пробуждать благородные, светлые мысли! Но что делать актрисам моего возраста, если на нашу долю выпадают роли, написанные эскизно, небрежно. Характеры не доведены авторами до конца. От этого делается больно».

Обращаясь к классике, В. К. Соболева создала целый ряд ярких образов. С большим успехом шёл на сцене нашего театра спектакль «Без вины виноватые» А. Островского, где актриса блестяще сыграла Кручинину. Её привлекал образ человека большого сердца

В роли Нины в «Маскараде»

и нелёгкой жизненной судьбы силой материнских чувств, благородством и чистотой героини. Одна из её поклонниц мне рассказывала, что когда В. К. Соболева играла Кручину при переполненном зале, то у многих зрителей на глазах были слёзы. С кем бы я ни говорил в своё время из тех, кому посчастливилось видеть её на сцене, у всех светлели лица, и каждый находил тёплые, душевные слова в её адрес.

В 1966 году обстоятельства сложились так, что актриса была вынуждена покинуть сцену. Уход из театра Валентина Константиновна пережила очень болезненно, и это даже сказалось на её здоровье. Ведь, по её глубокому убеждению, актёр должен служить сцене до конца или, во всяком случае, пока есть силы. В одном из своих писем она писала: «Страшно жить вне театра».

Её партнёрами по сцене были такие прекрасные актёры, как С. М. Муратов, П. А. Карганов, Г. Н. Несмелов, А. И. Степанов и другие, но всё же самым любимым партнёром для неё был народный артист РСФСР Иван Артемьевич Слонов. Впервые она увидела его в 1926 году в роли Фердинанда в пьесе Шиллера «Коварство и любовь». Эта встреча оставила глубокий след в душе молодой актрисы. Прошли годы, и судьба свела их на сцене нашего Саратовского театра драмы.

Это была счастливая пора в жизни актрисы. По словам Валентины Константиновны, И. А. Слонов удивительно чутко умел чувствовать партнёра, а это вызывало у актрисы ответное чувство, поэтому играть с ним было как-то особенно легко и радостно. Будучи вместе на сцене, в дуэте они часто достигали вершин сценического мастерства, создавали подлинные шедевры. Об этом же свидетельствует и дарственная фотография в роли Нины из «Маскарада» М. Лермонтова, на обратной стороне которой она написала: «Виктор Васильевич!

«Маскарад», образ Нины, созданный со Слоновым, моё ушедшее счастье. На память. В. Соболева. Саратов».

Память о прекрасном актёре она сохранила на всю жизнь. В 1982 году театральная общественность Саратова, все любители сценического искусства необычайно торжественно отметили 100-летие со дня рождения И. А. Слонова, выдающегося актёра, режиссёра, педагога. В связи с юбилеем В. К. Соболева прислала телеграмму. В ней говорилось: «Я счастлива, что мне довелось работать с великолепным, талантливым, замечательным актёром, сколько радости я получила в этом театре, будучи бессменной партнёршей Слонова. Он ушёл и унёс это счастье».

Наступил 1985 год – год 40-летия Великой Победы над фашистской Германией. В один из солнечных майских дней я получил из Москвы большой заказной пакет. В нём были Диплом и Вымпел Советского комитета ветеранов войны. В сопроводительном письме говорилось: «Уважаемый Виктор Васильевич! Советский комитет ветеранов войны направляет Вам Вымпел СКВВ с Дипломом, которыми награждён Саратовский государственный академический драматический театр имени Карла Маркса за его вклад в победу над немецко-фашистской Германией и за большую работу, проводимую

*Виктор Васильевич!
«Маскарад», образ Нины,
созданный со Слоновым,
моё ушедшее счастье
на память
В. Соболева*

Саратов

по военно-патриотическому воспитанию трудящихся, молодёжи, для вручения руководству театра...»

При закрытии театрального сезона в полном соответствии с сопроводительным письмом я и вручил все эти награды в торжественной обстановке на сцене директору театра А. С. Стульневу. Себе на память оставил фотокопии (ксерокса тогда ещё не было), а также выслал их и Валентине Константиновне. На обратной стороне Диплома я написал: «Эти награды по праву принадлежат и Вам».

В эти же дни я получил письмо от бывшего директора трижды орденосного Саратовского авиационного завода, генерал-майора в отставке С. И. Левина. Вспоминая В. К. Соболеву, С. М. Муратова, Д. Ф. Степурину, С. И. Бржевского и других актёров, он писал: «Мы всегда считали, что в наших успехах есть немалая доля тех, кто дарил нам своим талантом чудесные часы и минуты отдыха. Выступления актёров были огромным патриотическим вкладом, они приближали нашу Победу».

Все эти мои сообщения тронули её душу и вызвали чувство благодарности.

С В. К. Соболевой мы неоднократно встречались в Саратове, навещал я её и в Ленинграде. Эти встречи были содержательны и интересны. И неслучайно на одной из дарственных фотографий, где она в роли Анны Карениной, Валентина Константиновна написала: «Дорогому Виктору Васильевичу на память о наших интересных встречах. В. Соболева. 4/IV-84 г.»

Но особенно мне запомнилась наша встреча, которая состоялась в сентябре 1986 года. Тогда я получил от неё письмо, где она извещала меня о своём приезде в Саратов, и вскоре она действительно приехала. Валентина Константиновна любила гулять по проспекту имени С. М. Кирова, по набережной, любуясь нашей красавицей Волгой. Многие её узнавали, подходили к ней, говорили ей какие-то хорошие слова, вспоминали её роли, благодарили... Конечно, это её радовало, но одновременно, как мне кажется, именно это и навевало на неё грусть – ведь всё это уже в прошлом.

В эти дни мы встретились в доме на улице Советской, где долгие годы жила актриса, у её давней знакомой Юлии Михайловны Сачковой. Гостеприимная хозяйка угощала нас чаем. Я невольно обратил внимание на то, что, вспоминая прошлое, Валентина Константиновна была то грустна, то оживлялась, то становилась задумчивой. А потом она как-то мечтательно сказала: «Вы знаете, я очень люблю поэзию Есенина» – и совершенно неожиданно для меня произнесла: «Хотите, я вам прочитаю?»

И вот в этот поистине незабываемый вечер я впервые слышал, как Соболева читает стихи. А читала она просто необыкновенно, она даже как-то изменилась в лице. У меня было такое ощущение, что у неё всё поднималось из глубины души, от неё исходила какая-то мощная энергия, отчего у меня мурашки пошли по коже. Она читала неторопливо, чуть отстранённо, словно впервые открывала смысл, скрытый за строками, красоту и напевность еси-

*Дорогому
Виктору Васильевичу на
память о наших интересных
встречах.
В. Соболева
4/IV-84г.*

нинской лирики. А потом с какой-то пронизывающей душу грустью прозвучали стихи Ольги Берггольц:

*Я стала так редко смеяться, так злобно порою шутить,
Что люди со мною боятся о счастье своём говорить,
За мною такая утрата и столько любимых могил,
Пред ними я так виновата, что если б ты знал – не прости.*

Раиса Вашурина

И вот сейчас, когда приходит на память эта встреча, чтение Валентины Константиновны, я невольно вспоминаю и своего давнего друга – народную артистку РСФСР Р. М. Вашурину (работала в нашем театре с 1938 по 1945-й год), которая в одном из своих писем писала о Соболевой: «Я до сих пор не могу забыть её в роли Надежды в пьесе Горького «Варвары». Помню её чудный голос и как она говорила: «Он испугался... сам он! Никто не может меня любить... никто».

И я очень хорошо понимаю Раису Михайловну, потому что, однажды услышав, как В. К. Соболева читает стихи, я тоже этого забыть не могу.

Валентина Константиновна неоднократно приглашала меня приехать в Ленинград. Обещала даже устроить в гостинице при Доме ветеранов сцены, но она была мне не нужна, так как в Ленинграде жили мои родственники и мне было где остановиться.

Кстати, они тоже приглашали приехать, да и самому хотелось побывать в городе на Неве.

Так все желания удачно совпали, и вот в августе 1988 года я приехал в Ленинград. Встретившись с родными, я позвонил Валентине Константиновне, но телефон не отвечал. Ждать до следующего дня я не стал и поехал к ней. Вскоре мы встретились, чему оба были рады. Валентина Константиновна пригласила меня в свою комнату, небольшую, но довольно уютную, единственным украшением которой был портрет: актриса в её любимой роли Анны Карениной.

Как-то быстро пролетело несколько дней, мы прощались, в её глазах была печаль... На память о нашей встрече Валентина Константиновна подарила мне свою фотографию, на обратной стороне которой я прочитал: «На память милому, дорогому другу Виктору Васильевичу за душевное отношение ко мне. В. Соболева 7.VIII. 88 г., г. Ленинград».

В 1990 году Саратовский театр драмы имени Карла Маркса гастролировал в Ленинграде, и тогда заведующая литературной частью театра Ольга Игоревна Харитоновна встретилась с В. К. Соболевой и записала её воспоминания, а позже они были опубликованы в печати. В эти же дни с Валентиной Константиновной в театре имени В. Ф. Комиссаржевской, где проходили

гастроли нашего театра, встретила и тележурналист Татьяна Викторовна Зорина. Благодаря этой встрече мы и сегодня можем увидеть уникальную видеозапись – её беседу с В.К. Соболевой.

Находясь под впечатлением от встречи с театром, она писала: «Я благодарна театру за тёплое, доброе отношение ко мне. Встреча моя с ними была просто прекрасна. Только жаль, что было мало личных встреч, так как все были много заняты, и всё же выступили с отрывками пьес в нашем доме».

Готовясь к её 90-летию, я обратился к народной артистке РСФСР Р.М. Вашуриной с просьбой поделиться своими воспоминаниями. И вскоре от Раисы Михайловны я получил изумительное, драгоценное письмо. Это были даже не воспоминания, а сплошные бурные, яркие эмоции. Она восторженно писала: «В.К. Соболева – это актриса от Бога, красивая, женственная и очень талантливая. Видеть Соболеву в жизни и на сцене для меня, тогда молодой актрисы, было большим счастьем, настоящей школой». А в другом письме, вспоминая В.К. Соболеву, И.А. Слонова, С.М. Муратову, А.Н. Стрижову и Д.Ф. Степуринову, она писала: «Господи! Какие это были имена! Я счастлива, что они были моими учителями».

В эти же дни я обратился с просьбой поделиться своими воспоминаниями и к народному артисту РСФСР Вацлаву Яновичу Дворжецкому, актёру Нижегородского академического театра им. М. Горького, который несколько лет работал в Саратове.

И вот передо мной его письмо.

«Уважаемый Виктор Васильевич! Благодарю за внимание, за память. Мне лестно Ваше обращение ко мне. Постараюсь, насколько мне удастся, быть полезным. В.К. Соболева выглядела моложе своих лет, обладала приятным, гармоничным голосом. В спектакле «Одна» она играла роль Марии, моей жены (я играл Платонова). Её исполнение было глубоким, интересным и многогранным. А в спектакле «Медвежья свадьба» Луначарского она создала потрясающий образ сумасшедшей старухи».

20 февраля 1993 года В.К. Соболева отмечала своё 90-летие. Она получила много писем, поздравительных открыток, телеграмм. Но особенно ей было приятно встретить саратовскую делегацию: народного артиста России, художественного руководителя театра драмы А.И. Дзекуна, В.Н. Райкова и Р.Ж. Тараканову, которые тепло поздравили её. Вручили подарки и огром-

Пробы на М. А. Ульянову

*Моя память
Милому доктору
Виктору Васильевичу
Дзюневскому, отнюдь не
В. Соболева.*

4/III-88. 7. С. Ленинград.

ный, красивый букет цветов. Много было в этот день радостных и волнующих воспоминаний. Валентина Константиновна была счастлива и глубоко взволнована таким вниманием со стороны родного ей театра.

В этом же 1993 году её ещё раз навестила и О.И. Харитонова. Валентина Константиновна была очень рада этой новой встрече. Ведь в последние годы ей особенно не хватало родственной души.

Ольга Игоревна как-то мне сказала: «В.К. Соболева – моя любимая актриса». Думаю, что именно эта любовь и привела её к ещё одной встрече с В.К. Соболевой. Тогда Валентина Константиновна вспоминала свою любимую роль – Анну Каренину и увлечённо рассказывала, почему же всё-таки Вронский ушёл от Анны... Как истинная актриса, она всю свою жизнь жила театром.

А в июне 1993 года из Санкт-Петербурга пришла скорбная весть... Когда я узнал об этом, то было такое ощущение, будто порвалась какая-то невидимая нить, которая нас связывала. За долгие годы нашего общения она стала для меня не просто знакомой, но близким, родным человеком.

О кончине В.К. Соболевой я сообщил в Москву М.И. Прудкину. В ответном письме он писал: «Дорогой Виктор Васильевич! Опечалила меня весть об уходе из жизни Соболевой. Вспоминаю незабвенные годы молодости – её талант, глубокий лиризм, очень близкий сценическим законам Станиславского и Немировича-Данченко. Конечно, её место должно быть в Художественном театре...»

Дорогой Виктор
Васильевич!
Опечалила меня весть
всего об уходе из жизни
Соболевой – вспоминаю
незабвенные годы
молодости – её талант,
красота внешности,
глубокий лиризм её
сценической игры, очень близкий
сценическим законам
Станиславского и Немировича
Данченко. Конечно, её место
должно быть в Художественном
театре, но, к сожалению,
судьба распорядилась иначе.
Милый Вам всего
доброго и здоровья
с искренней любовью
Тельников и благодарю
Марк Прудкин

Письмо Марка Прудкина

Когда В.К. Соболевой исполнилось 85 лет, я посвятил ей статью, прочитав которую, она сказала: «Друг мой, спасибо, конечно, за статью, но сейчас говорить обо мне не надо, вот уж когда меня не будет, тогда помянете добрым словом».

Помня эти её слова, выполняя её просьбу, а в том числе и свой долг, в 1998 году по случаю её 95-летия я обратился на телевидение к Т.В. Зориной – тогда она вела театральные передачи – с предложением посвятить В.К. Соболевой одну из передач. И по сей день я очень благодарен Татьяне Викторовне за то, что она самым активным образом поддержала моё предложение. И 20 февраля 1998 года, в день 95-летнего юбилея актрисы, на ГТРК «Саратов» вышла первая передача нового телецикла «Священные чудовища», и посвящена она была В.К. Соболевой. В этой телепередаче приняли участие ведущие мастера сцены: Я.И. Янин, Г.А. Ардаков,

В. А. Седов, В. А. Строгонова, Л. Г. Горелик, В. В. Аукштыкальнис и другие. Молодые актёры театра драмы исполнили фрагменты пьес, в которых играла В. К. Соболева, были зачитаны некоторые письма, адресованные автору этих строк. А многие из тех, кто видел её на сцене или имел возможность с ней общаться, поделились своими воспоминаниями. Разговор о её жизни и творчестве был интересным, взволнованный и очень трогательный. Мне как участнику той встречи особенно запомнилось, с каким большим вниманием все собравшиеся в телестудии смотрели видеозапись – беседу Т. В. Зориной с В. К. Соболевой. Огромное спасибо Татьяне Викторовне за эту действительно уникальную видеозапись.

В 2018 году накануне Международного дня театра музыкой А. И. Хачатуряна к драме М. Лермонтова «Маскарад» в «Провинциальном салоне» музея-усадьбы Н. Г. Чернышевского началась торжественная встреча «О театре и кумирах публики», посвящённая 115-летию со дня рождения выдающейся актрисы. Ведь В. К. Соболева, создавая образ Ольги Сократовны, жены Н. Г. Чернышевского, в спектакле «Великий демократ» В. А. Смирнова-Ульяновского, часто здесь бывала, вживаясь в эту роль, и, в конечном счёте, создала прекрасный образ.

Ведущие встречи – давний друг музея, заслуженный врач России, большой знаток театра Алексей Николаевич Герасимов и автор этих строк – рассказали о творческом пути актрисы, о личных с нею встречах. Все собравшиеся услышали в аудиозаписи сцены из спектаклей, а также увидели видеозапись с её участием. На экране был представлен целый ряд её фотографий, как в жизни, так и в ролях.

В ходе встречи я зачитал письмо, полученное мною от народной артистки РСФСР и Молдавской ССР Ливии Васильевны Шутовой, которая была ведущей актрисой Саратовского театра драмы в 40–60-е годы прошлого века. В нём говорилось: «Сегодня я счастлива оттого, что вместе с вами, друзья мои, незримо присутствую на очень приятном для меня торжестве, посвящённом такой уникальной драматической актрисе – В. К. Соболевой. Да, она мой кумир! Она стала для меня символом всего прекрасного в театральном искусстве. Я счастлива оттого, что В. К. Соболева была в моей жизни и привнесла много ценного в мою творческую жизнь».

В знак благодарности за память о В. К. Соболевой Ливия Васильевна просила меня передать в качестве дара музею-усадьбе Н. Г. Чернышевского две книги Раисы Дмитриевны Кравцовой – «Театр-храм» и «Живое сердце», посвящённые жизни и творчеству самой Л. В. Шутовой, что я с удовольствием и сделал.

И вот сегодня мы отмечаем уже 120-летие со дня рождения Валентины Константиновны Соболевой. Очень приятно, что наш Саратовский акаде-

Ливия Шутова

мический театр имени её самого любимого партнёра И. А. Слонова подготовил в память об актрисе действительно прекрасную выставку. С большим интересом знакомясь с ней, я невольно вспомнил слова из её письма: «Я прожила жизнь трудную, но интересную, и, несмотря ни на что, я вспоминаю театр с благодарностью».

Выставка, сделанная с большой любовью, свидетельствует о том, что и театр свято чтит память о ней. Я рад, что на выставке представлены и фотографии из моего личного архива. От души благодарю всех, кто причастен к её созданию.

...В.К. Соболева своим удивительным, неповторимым искусством внесла достойный вклад в дело Великой Победы над фашизмом, с честью выполнила свой долг перед Родиной. И была большая справедливость в том, что в самый разгар Сталинградской битвы, 4 ноября 1942 года, «за выдающиеся заслуги в области театрального искусства» – а именно так гласит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР) – ей было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР».

За свою самоотверженную трудовую деятельность в суровые годы войны актриса была награждена медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и другими наградами уже в мирное время.

Оглядываясь на свой пройденный жизненный путь, Валентина Константиновна не боялась открыто и честно признаться в своих ошибках, не всё сложилось так, как ей хотелось, как мечталось, но, думаю, что с полным правом на одной из дарственных фотографий она мне написала: «Свое сердце я отдала искусству» – и это действительно так.

Работая в школе учителем истории, в течение многих лет я проводил уроки по краеведению, вечера, посвящённые её жизни и творчеству. Встречи, посвящённые В.К. Соболевой, проходили в СГУ им. Н.Г. Чернышевского, в музее-усадьбе Н.Г. Чернышевского, в санатории «Октябрьское ущелье», в Центральной городской библиотеке, во Дворце творчества детей и молодёжи, писал о ней статьи. Как говорится, ничто не проходит бесследно...

И всё же очень хотелось бы верить, что нашему театральному городу, городу Трудовой доблести окажется по силам увековечить память выдающейся актрисы открытием мемориальной доски на улице Советской, на доме, где она жила. Да сбудутся замечательные слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Земной Вам поклон, Валентина Константиновна.

**Николай
ПОЛОТНЯНКО**

О РОМАНЕ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА ПОЛОТНЯНКО

«МИНУВШЕГО ЛЕПЕТ И ШЕЛЕСТ»

Роман Николая Алексеевича Полотнянко «Минувшего лепет и шелест» интересен прежде всего своей классической, традиционной направленностью, что для современной литературы большая редкость. Традиционен хороший литературный язык произведения – с его богатством оттенков, с его отражением выбранной исторической эпохи, в которой писатель находится словно бы в своей стихии. Он прекрасно осведомлён о жизни и творчестве литераторов того времени (от Пушкина до Одоевского) и не просто демонстрирует своё знание, но оно становится необходимой частью замечательного сюжета.

Роман Н. А. Полотнянко представляет собой вполне современную, исторически-литературную, при этом ещё и остросюжетную и остроумную прозу.

Думая о литературных образцах, на которые мог ориентироваться автор, невольно вспоминаешь прозу А. С. Пушкина, «Повести Белкина», романы И. А. Гончарова. Да и сам Александр Сергеевич появляется в романе в качестве героя повествования, и изображён он живо и убедительно.

Композиционно роман сложен, оригинально построен, что не мешает читателю с интересом следить за развитием литературных событий, которые сосредоточены вокруг персонажей второстепенных (девица Кравкова – и её семья, сызранский городничий Сеченов, симбирское общество, публика).

Прекрасно изображение города, его «быта и нравов» – читатель, открывая первые страницы книги, сразу же погружается в яркое, интересное, узнаваемое пространство и время: одно описание ярмарки в Симбирске чего стоит!

В романе изображены разные слои губернского общества: от простого народа до губернатора Загряжского; военные, жандармы, чиновники, литераторы, что говорит не только о богатстве исторических источников, которыми пользовался автор, но и о глубоком понимании структуры тогдашнего общества, о понимании того, как были построены отношения между людьми.

Герои романа колоритны, их жизненные перипетии описаны с юмором и в то же время с пониманием и развитием их характеров (тоже редкая вещь в современной прозе, в которой зачастую мы видим перед собой лишь статичные фигуры).

Радует живая, яркая речь героев романа – они люди своего времени, они говорят на прекрасном литературном языке, но при этом у каждого из них свой характер, своя речевая манера.

Проза Н. А. Полотнянко написана так, что читатель в ней заинтересован, он увлекается повествованием, потому что в романе нет ничего предсказуемого, в нём всё развивается по законам художественной правды – и правды жизненной.

Причём каждый читатель найдёт для себя что-то своё: и тот, кому нравятся любовно-авантюрная линия, всяческие интриги и похищения, и тот, кто может оценить богатый краеведческий материал, положенный в основу романа, и тот, кто интересуется отечественной историей и историей классической литературы.

Потому роман имеет и воспитательное значение: в художественной форме он рассказывает об истории города, о жизни наших предков, о творчестве классиков – в этом плане роман Н. А. Полотнянко не менее значим.

Как главный редактор журнала очень рада увидеть перед собой увлекательную, читабельную современную прозу, которой так не хватает современным изданиям.

Елизавета МАРТЫНОВА

СКРОМНАЯ ОТШЕЛЬНИЦА И СИМБИРСКИЙ ВЕТРОГОН

(главы из романа «Минувшего лепет и шелест»)

СУМАТОХА НА СТАНЦИИ В ТАГАЕ

Выпали первые глубокие снега, ударили ранние, звонкие морозы, и далеко окрест по промёрзшему воздуху стали разноситься звуки: стук топора порубщика из лесу, заполошные крики ворон над осинником, переливчатые звоны бубенцов ямщицких троек, поспешивших по Московскому тракту от одного яма к другому. Вот и сейчас по гладкому зимнему пути мчалась тройка к заштатному, построенному в своё время на засечной черте городку Тагаю, последней станции перед славным городом Симбирском – обителью

-
- Николай Алексеевич Полотнянко родился в 1943 году в Алтайском крае. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. Первая поэтическая публикация состоялась в 1968 году в газете «Омская правда». С 1973 года писатель живёт в Ульяновске. Автор романов: «Государев наместник», «Жертва сладости немецкой», «Бесстыжий остров», «Загон для отверженных», «Счастлив посмертно», «Клад Емельяна Пугачёва», «Атаман вся гулевой Руси», «Минувшего лепет и шелест», «Всё где-то решено»; комедии «Симбирский греховодник», а также поэтических сборников: «Братина», «Просёлок», «Круги земные», «Журавлиный оклик», «Русское зарево», «Бунт совести», «Судьба России» и других. С 2006 года – главный редактор журнала «Литературный Ульяновск». В 2008 году был награждён Всероссийской литературной премией имени И. А. Гончарова, в 2011 году – медалью имени Н. М. Карамзина, в 2014-м – орденом Достоевского 1-й степени. Лауреат литературной премии имени Н. Благова (2016).

и зимним приютом для многочисленного и родовитого барства, укоренившегося в этих пределах во времена царя Алексея Михайловича.

Кони, взбодрённые залившимся свистом ямщика, на последнем кураже в предчувствии отдыха и кормёжки не без лихости вынесли возок на невысокий пригорок, к дому станционного смотрителя. Тотчас же в окне проявилась его расплывчатая физиономия и сгнула за грязной занавеской. К тройке с хрипловатым брёхом кинулась рыжая хромая собака, местная приживалка, ямщик бросил ей корку хлеба, и она завилала хвостом.

Войлочный полог кибитки откинулся, и на снег, усыпанный клочками раздёрганного сена, выскочил ухватистый господин в суконной николаевской шинели с пелериной и бобровым воротником. На голове у него была белая фуражка с красным околышем, указывающая на его дворянское происхождение. К шинели и фуражке прилагались круглая физиономия с чёрными бакенбардами и твёрдым взглядом стального цвета глаз, а также вздёрнутый нос забияки в красно-синеватых прожилках.

– В лучшем виде доставили, – молвил ямщик, теребя овчинный треух. – Как договаривались, самый полдень!

– Ты, каналья, нас чуть было не перевернул!

– Так в том, ваше благородие, барском рыдване лошади какие! Пахотные, на большой дороге не хаживали, вот и испугались нашей молодецкой гоньбы, звону да свисту!

– Ладно, держи, свистун!

В шапку ямщика полетел серебряный гривенник, на водку.

Приезжий бойко взбежал на крыльцо, мощным рывком отодрал плотную дверь, стуча сапогами, вошёл в низкую комнату и, отыскав глазами божницу, перекрестился. Смотритель привстал со стула и наклоном головы приветствовал приезжего.

– По казённой надобности! Дотемна надо быть в Симбирске!

На стол полетела подорожная.

Смотритель ловко подхватил бумагу, начал читать, но глаза у тёртых особ четырнадцатого класса устроены таким образом, что, читая подорожную, они могут охватывать сразу несколько интересующих их предметов. В данном случае предмет внимания был один – молодцеватый проезжий господин, который нетерпеливо притопывал твёрдым каблуком и барабанил пальцами, опершись на стол главнокомандующего казёнными средствами передвижения Тагая.

– Вы один изволите путешествовать?

– Нет-с, не один. Со мной находится благородная девица Варвара Ивановна Кравкова, следующая в Симбирский женский Спасский монастырь.

– Немного повремените, господин полицмейстер. Скоро прибудет свежая тройка.

Приезжий кашлянул, огляделся по сторонам и, выбрав на лавке место почище, сел, не касаясь закопчённой стены.

– Я, собственно, уже не полицмейстер, – значительно промолвил он. – Я – сызранский городничий. Еду представляться губернатору – его превосходительству Александру Михайловичу Загряжскому!

– Чаю не изволите?.. Мне на той неделе, на радости от близкого свидания с родительницей, артиллерийский капитан презентовал свой походный чайный сервиз. Мне, говорит, больше не понадобится. Залягу в родовом имении, отслужил своё.

– Экое легкомыслие, – строго сказал городничий, – а ещё артиллерийский капитан. Мы тоже не одно имение имеем и под Москвой, и в Крыму,

во фронте государю и отечеству служили. И сейчас вот служим. Без государственной службы благородному человеку никак нельзя. Долг, польза отечеству – вот первейшие качества дворянина!

– Точно так!.. Марфа, чаю!

– Минутку! Я сейчас приглашу попутчицу. Думаю, она озябла.

Сызранский городничий быстро вышел во двор и уже через несколько минут появился с благородной девицей Кравковой.

Главным достоинством Варвары Ивановны была её молодость, но предстоящая разлука с мирской жизнью свела на нет и это её преимущество. Для себя самой она уже переступила порог монашества и вступила в мир, где времени не существует. Впрочем, мужчин это мало занимало. И городничий, и смотритель оказывали ей всяческие знаки внимания. Особенно старался тагайский смотритель: он самолично поспешил к самовару, выбрал самую красивую и чистую чашку для чая, наложил в хрустальную вазочку клубничного варенья, застелил колени Варвары Ивановны чистым полотном. Но эта суета мало затронула будущую отшельницу, она была тиха и молчалива. Напротив, сызранский городничий, выпив горячего чаю, пришёл в возбуждённое состояние.

– Саранские именитые люди провожали меня с большим сожалением. И правда, мной за короткий срок было сделано немало добрых дел. Представьте себе, город мог остаться без бани! Я спас, отстоял баню, когда вокруг неё полыхало семь домов, крытых соломой. Головёшки так и летели во все стороны – словом, Бородино случилось, а не пожар! Я поспел вовремя и приказал сломать дом, который ещё не горел, но был рядом с баней, можно сказать, принёс его в жертву! Я не дал распространиться огню быстрым полётом водяных труб! О сей огненной баталии я написал своему пасынку, князю Владимиру Фёдоровичу Одоевскому. Я его за родного сына почитаю! А князь высоко стоит, на вершине, можно сказать, государственного олимпа! Шутка сказать – товарищ министра внутренних дел графа Блудова!

– Как же, слышали! – поддакнул смотритель. – На знаменитых подорожных видел руку князя Одоевского!

– Вот, вот... Всем Саранск хороший город, но полёта мало. Леса, мордва... Я вольные края люблю, чтобы Волга была, нивы на десятки вёрст, птицы хищные над степью. Присоветовал мне князь Сызрань. Город хлебный, рыбный. Опять же купцы-миллионщики жительство имеют. С ними благо разумному человеку есть о чём потолковать.

– А вы, осмелюсь спросить, большую запашку имеете?

– Судите сами, милейший: до тысячи десятин в подмосковном имении и ещё полторы в нижегородском. А вы? Тоже небось имеете пашенку рядом?

– Всего десять десятин. Батюшкино наследство.

– У меня хлеба в этом году отменные. Управляющий пишет, вот только письмо получил: почти сто пудов с десятины намолачивают...

– Вот счастье! А по всей России, сказывают, недород.

– Хозяйствовать с умом надо! – сказал сызранский городничий и постукал пальцем по своему лбу.

– Варвара Ивановна, голубушка! Чай стынет, а вы не кушаете. Что вы там разглядываете?

Внимание благородной девицы Кравковой было приковано к засиженной мухами литографии на библейскую тему возвращения блудного сына. Кто знает, какие мысли вызвал у неё этот нравоучительный сюжет, возможно, она жалела о своём поспешном решении бежать в монастырь, вспоминала родителей, родную усадьбу.

Её телохранитель городничий хотел утешить беглянку, но всеобщее внимание привлёк шум во дворе.

– Кто это? – спросил городничий.

– Господин Верёвкин с семейством. Они каждый год из усадьбы переезжают на городское жительство. Дочки на выданье.

Варвара Ивановна, услышав разговор, оживилась.

– Это наша дальняя родня.

– Ах, вот как! – возбудился городничий и подтолкнул смотрителя. – Зови в дом!

– Так идут уже сами.

– А мы к вам со своим чаем! – объявил господин Верёвкин, протискиваясь в лисьей шубе в комнату смотрителя.

– Милости просим! – Сеченов, не заметив, заместил на мгновение смотрителя. – Разрешите представиться: отставной подпоручик Дмитрий Павлович Сеченов, сызранский городничий!

– Ну, а мы симбирские Верёвкины... Ба! Варенька! – воскликнул отец семейства, увидев девицу Кравкову. – Ванька, тащи самовар! Петька, подай чайный погребец! Холодную телятину несите, пряники, сахар!

Девушки Верёвкины бросились Варваре Ивановне на шею. Начались расспросы, вздохи, восклицания.

– Как ты похорошела, Варенька!

– Обрати внимание, Маша, как она интересно бледна!

– Ах, оставьте меня! У меня сейчас решающий в жизни момент!

Восклицание девицы Кравковой остановило вокруг неё суматоху, поднятую экзальтированными дальними родственницами. Отец пытался привлечь внимание всех к пышущему жаром самовару, калачам и ватрушкам, холодной говядине и утренним сливкам, но девушки и родительница вцепились в Варвару Ивановну мёртвой хваткой и требовали объяснения. Поупиравшись, она сдалась, тем более что ей хотелось поделиться обуревающими её сомнениями с другими людьми – ошибка, простительная в молодые годы.

– Я решила принять постриг в женском Спасском монастыре.

Это признание девицы Кравковой повергло её дальних родственников в изумление, они замолчали, но потом суматоха продолжилась с новым пылом. Сёстры и родительница стрекотали вокруг несчастной Варвары Ивановны, пока Верёвкин, привычный управляться со своим норовистым семейством, не отодвинул всех в сторону и, приблизившись к девице Кравковой, и не потребовал у неё ответа, а знают ли родители о её намерении затвориться от мира в монастыре. Варвара Ивановна отвечала, что не ведают.

Верёвкин отыскал взглядом стационарного смотрителя и крепко схватил его за рукав. Испуганный чиновник онемел от страха и жестами переадресовал Верёвкина к сызранскому городничему.

– Отдаёте ли вы себе отчёт, милостивый государь, в пагубности совершённого вами проступка? Девица юна, глупа, в голове блажь пузырится, но вы, человек государственной службы, потворствуете преступлению против власти родителя!

– Позвольте! – ощерился сызранский городничий. – Власть родителей я чту, но есть власть высшая для всех смертных! Варвара Ивановна решила посвятить себя Богу. Противиться этому нельзя!

– Да вы! Да я!.. Я губернатору доложу о мерзких проделках вашей милости! – затопал ногами Верёвкин.

Конфликт грозил перерасти в рукопашную схватку, но сызранский городничий держался стойко – сказывалась офицерская закалка.

– Я готов дать удовлетворение! – дерзко заявил он. – Господин смотритель, прошу быть моим секундантом!

Девицы с удовольствием начали раздувать вспыхнувшую искру нового скандала.

– Дуэль! Опомнитесь, папа!

– Молчать! – заорал Верёвкин и подчёркнуто вежливо обратился к сызранскому городничему: – Я остановлюсь в Симбирске в доме моего брата. Претензии адресуйте туда, начиная с завтрашнего утра.

– К вашим услугам! – щёлкнул каблуками отставной подпоручик, довольный счастливым выходом из щекотливого положения: завтра в это время он уже будет на пути в Сызрань.

Варвара Ивановна вышла следом за ним из смотрительской избы.

– Что надумали делать? – спросил её Сеченов. – Едете со мной или остаётесь?

– С вами. Всё решено.

«ИСТОРИЧЕСКАЯ» ЛИЧНОСТЬ

Павел Дмитриевич заботливо усадил девицу Кравкову в возок, укутал её ноги войлоком, уселся сам и крикнул ямщику, чтобы тот трогал. Началась привычная езда: ямщик засвистел, заулюлюкал, пугая собак, лошади всхрапнули, бубенчики зазвонили, возок заскрипел деревянным остовом, в отверстия потянуло струями морозного воздуха, и они понеслись по тракту к Симбирску.

Сеченов медленно отходил от стычки с Верёвкиным и сейчас корил себя за излишнюю горячность в разговоре с ним. Он не выдержал верный тон, а ему, как государственному мужу, нужно быть ровнее в разговоре, уметь одним словом ставить любого на то место, какое Сеченов ему определит. Ведь что такое этот Верёвкин? Симбирский увалень, имеет душ с полста крестьянишек, государевой службы не нюхал – словом, пустое, ничтожное, двуногое существо, не чета ему, сызранскому городничему!

Он всегда считал, что имеет полное основание быть недовольным своей судьбой. Всё могло бы быть иначе, не связись он с этой Одоевской. Княгиня?.. Дочь прапорщика. На что смотрел князь Фёдор Сергеевич, когда вёл её к венцу – обычная просвирия, ей семечки лузгать на Арбате, а не княгиней величаться. Князь Фёдор пожил недолго, оставил сыну Владимиру и супруге полтысячи крепостных, три деревни, правда, отягчённые долгами. Екатерина Алексеевна сына сразу после смерти родителя в благородный пансион спихнула, так он там и жил до окончания университетского курса.

Как раз в эти годы подпоручика Одесского полка с позором изгнали из армии за нечестную картёжную игру, к коей тот был весьма пристрастен.

Вышел Сеченов из полка без денег, остался один путь – жениться на богатенькой вдовушке. На «ярмарке невест», в Москве, беспризорным Сеченов пробыл недолго. Его заметила некая Зотова, которая взяла на себя добровольную обязанность устроить счастье Екатерине Алексеевне, весьма изнывавшей в своей усадьбе Дроково, мучаясь неясными томлениями и предчувствиями. Вскоре Павел Дмитриевич был ей представлен и по достоинству оценён. Он толково рассуждал о хозяйстве, горячо хвалил её собачек, цветочные клумбы, птичник, пчельник и неиссякающую ораву незваных гостей и приживалок.

Отставной подпоручик верно оценил обстановку: трёх дней ему хватило для решительной победы над прелестями Екатерины Алексеевны. Бывшая княгиня неосторожно пригласила его в свой будуар, чтобы показать журнал известного виршеплёта князя Шаликова, свои вышивки гладью; отставной поручик решил, что это сигнал к сдаче неприступной фортеции, и действовал по-суворовски смело и решительно. Екатерина Алексеевна была дамой в соку, а княжеский титул придавал замоскворецкой мещанке ароматическую пикантность недоступного для большинства смертных диковинного плода, который удалось только ему, Сеченову, попробовать.

Весь медовый месяц жизнь в Дроково кипела ключом, молодые давали гостям парадные обеды, устраивали маскарады и представления живых картин, катания на лодках по Яузе с песенниками, и этого месяца Павлу Дмитриевичу вполне хватило, чтобы разобраться во всех хозяйственных делах и оценить окружение своей суженой. По здравому рассуждению он решил, что весь этот каждодневный праздничный бедлам нужно прекратить, и это ему удалось сделать. Сеченов прогнал всех приживалок, дворовых прихлебателей – артистов живых картин, парикмахеров, официантов и прочих бездельников – отправил в деревню заниматься крестьянской работой. Он полновластно стал распоряжаться деньгами супруги, наследный князь, будущий замминистра внутренних дел Российской империи, величал его папёнкой и отказался от своих законных прав на имение Дроково. Лет через пять отчим уговорами и лестью побудил князя Владимира уступить ему право на другое имение, которое деятельный Павел Дмитриевич продал и за двадцать тысяч рублей купил поместье в Симферопольском уезде, оформил его документально на своё имя как благоприобретённое.

С годами присущая Сеченову гордыня приобрела черты гротеска и фарса, он стал помышлять о государственном поприще и для начала требовал от пасынка исхлопотать ему у императора Николая I звание камер-юнкера. «Родилось пресильное желание быть камер-юнкером, – писал он князю в Петербург, – употреби все свои средства и тем самым сверши желаемое».

Князь этого письма друзьям не показывал, это бы значило выставить самого себя на посмеище, но как литератор сделал открытие – вот он, нередкий тип русской жизни! Так появились наброски о Модесте Гомозейке, о котором узнает Пушкин и будет поощрять приятеля к продолжению жизнеописания ничтожного вряля и прохвоста, обременённого нешуточными амбициями.

Павел Дмитриевич наседали на сына жены с требованием доставить ему место чиновника по особым поручениям при московском губернаторе. Когда это не удалось, то он стал метить в городничие и бесцеремонно навязывал этот проект несговорчивому пасынку. Наконец Сеченов получил место полицмейстера в Саранске, уездном городе Пензенской губернии.

Князь Одоевский получал безграмотные депеши отчима из Саранска и был премного ими доволен, но не как свойственник бузотёра полицмейстера и государственный чиновник, а как литератор. Благодаря Сеченову он мог из петербургского кабинета наблюдать жизнь уездного городка во всех её проявлениях. Всё тщательно им собиралось, сортировалось, обдумывалось, чтобы потом войти в «Жизнь Гомозейки». К сожалению, эту книгу Одоевский не написал, но князь был знаком с Гоголем и посвящал его в похождения своего отчима. Невозможно утверждать, что Ноздрёв из «Мёртвых душ» списан с Сеченова, подобных типов на Руси и сейчас хоть пруд пруди, но для писателя иногда важна пусть и случайная подсказка, в каком направлении ему следует работать, и сызранский полицмейстер вполне мог такой

подсказкой быть. Очень уж он простодушен и откровенен в своих письмах, так бесконечно уверен в своей правоте, что ему прямая дорога в литературные типы, то есть в бессмертие.

ИМЕНИНЫ

В Саранске утомлённый беспокойной службой и тупостью обывателей Павел Дмитриевич встретил родственную душу – помещика Метальникова. Случилось это на свадьбе у купца Ивана Паулкина, который женил сына и пригласил полицмейстера осчастливить своим присутствием это торжественное событие. За свадебным столом почётные места Сеченова и Метальникова оказались рядом. Полицмейстер довольно быстро присмотрелся к соседу и определил его как добропорядочную личность. Этой положительной оценке способствовало то, что помещик не гнался за модой, был одет в сюртук мышиного цвета из добротного русского сукна, нюхал табак, сморкался в огромный чёрный платок и тонким для объёмистого мужчины голосом осведомлялся:

– Я не обеспокоил вашу милость?

Во время перемены блюд, отягчённый половиной жареного поросёнка, Сеченов встал из-за стола и вышел в сад подышать свежим воздухом. Вскоре появился и Метальников, они отрекомендовались друг другу, помещик достал свою драгоценную коробочку с нюхательным табаком и предложил Сеченову.

– Не пользуюсь.

– А зря, зря... Царица Екатерина Великая любила понюхать табачку и всё приговаривала, что очень это пользительно для нервов.

– У меня нервы крепкие, – сказал полицмейстер. – Крепче, чем у всех этих саранцев!

Метальников всплеснул руками и расхохотался.

– Что вы хохочете?.. Разве я сказал что-то смешное?..

Помещик вытер платком наслезённые глаза и запротестовал:

– Нет, нет! Я не над вами смеюсь. Уж очень любопытно и верно вы назвали местных обывателей. Действительно саранцы. На улицах в потёмках нет проходу от собак и спящих коров. Я вчера поехал к знакомому играть в карты. Вышел из коляски, запнулся и руками угодил в горячую навозную жижу. Представляете, какой из меня получился визитёр!

– Я это сразу попытался истребить. Запретил коровам спать на улицах. Проучил кое-кого легонько. Жалуются уездному начальнику, дескать, нет такого закона, чтобы коровам на улице не валяться, свиньям в лужах не елозить. Вот и совладай с ними!

Они помолчали. Затем Метальников взял Сеченова за обе руки и проникновенно произнёс:

– Приятно познакомиться с таким мыслящим человеком, как вы! А знаете что, дорогой Павел Дмитриевич, через два месяца, в первое воскресенье декабря, мы отмечаем день рождения моего сына Серёжи. Непременно приезжайте по зимнему первопутку. Я вас познакомлю со своим тестем Иваном Петровичем Кравковым, владельцем ардамовской Репьёвки. Широкой души человек! Уникальный мыслитель, англоман, сколок, можно сказать, с вельмож прежних времён. Род его весьма древний, пращур Ивана Петровича был одним из первых воевод Симбирска.

Сеченов был большим любителем погостевать в домах людей значительных и богатых, поэтому дал своё согласие, которое его ни к чему не обя-

зывало. Обещать Павел Дмитриевич любил, но если бы в тот момент он знал, к чему приведёт случайное знакомство с Метальниковым, то бежал бы от него сломя голову.

Осень 1832 года была для Сеченова хлопотной. Сначала ждали губернатора Панчулидзева, самого великого в то время в России взяточника. К встрече готовились, усердно выбивали из обывателей деньги, способные удовлетворить пензенского самодержца.

Личного общения и соприкосновения с губернатором Сеченов благополучно избежал, но был опалён ужасом, который, казалось, источала его властвующая особа. Не будь этой обездвиживающей всех двуногих ауры, Павел Дмитриевич не преминул бы напомнить о себе как о родственнике товарища министра внутренних дел и обратить внимание Панчулидзева, что он достоин большего, чем скромная должность полицмейстера, но удержался от соблазна, возможно, и зря, поскольку судьба уже намеревалась определить ему нешуточные препятствия в самые ближайшие месяцы его жизни.

После отъезда Панчулидзева Сеченов написал несколько слёзных писем пасынку, умоляя и требуя предоставить ему место городничего, ибо полицмейстерство предполагало подчинение, а городничий, по его мнению, был обличён полной властью, и это позволило бы ему послужить обществу с большей отдачей. У него, сообщал он князю, появилось много идей по улучшению жизни обывателей, некоторые предполагаемые им нововведения описывал подробно, и эти письма весьма потешали Владимира Фёдоровича. И, несмотря на курьёзный характер отчима, он исхлопотал ему должность городничего в Сызрани ввиду своих литературных планов, наверное, Одоевским захотелось посмотреть, как себя проявит Павел Дмитриевич в должности главного администратора Российской империи.

Занятый своими хлопотами, Сеченов и думать забыл о приглашении Метальникова. Он упаковал свои вещи, нанёс прощальные визиты, получил от обывательского сообщества на память о своей скоротечной полицмейстерской службе фунтовый серебряный кувшин, выправил дорожные документы и деньги, как явился мужик и передал ему письмо от случайного знакомого Метальникова, которое заключало в себе повторное приглашение на именины сына Серёжи. Сеченов глянул в окошко: во дворе стоял санный возок, запряжённый парой игреневых лошадок. Куда спешить, подумалось ему, заеду в Репьёвку, посмотрю, как живут и празднуют симбирские помещики.

Выехали рано утром и к вечеру добрались до ардатовской Репьёвки, довольно большой деревни, расположенной на пологой возвышенности. Внизу чернела в белых снегах незамёрзшая речка, а за ней стеной стоял густой и хмурый лес. Господский дом находился чуть в стороне от деревни, на южной стороне склона, окружённый лиственными и хвойными деревьями. К нему вела узкая, очищенная от завалов снега дорога, и, подъезжая, Сеченов увидел, что на крыльце стоит и машет руками Метальников. Они крепко, до хруста в спинных позвонках, обнялись и расцеловались.

– С приездом, любезный Павел Дмитриевич!

– Со встречей, драгоценный Модест Климентьевич!

Слуга подхватил баул и тюк с вещами гостя, и Метальников повёл гостя по коридору в отведённые ему покои. Поселили Павла Дмитриевича в двух сообщающихся между собой комнатах, в одной была спальня с широкой кроватью, периной и двумя пуховыми подушками, другая представляла собой нечто вроде комнаты для отдыха. Здесь имелся шкаф с десятком книг, небольшой стол, комод, зеркало, умывальник и, наконец, большое покойное кресло для отдыха и раздумий, покрытое клетчатым шотландским пледом.

– Располагайтесь, Павел Дмитриевич! Сбор в зале на ужин объявляет колокол. А это Ванюша, мальчик для услуг.

Где-то в глубине дома три раза ударил колокол. Сеченов надел фрак, сдул с рукава пёрышко и вышел в коридор. Навстречу ему спешил Метальников. Он подхватил Павла Дмитриевича под руку, провёл через анфиладу комнат, и они вступили в ярко освещённый зал с наборным полом, обитыми штофными обоями стенами, на которых висело несколько портретов предков владельца Репьёвки.

Модест Климентьевич отрекомендовал Павла Дмитриевича как своего сердечного друга, выдающегося администратора и подмосковного землевладельца. Затем подвёл к хозяину, Ивану Петровичу Кравкову, старику лет шестидесяти, с резкими чертами лица, которые на Руси встречаются у мыслителей провинциального масштаба и запойных пьяниц. Кравков был одет по старинке: в камзол сине-чёрного цвета, под которым топорщилось бесчисленными складками жабо, и в жёлтые штаны. Старик изучающе посмотрел на гостя и приветливо произнёс:

– Мы живём просто, Павел Дмитриевич! Всё у нас русское, я раньше порядочно знал и по-французски, и по-английски, но, слава Богу, забыл. Вот дочка Варвара Ивановна – та по-французски чирикает, книжки почитывает, журналы новомодные. А это моя надежда – сын Дмитрий Иванович, корнет корпуса инженерных сообщений. Подойди, Митя!

К Павлу Дмитриевичу подошёл корнет и неожиданно резко спросил:

– В каком полку изволили служить?

– В Одесском пехотном, отставной подпоручик, – ответил Сеченов и внимательно посмотрел на молодого человека.

Митя был высок ростом, широкогруд, но всё равно в нём чувствовалось какое-то нездоровье, он был излишне резок в движениях, беспрестанно сжимал пальцы в кулак, слегка выпуклые чёрные глаза вспыхивали лихорадочным блеском, стоило ему произнести или услышать в свой адрес самую незначительную фразу.

Иван Петрович встал со стула и подвёл Сеченова к юной девице, которая при их приближении потупилась и залилась румянцем.

– Дочь моя, Варвара Ивановна! Вы с ней сами лучше познакомитесь, если интересуетесь французскими романами и этим стихоплётom, как его там... Шаликов, что ли...

Павлу Дмитриевичу вспомнилось увлечение жены стихами московской знаменитости, и он поспешил вернуть тут же приготовленное враньё:

– Я имею честь быть лично знакомым с князем Шаликовым ещё тогда, когда он начинал свой ныне известный «Дамский журнал». Князя вся Москва знает, это большой оригинал. Стоит ему появиться на Тверском бульваре со своей записной книжкой – а он сочиняет свои вирши на ходу, – как за ним немедленно устремляется толпа народа. Но князь ничего вокруг себя не замечает, бормочет какие-то выхваченные им только сейчас у музы поэтические строки, то идёт быстрым шагом, то остановится, распахнёт книжку и на ней что-то запишет...

– Ах, как я люблю стихотворцев! – воскликнула Варвара Ивановна.

– Будет, егоза, будет! – остановил дочь Иван Петрович и указал на стоявший рядом с ней пустой стул. – Это ваше место, Павел Дмитриевич.

Старик не подумал представлять гостю остальных домочадцев: супругу, которая сидела в чепце с поджатыми губами, старшую дочь, жену Метальникова, молодого человека, явно недоучившегося семинариста, и старую приживалку.

День был постный, пятница, но в Репьёвке не блюди церковные запреты: на стол подали жареного гуся с яблоками, сыр, паштеты, куриный бульон и большой пирог с грибами. Покупных вин не было, угощались своими домашнего изготовления наливками, настойками и запеканками. На отдельном столе ждал своего часа готовый самовар.

За столом ничего значительного сказано не было, за исключением яростной филиппики Ивана Петровича против Сперанского. При императоре Павле служивший в Семёновском полку прапорщиком, Кравков был уволен по вздорному поводу со службы. По протекции графа Палена определился секретарём в сенат, за десять лет выслужил чин надворного советника, но грянула печальной памяти административная реформа 1809 года, придуманная фаворитом императора Александра I графом Сперанским. От чиновников потребовали сдачи экзаменов по словесности, правоведению, истории отечественной и зарубежной, математике и физике. Получивший домашнее образование у сельского священника и беглого француза, Кравков дважды попытался сдать экзамены в комиссии профессоров Петербургского университета на выслуженный им чин статского советника. Но был отсеян, после чего обиделся и уволился со службы.

Павел Дмитриевич заметил, что домочадцы выслушали речь Ивана Петровича, уткнувшись в тарелки, только на лице жующего гусиную ногу Мити блуждала развязная гримаса.

Сеченову стало понятно, что положение отца семейства не такое прочное, как могло показаться с первого взгляда, просто при госте из столицы все сдерживались и не вели себя обычным образом.

Отказавшись от чая, Кравков пригласил гостя в свой кабинет.

– Вот моё убежище! – сказал Иван Петрович, усаживая Сеченова в покойное кресло. – Вы, надеюсь, заметили, что за столом было одно притворство. Я обычно к ним не выхожу, но зять сегодня упросил меня ради вашего приезда. Модеста Климентьевича я люблю – простая душа. Об остальных судить не могу, они мои кровные. Впрочем, разберётесь сами. А пока призовём утешительницу!..

Кравков отпер ключом дверцу дубового шкафа и вынул оттуда серебряный поднос, на котором стояли штоф и две чарки.

– Я совсем не против образования, – сказал Иван Петрович, наполняя чарки. – Я против глупости! Приглядитесь к России: во всех сословиях, будь то аристократия или крепостные, едва ли найдётся одна сотая часть тех, кто обладает здравым умом. Остальные опутаны химерами, условностями, привычками, страстями и пороками.

– Истинно так, Иван Петрович! В Саранске я убедился, что обыватели не понимают своего блага. Я запретил коров на ночь оставлять на улице – не понимают!

– А вы думаете, у меня в деревне порядок?.. То же самое – грязь, нечистоты, отсюда болезни, ранняя смерть. Приехав в Репьёвку, я обошёл все крестьянские дворы, и только в двух подворьях и избах было чисто. Вот считайте – из пятисот душ только двое мужиков понимали, что жить чисто значит быть здоровым. Долго рассказывать, как я боролся с грязью, даже порол, и то не помогло. И решил подвести под свои требования к чистоте несомненные доказательства. Купил микроскоп, собрал с десятка уважаемых стариков и дал им заглянуть в каплю навозной жижи, которую можно найти в каждой избе. «Шевелится! Ох, страсти!..» – испугались старики, а я им объясняю, что это живая нечистота, которая их ест самих. Вроде согласились, но к собственной грязи не коснулись. «Барин! А эти крохотульки –

божья тварь?..» – «Конечно, – говорю, – всё живое на земле божьи твари». «Тогда их уничтожать грешно», – заявили старики. Вот и поспорь с ними...

– А что я увидел в Саранске?.. Царство непросвещённого разврата, пустоту высших устремлений, прозябание опустившихся личностей!

Иван Петрович опрокинул третью чарку, а Сеченов едва выпил половину начальной. Хозяин заметно захмелел.

– Всё живое стремится к уюту. Смысл жизни – прожить её уютно, но редко кому это удаётся. Мне уютно в моём кабинете беседовать с Павлом Дмитриевичем, мужику уютно в грязной избе ругаться с бабой, Диогену в бочке было уютно. Хочешь быть счастливым – организуй свой уют. Когда люди безуютны, то случаются революции...

Оставив заснувшего Ивана Петровича, Сеченов тихонько вышел в коридор, прикрыл дверь и пошёл к себе. Широкая кровать была разобрана. Павел Дмитриевич с облегчением освободился от фрака, который стал ему тесноват, щёлкнул пружинками, снимая галстук, и вдруг почувствовал, что в комнате кто-то есть. Он резко обернулся, и тут же его колени обвили нежные руки девицы Кравковой.

– Павел Дмитриевич, я знаю вы благородный человек! Моя жизнь в ваших руках! Я несчастна! Я страдаю! Моё спасение – уйти в монастырь!

– Успокойтесь, Варвара Ивановна! – перепугался Сеченов. – Что происходит?.. Разве я могу вам чем-то посодействовать?

Он помог девице встать с пола, усадил в кресло.

– Рассказывайте.

Варвара Ивановна промокнула слёзы платочком, вздохнула и таким жалобным взглядом посмотрела на Сеченова, что сердце бывшего саранского полицмейстера вмиг растаяло от сочувствия к несчастной девице.

– Я люблю князя Романа Асатиани, но мама и брат решительно против нашего брака. Два дня назад здесь произошла ужасная сцена. Митя побил князя, затем травил собаками... Вчера я получила от него записку, вот!

Она протянула Сеченову листок бумаги. Павел Дмитриевич подошёл поближе к свече и прочитал:

«Бесценная Варенька!

Стреляться с Дмитрием Ивановичем я не могу, потому что он твой родной брат. Но и мой позор невыносим, поэтому я уезжаю сначала в Петербург, а затем, скорее всего, в Америку. Письмо пишу на почтовой станции, тройка уже меня ждёт. Желаю счастья!

Роман Асатиани».

Сеченов вернул записку девице Кравковой и в глубокой задумчивости начал мерить шагами комнату. «Блажит девица», – решил он, но вымолвил другое, поскольку в решительных ситуациях мысли начинали толпиться в его голове, как мухи над сахаром.

– Я подумаю. Торопиться не следует. Утро вечера мудренее.

– Я знаю, вы благородный человек, не чета другим, которые всё толкуют о скоте и мужиках, а возвышенного не приемлют. Монастырь для меня не могила, а светлый путь к будущей жизни. Помогите мне, благородный Павел Дмитриевич!

Утром он проснулся от яркого луча солнца, бывшего ему прямо в глаза. На столике стоял накрытый льняным полотенцем завтрак, а рядом на стуле сидел Ваня, который, увидев, что гость проснулся, вскочил на ноги.

– Ну, Ванюша, рассказывай, что тебе приснилось?

– Двугривенный. Будто упал из рук на пол и покатился, покатился, потом в щёлку – нырк!

– Ага! Значит, потерял. Ничего, мы его сейчас найдём. Поддай-ка мне вон ту кожаную сумку, запомни: это – портфель.

Получив двадцать копеек, Ваня, за неимением карманов, сунул его за щёку.

Сеченов пальцем поманил его к себе и спросил:

– Ты Варвару Ивановну любишь?

– Люблю. Она добрая барышня, не ругается. А молодой барин дерётся, таскает за волосы.

– А что у вас тут было недавно? Шум, драка...

Ваня приблизился к Сеченову и, жарко дыша, зашептал:

– Варвара Ивановна и князь Роман просили у барыни согласия на брак. Но барыня как закричит – поди прочь, голодранец! Тут и молодой барин подскочил, пнул жениха, потом ружьё схватил.

– Понятно. А что, барина так и не спросили?

– Его здесь не слушают. Он из кабинета месяцами не выходит.

Павел Дмитриевич убедился в правдивости слов Варвары Ивановны и проникся к ней жалостью. Мамаша и сынок предстали перед ним бессердечными людьми, погубившими счастье влюблённых. Хотя сам Сеченов постоянно совершал жестокие поступки, какой-то частью своего характера он был сентиментален, иногда позволял себе увлечься высокими порывами, благородными и чувствительными идеалами, всем тем, что пел стихами его мнимо знакомый князь Шаликов на страницах своего «Дамского журнала». Конечно, усилием воли он бы мог стереть эти черты своей природы, но ему нравилось выступать в роли утешителя и сострадателя чужому горю.

– Ванюша, – сказал Сеченов. – Сходи к Варваре Ивановне и спроси, сможет ли она показать мне стихи князя Шаликова? Но, может быть, она ещё почивает?

– Нет, барышня с утра на ногах.

– Так ступай.

Сеченов быстро поднялся, умылся и оделся в то же, что и вчера. Вскоре появился посланец и сказал, что его ждут.

Варвара Ивановна встретила его на пороге, бледная и печальная, с Евангелием в руке.

– Я вам помогу, – сказал Павел Дмитриевич, – хотя это может повредить моему положению сызранского городничего.

На дне рождения Павел Дмитриевич чувствовал себя как на иголках. Гости, несколько окрестных помещиков с жёнами, бурно веселились, стучали вилками, ножами, громко чавкали и звенели посудой. Сначала было вроде бы благопристойно: Варвара Ивановна спела романс сперва по-французски, затем по-русски, Серёжа прочитал две басни дедушки Крылова, Дмитрий Иванович, аккомпанируя себе на клавесине, исполнил довольно приличным баском несколько гусарских баллад Дениса Давыдова. Однако коварное вино домашнего изготовления делало своё дело: появились песенники из деревни, плясуны, засипели дуделки, зарычали рожки, зачастили балалайки, и началась пляска с выкриками, свистом и визгом. Затем все повалили во двор, и пошло валяние в снегу, перестрелка снежками и катание с ледяной горки.

Павел Дмитриевич во всех этих бесовских безобразиях не участвовал, он был во власти ожидания и тревоги перед свершением героического поступка. К нему подошла Варвара Ивановна.

– Теперь вы понимаете, почему я желаю уйти в монастырь?

– Положитесь на меня, Варвара Ивановна, и уповайте на удачу. Ровно в полночь я буду ждать вас на дороге. А сейчас мне нужно собрать вещи. Ещё час-другой, и все уgomонятся. Настойки вашей матушки кого хочешь с ног свалят. Кстати, есть ли у вас деньги? В монастыре благосклоннее относятся к тем, кто делает вклад.

– У меня есть тысяча рублей золотом, тётушкин подарок.

– Думаю, и половины этой суммы будет достаточно, остальное удержите при себе.

Веселье продолжалось до позднего вечера. Наконец гости разошлись по комнатам, некоторые уехали, и в доме наступила тишина. Варвара Ивановна взяла узелок с самыми необходимыми вещами и окинула взглядом комнату, где прошли её детство и юность. Её взгляд остановился на «Дамском журнале», она вздохнула и вышла из дома. Павел Дмитриевич уже поджидал её в условленном месте на ямщицкой тройке, которая помчала их в направлении Симбирска.

СИМБИРСКИЙ ВЕТРОГОН

Губернатор Загряжский по приобретённой в Петербурге светской привычке просыпался поздно, близко к полудню, вставал с кровати не сразу, любил понежиться под атласным одеялом на пуховой перине, вспомнить, что ему приснилось, а если ничего не приснилось, то сочинить новеллу для жены – любительницы толкований сновидений. Иногда ему действительно снились чудные сны, которые и смотреть было занимательно, а иногда мерещились такие кошмары, которые могли сулить лишь Сибирь и каторгу, а не наворожённое супругой желанное место министра.

Один сон повторялся с загадочной регулярностью: 14 декабря 1825 года, Сенатская площадь, строй взбунтовавшихся полков, толпы народа, лихорадочная суета вокруг Зимнего дворца, бледный от волнения, ещё не коронованный император Николай I. О случившемся Загряжский узнал у дворника, сразу понял, что это его час, и бросился, чтобы засвидетельствовать верноподданические чувства. Он успел вовремя, государю требовались верные люди, и, увидев капитана Преображенского полка, он немедленно послал его к бунтовщикам с повелением сдаться. За день он совершил несколько подобных поездок, во время одной из них в него попал камень, слегка повредив ногу. Загряжский извлёк из этой царапины всё возможное – милость царя, который его не забыл и как-то поручил брату Константину спросить, что капитан желает. Как раз этот эпизод сегодня и приснился Загряжскому.

Он явился к великому князю, не зная причины вызова, с внутренним трепетом, поскольку Константин был известен в гвардии как самодур и придира.

– Так что ты хочешь за службу?

– Желая быть губернатором! – выпалил Загряжский.

– А не много ли будет? – заметил великий князь.

– Для государя всё возможно.

– Это верно, возможно учредить для тебя должность начальника тюленей на Камчатке.

Всё так и было: встреча с великим князем, разговор, но последних слов Константин Павлович не произносил, они губернатору приснились, но так естественно, что он проснулся несколько раньше обычного от учащённого сердцебиения. Протёр глаза, дёрнул за сонетку, в соседней комнате тренькнул звонок. Вошёл камердинер, рослый малый, одетый по-господски, за ним

появился лакей с горячей водой, тазом и полотенцем. Александр Михайлович с помощью камердинера умылся и сел к зеркалу. Пристально всмотрелся в своё отражение, провёл несколько раз щёткой по волосам и вздохнул, отмечая, что кудри заметно отступили к верхушке, поредели и подёрнулись на висках изморозью.

- Бриться будете?
- Губернатор обязан это делать.

Камердинер намылил ему подбородок и шею, поправил на кожаном ремне немецкую бритву и ловко выбрил своего господина, уверенно лавируя лезвием между бакенбардами, губами, носом и крохотными прыщиками. Затем последовало обтирание лица кельнской водой, подзавивка горячими щипцами волос, выщипывание из ушей и ноздрей кустистой и жёсткой растительности. Окончательная доводка внешности Александра Михайловича до кондиции светского льва заключалась в тщательной отделке ногтей. Камердинер их почистил, подрезал, отлакировал и отступил на шаг, любясь содеянным.

Вошёл правитель канцелярии, самое доверенное лицо губернатора, и почтительно поприветствовал своего патрона.

- Рассказывай, Иван Иванович, что нового?
- Ночью сгорел дом мещанки Сорокиной на Лисиной улице. Из приезжих лиц значительных не имеется. Отставной прапорщик Козодавлев плюнул в бороду купца Угрюмова за купленное в его лавке намедни гнилое сукно. В Сенгилее отравление девицы Пушной уксусом из-за несчастной любви. Пожалуй, всё.

- А что наши либералы?
- Господа Тургенев и Аржевитенов изволили вчера в собрании непочтительно отозваться об особе губернатора.
- Да? Интересно. Ну, и как отозвались?
- Правитель канцелярии замешкался с ответом.
- Я жду!
- Они вас называли ветрогоном.
- И только-то! Ладно, ступай.

Александр Михайлович обладал характером лёгким, незлобивым и потому на «ветрогона» не обиделся. Местные либералы Аржевитенов и Тургенев против него фрондировали, но писем в Петербург не слали, не ябедничали. Александр Михайлович был, как он считал, человеком широких взглядов, допускавших определённый либерализм, не в пример, скажем, пензенскому владыке Панчулидзеву. Это был вполне светский, ни к чему определённомu не обязывавший либерализм, приобретённый им в эпоху просвещённого и благословенного Александра I, в годы войны с Наполеоном, в которой четырнадцатилетним юношей Загряжский участвовал в качестве полкового адъютанта. Он с войсками побывал в Париже, посмотрел на тамошнюю жизнь, на систему гражданских взаимоотношений, на побеждённых французов, распевавших песни в обнимку с победителями, позавидовал их легкомыслию и умению превыше всего ценить комфорт и, можно сказать, заразился этими идеями, хотя другие вынесли из просвещённой Европы идеи революции и тираноборства, что и привело их в конце концов на Сенатскую площадь.

Загряжский принадлежал к древнему дворянскому роду, первые упоминания о котором восходили ко времени Дмитрия Донского. Он получил домашнее образование, свободно говорил по-французски и мастерски владел русской речью, но был неграмотен, читал мало, всерьёз ничем не интересовался.

Писатель, современник Загряжского, довольно близко с ним знакомый, говорит, что «у него в памяти, как у швеи в рабочем ящике, были лоскутки всяких знаний, и он быстро и искусно выбирал оттуда нужный в данную минуту клочок». Он виртуозно владел устной речью, его рассказы напоминали тщательно отделанные загодя новеллы, которым он придавал видимость экспромта. Загряжский знал толк в живописи и в модной одежде, которую шил, живя в Симбирске, у петербургского портного, щеголял покромом и белизной белья, любил жить на широкую, барскую ногу и ухитрялся это делать на одно губернаторское содержание, впрочем, в этом были серьёзные сомнения.

Иван Иванович ещё не успел дойти до двери, как губернатор его окликнул:

– Сегодня у нас вечер. Извести моих партнёров по висту.

Не одеваясь, в халате, Александр Михайлович пошёл на половину жены, в «мой сераль», как он изящно выражался даже в присутствии посторонних лиц.

– Как тебе спалось, Мари? – спросил Загряжский, целуя руку жены.

– Слава Богу, покойно. А тебе, Алекс, наверно, не давали покоя твои одалиски?

– Ну что ты, дорогая. Представь, мне приснился великий князь Константин. Он хотел сослать меня на Камчатку!

– И кем?

– Начальником тюленей. Впрочем, не уверен, но на Камчатку, это точно.

– Этот сон к переменам.

– Ты думаешь?.. Как Софи?

– Здорова. Сегодня на вечере будет в новом платье.

Загряжский поцеловал жену на этот раз в блёклую и увядшую щёку и вышел. Упоминание об одалисках не было беспочвенным, супруга знала, что её Алекс шалопай и волокита, не проходивший мимо сколь-нибудь милостивого женского личика. В начале семейной жизни по этому поводу возникали между ними сцены, порой ужасные, но постепенно всё вошло в привычную колею: муж волочил за кем ни попадя, и если оказывался в неловкой ситуации, то верная Мари бросалась ему на помощь. Она так горячо уверяла всех, что муж ей верен, что это уже давно стало банальным столичным анекдотом.

Завтрак Загряжскому, как обычно, подали в рабочий кабинет. Он присел за обеденный столик, завязал на шее салфетку и отрезал кусочек ростбифа.

– Присоединяйтесь к завтраку, – произнёс он ежедневную ритуальную фразу, обращённую к стоявшему рядом Иван Ивановичу.

– Покорно благодарю, ваше превосходительство! – так же ритуально ответил правитель канцелярии.

Покончив с завтраком, Загряжский сел в кресло за рабочий стол и стал подписывать разные бумаги, совсем их не читая, лишь изредка спрашивал, если бумага была большой, о чём в ней идёт речь. Загряжского вполне устраивало, что благодаря этому порядку симбиряне знали, что губернатор не бьёт баклуши, а работает, следовательно, радеет об общественной пользе.

Между тем к губернатору направлялся опаснейший в губернии человек – жандармский полковник Эразм Иванович Стогов. Зайдя в швейцарскую, он застал дежурного жандарма за распитием чая и устроил ему выволочку. Камердинер услышал и доложил хозяину о появлении «секретного человека». Загряжский с улыбкой приветствовал Стогова, сделав ему навстречу два коротеньких шажка. Как обычно в таких случаях, на его лице блуждала благожелательная улыбка, но в мозгу позвякивал тревожный звонок: с какой свежей пакостью к нему заявился жандармский проходимец?

Эразм Иванович был, напротив, спокоен, хотя в принесённом им портфеле лежала мина, способная подорвать губернаторское благополучие. Он был сухощав, подвижен и, хотя начинал службу во флоте, повадками смахивал на кавалериста-ремонтёра, закупающего лошадей на ярмарках для нужд армии. И Эразм Иванович действительно был пройдохой и достойным выучеником графа Бенкендорфа, который одной рукой вытирал слёзы родителям, а другой волок их сыновей – участников событий 14 декабря – в равелин Петропавловской крепости. Мечтой Стогова было получение генеральского звания, и он, прибыв в Симбирск, сразу понял, что выполнению этой цели может послужить падение губернатора Загряжского, человека пустого и лежачего, которого очень просто можно было заманить в ловушку.

Полковник изучил расстановку общественных сил в Симбирске и обратил внимание, что центр недовольства губернатором находился в родовитых и состоятельных дворянах – Тургеневе и Аржевитенове. Они пользовались большим уважением среди симбирских дворян, их отрицательные отзывы о губернаторе-ветрогоне немедленно распространялись по губернии и находили благожелательных слушателей и сторонников. Загряжский, как сказано, был неумный болтун, и Эразм Иванович этим воспользовался. Он явился губернатору и предложил ему пригласить к себе для примирительного разговора Тургенева и Аржевитенова. Мероприятие обернулось конфузом со скандальной подкладкой. Губернатор произнёс очень неумную речь. «Господа! Мы имеем между собой неудовольствие, для чего вы мешаете между нами жандарма? Я должен вам сказать, что жандарм прислан для моих услуг, меня оскорбляет то, что порядочные люди мешаются с жандармами. Вы вчера высказали ему о причинах своего неудовольствия губернатором, а сегодня он должен был доложить об этом мне. Будем, господа, порядочными людьми, не будем унижать себя, мешаясь с жандармами». Приглашённые страшно обиделись, а полковник Стогов возликовал: губернатор сам лез в приготовленную ему ловушку.

Сегодня, войдя в кабинет к губернатору, Эразм Иванович сразу приступил к делу. Он расстегнул принесённый им кожаный портфель, достал незапечатанный конверт и внушительно произнёс:

– Я обещал вам показывать все донесения, адресованные его высокопревосходительству графу Бенкендорфу. Извольте прочесть.

Загряжский дрогнувшей рукой взял жандармское донесение и, прочитав его, смертельно побледнел.

– Это непорядочно! Вы так писать не имеете права!

– Отчего же? Вы разгласили доверенную вам секретную информацию. Плохо отзывались о корпусе жандармов. Разве этого мало?

– Я... Я запрещаю вам отсылать пакет!

– В этом вы бессильны.

Полковник Стогов позвал жандарма, отдал ему запечатанное им тут же, в губернаторском кабинете, казённой печатью письмо и отправил своего подчинённого на почту. Затем слегка поклонился, прощаясь, и отбыл восвояси.

Положение Александра Михайловича, как говорится, было хуже губернаторского. Он сразу представил, как письмо ложится на стол шефа жандармов, тот пробегает по нему глазами и кисло морщится. А дальше... дальше Александр Михайлович даже себе представить не мог, что случится дальше. И мы оставим развязку этого события на конец повествования.

Иногда люди после сильного душевного волнения ощущают в себе голод или жажду, но Загряжский, когда пришёл в себя от болезненного удара жан-

дарма, остро почувствовал тягу к тому, что составляло подлинный смысл его существования. Он вышел из кабинета и через толпу просителей, не замечая никого, направился по коридору в оранжерею, которая вплотную примыкала к дому губернатора. На улице вступила в свои права зима, а здесь благоухали розы и другие цветы, зеленили апельсиновые и лимонные деревья, поспевали редкого вида перцы, ждали своей очереди отправиться на губернаторскую кухню всегда свежий лук, редис, сельдерей, пастернак и много другой огородной мелочи. Хозяином этого роскошного оазиса был садовник Степан, крепостной человек Загряжского, выучившийся своему ремеслу у самых настоящих голландцев в Петербурге и, по совместительству, безропотно выполнявший щекотливые поручения своего барина. Степан жил при оранжерее, у него была отдельная просторная комната, которую он содержал в большой чистоте. Комната имела два выхода: один вёл в оазис, другой – в сторону волжского берега, зимой всегда безлюдного, к тому же этот вход был укрыт от любопытных глаз густыми посадками деревьев и кустарников и пользовались им один Загряжский и его таинственные посетительницы. Садовник увидел господина и глухо произнёс:

– Пришли-с. Ждут...

Александр Михайлович взял срезанную Степаном красную розу и, ощущая прилив возбуждения, вошёл в комнату. Помещение затеняли тяжёлые шторы, но один лучик солнца освещал молодую женщину, раскинувшуюся на диванных подушках.

– Ах, Алекс, – томно произнесла она, – я так тебя заждалась!..

Александр Михайлович знал Мими с прошлого года. Направляясь в Симбирск из северной столицы, он встретил в Москве старого полкового товарища, который, собираясь за границу, презентовал Мими однополчанину. Она была модисткой, прошла полную школу выучки у французов и поэтому знала толк в кройке и шитье, а также в искусстве любви. В Симбирске с помощью высокопоставленного приятеля Мими открыла ателье, имела хорошие заказы и послушно откликалась на всякий зов благодетеля.

Они выпили по бокалу шампанского, и Мими взяла гитару.

– Бедная моя гитара! – вздохнула Мими. – Ты находишься на попечении этого ужасного Степана, который бьёт по твоим нежным и певучим струнам обросшими ржавой шерстью кулаками, выколачивая из тебя «комаринского мужика».

Мими настроила гитару и запела приятным лирическим сопрано:

*Папироска, друг мой тайный,
Как тебя мне не любить?..
Не по прихоти случайной
Стали все тебя курить.
Огонёчек твой витает
За движением руки.
Вот и полночь наступает,
Наши губы так близки!..*

...После бури наступило затишье. Александр Михайлович считал трещины на потолке, Мими курила воспетую ею папироску.

– Ты, Алекс, ничего не рассказываешь о себе, – капризно сказала она. – Я хочу знать, как ты живёшь. Наши встречи случайны, но я тебя люблю.

– Я знаю, Мими, что ты мой друг, но мне пора.

– Ну что же, адью, мой милый...

До наступления ранних сумерек Александр Михайлович просматривал бумаги, поступившие из министерства внутренних дел, зевал, пил чай, смотрел в окно на ворон и галок. Камердинер зажѣг свечи; пришѣл истопник и бухнул вязанкой дров об пол в коридоре, забредшая из жилых покоев кошка, любимица дочери, просунула мордочку в приоткрытую дверь и мякнула. Александр Михайлович посадил её на колени, и она замурлыкала. Хорошо было жить губернаторам два века назад, покойно, уютно.

Раз в две недели Загряжские устраивали в губернаторском доме вечера с музыкой и танцами для молодѣжи. Александр Михайлович направился на половину супруги и застал жену и дочь почти готовыми к выходу. Они были одеты согласно моде своего времени: в белые платья, снабжѣнные рядами воланов, под которыми при движении шуршало по несколько накрахмаленных юбок. Стройность талии обозначал туго затянутый корсет, плечи были обнажены, на ногах, которые тщательно скрывались от мужчин, были надеты шѣлковые чулки и башмачки без каблуков; шляпки представляли собой нечто вроде корзиночек с завязанными возле горла бантами из широких цветных лент. Софи стала появляться в обществе взрослых совсем недавно, и каждый вечер наполнял её душу трепетным ожиданием чего-то необычного, хотя чего-то радикального и необычного на губернаторских вечерах произойти не могло. Собирались все свои: вице-губернатор, высокий плешивый старик с глуховатой супругой, прокурор, председатель удельной конторы, председатель судебной палаты, помещики, составлявшие партию губернатора, откупщик Бенардаки и неизменный Иван Иванович. Гости привозили с собой дочерей, которых было пора выводить в свет. Кавалеров для танцев извлекали из батальона, расквартированного в городе, зазывали приезжих молодых дворян. Участь подневольного танцора пришлось вкусить Ивану Александровичу Гончарову, за которым близко к полуночи явились два жандарма с приглашением на вечер.

Александр Михайлович пристрастным взглядом родителя оглядел дочь и с удовлетворением отметил, что она очень хороша. И впрямь Софи была улучшенной копией отца, от которого ей достались чѣрные кудрявые волосы, живые и выразительные глаза и здоровый румянец на пухлых щѣчках.

– Нет, ты только посмотри, Мари, – воскитился Загряжский, – в какую красотулечку превратилась наша дочурка!

– Молодое – молодеет, старое – старится.

– Ну, мы ещё хоть куда! – бодро сказал Александр Михайлович, отводя глаза в сторону.

– Мне, Алекс, необходимо две тысячи рублей. Наш поставщик едет в Петербург, а Софи не одета.

Финансовое состояние Загряжского было плачевным, он жил на губернаторское жалование, взятками брезговал, и каждый раз, когда возникала потребность в деньгах, ему приходилось искать выходы. Старая тѣтушка, с которой так любил беседовать Александр Пушкин, была ещё жива, бодра и деятельна, и на близкое наследство рассчитывать не приходилось.

– Хорошо, я дам тебе эту сумму, – сказал Александр Михайлович. – Может быть, даже сегодня.

Вечера происходили в большом парадном зале. Дубовый наборный пол, высокий потолок с лепниной, люстра на пятьдесят свечей, старинные картины в позолоченных рамах, тяжѣлые бордовые шторы, бронзовые подсвечники – всё это придавало залу торжественность обиталища для существ, высоко стоящих над остальными смертными. Не свита, а обстановка делает коро-

ля, например, в Георгиевском зале Московского кремля любая плюговая личность выглядит персоной. Нечто похожее ощущали и несколько новоприглашённых гостей, помещиков, которые сидели в своих деревнях годами, наконец выбрались в город показать своих дочерей, и тут же губернатор залучил их в гости, чтобы очаровать и привлечь на свою сторону против тургеневско-аржевитеновской оппозиции.

Александр Михайлович из новичков выделил сызранского помещика Волобуева, владельца несметных табунов лошадей, отар овец и пятидесяти тысяч десятин первобытной степи.

– Что ж, начинайте танцы, – сказал Загряжский Иван Ивановичу. – А мы, старики, потешимся вистом. Не желаете? – спросил он Волобуева.

– С удовольствием, ваше превосходительство!

Они прошли в угол зала, где за столиком сидели откупщик Бенардаки и его племянник, будущий финансовый воротила. Бенардаки и Волобуев были знакомы – откупщик вёл с ним крупные дела: закупал скот и лошадей, помогал в устройстве суконной мануфактуры.

– А я не знал, Флегант Максимович, – сказал Бенардаки, – что ты покинул свои края.

– Нужда, братец, нужда. Супруга и дочери – это такая сила, что супротив неё не устоять.

– Вот и думаю, хорошо, что я холостяк. – Бенардаки начал сдавать карты. – Ни забот, ни расходов...

Волобуев вздохнул и погрузился в игру. Все были сосредоточены, все старались, но везло только Загряжскому. За какой-то час он выиграл две тысячи рублей, и именно у откупщика, который изо всех сил изображал душевные переживания из-за проигрыша.

– Хорошо, что я деньги с собой не ношу, – сказал Бенардаки и кивнул на племянника. – Вот мой кассир.

Загряжский элегантно взял деньги и, подойдя к жене, шепнул ей на ухо:

– Деньги для Софи имеются.

Музыка смолкла, топот и шарканье прекратились, вспотевшие кавалеры проводили и сдали своих раскрасневшихся от прыжков и кружений юных дам под присмотр родителей. И тут в зал проникли посторонние звуки, явно не вязавшиеся с благопристойностью праздничного мероприятия. «Не пуцу!» – раздался крик откуда-то с лестницы, а вслед за ним: «Умоляю!»

Появился Иван Иванович и, подойдя к губернатору, что-то горячо зашептал ему на ухо. Загряжский выслушал правителя канцелярии, кивнул и, обратясь к гостям, весело произнёс:

– Прошу меня извинить. Небольшое недоразумение. Господин Кислицын, молодёжь скучает!

Пианист ударил по клавишам. Александр Михайлович, выйдя в коридор, погрозил кулаком стоявшему навтыжку жандарму и направился в свой кабинет. За ним почти вплотную следовал Иван Иванович.

В приёмной Загряжский остановился, посмотрел в зеркало, поправил воротник рубахи, стряхнул с рукава пёрышко и открыл дверь. Посреди кабинета стояла молодая и миловидная особа в дорожной одежде, которая, увидев Алексея Михайловича, упала перед ним на колени.

– Ваше превосходительство! – воскликнула она дрожащим голосом. – Умоляю о сочувствии. Помогите мне! Я несчастна!

Загряжский подошёл к молодой особе и помог ей подняться на ноги. На мгновение они оказались лицом к лицу, и он смог почувствовать её прерывистое дыхание, глаза девицы были наполнены слезами, губы дрожали.

– Успокойтесь, сударыня. Присядьте в это кресло. Так. Хорошо.

Он достал из кармана искрящийся снежной белизной платок и вложил ей в руку.

– А теперь рассказывайте, кто вы такая, откуда?

Девушка промокнула платком слёзы и горько вздохнула.

– Дворянская дочь ардатовского дворянина Варвара Ивановна Кравкова. Я имею сильное желание поступить в Спасский женский монастырь, но (девушка заплакала) мне препятствуют...

Заявление Кравковой весьма удивило Загряжского: молодые девушки дворянского звания в монастырь поступали крайне редко, разве что по крайней бедности или сильному религиозному чувству. Данный случай не подходил под эти причины, и Александр Михайлович решил, что здесь он имеет дело с роковой и неразделённой любовью, и сильно заинтересовался.

– Кто же вам мешает исполнить столь богоугодное намерение?

– Матушка и братец Дмитрий.

– А что ваш отец?

– Ему безразлично. Он живёт и ни во что не вмешивается.

– Вы прибыли в Симбирск одна?

– Меня сопровождает Павел Дмитриевич Сеченов, сызранский городничий.

– Сызранский городничий?

Губернатор впал в недоумение, но потом вспомнил, что где-то в бумагах он видел предписание графа Блудова о назначении нового сызранского городничего. Созрело решение и относительно Варвары Ивановны.

– Если ваше желание твёрдо и вы его повторите завтра, то я обещаю свою поддержку, но решающее значение имеет слово высокопреосвящённого Анатолия. Постарайтесь ему понравиться так же, как вы очаровали меня.

Он взял Варвару Ивановну за руку.

– Как вы озябли, милая. До скорой встречи... Иван Иванович, проводите Варвару Ивановну!

Правитель канцелярии, бережно поддерживая девушку под локоток, свёл её с лестницы мимо остолбеневшего жандарма и любопытствующей челяди, вывел на улицу и сдал на руки Сеченову.

– Рекомендую вам остановиться в номерах Караванной, – посоветовал Иван Иванович, – там недорого и чисто. Это на Большой Саратовской, совсем рядом от нас.

ВЫСТРЕЛ В НОМЕРАХ

Зимой Симбирск, по сравнению с летним временем, заметно оживлялся, становился настоящим «дворянским гнездом». До Москвы было далеко, и губернское барство, в большинстве своём родовитое и богатое, съезжалось в город из своих поместий, чтобы весело отметить Рождество, Новый год, Масленицу, просватать дочерей и поженить сыновей, поиграть в карты и вволю посплетничать. Нечего говорить, что сплетни успешно заменяли отсутствие губернской газеты, они молниеносно разносились из одного конца города в другой, поскольку Симбирск, как в те годы, так и сейчас, обладает фантастической сверхпроводимостью для сплетен, слухов и всяких домыслов. Чихнёт Иван Иванович в своём доме на Ново-Казанской улице, а в другом конце города, в барском особняке в Винновской роще барыня Кроткова сразу же сообщит мужу, что Иван Иванович заболел и прихо-

дил священник соборовать его и исповедовать. Поразительная сверхпроводимость Симбирска не давала скучать обывателям, каждый из них, просыпаясь поутру, сразу же узнавал от кухарки, молочницы или прохожего человека, окликнув его через форточку: «Что новенького?» – о похоронах сгоревшего на работе чиновника питейного акциза, о краже из стражниковой будки мешка нюхательного табака, продажей которого промышлял служивый, о досрочных родах у молодой вдовы, которая всегда числилась в неродихах. Всё передавалось далее в определённые центры, где пустые и вздорные пересуды и факты генерировались и пускались в обращение двумя-тремя конкретными лицами, из которых главнейшей была коллежская регистраторша Анна Петровна Караваева.

В те годы в Симбирске наискосок от усадьбы, где родился великий русский писатель Гончаров, находился большой двухэтажный дом, сгоревший впоследствии во время пожара 1864 года. Владелицей домовладения, приспособленного под гостиничные номера, была Анна Петровна Караваева, особа в городе широко известная и авторитетная. К ней и направил Иван Иванович свалившихся на его голову хлопотных гостей – Кравкову и Сеченова. Ямщик хорошо знал это место и мигом домчал их к широкому крыльцу, над которым помаргивал, качаясь на ветру, масляный фонарь. Павел Дмитриевич помог Варваре Ивановне выбраться из кибитки, вынул вещи, и они вошли в номера.

На входе их встретил мужик в валенках и овчинной безрукавке.

– Чего изволите? – прохрипел он, вставая со стула.

– Нам бы надобно хозяйку, – ответил Павел Дмитриевич, окидывая взглядом переднюю и принюхиваясь, потому что по запаху можно сразу определить, какого сорта это заведение. Чуткие ноздри Сеченова уловили запах лука и жареной рыбы, которые сочились из тускло освещённого коридора.

– Пройдёмте в залу, – прохрипел мужик и провёл прибывших в большую и чистую комнату.

Мужик ушёл за хозяйкой, и Павел Дмитриевич, усадив Кравкову на мягкий диван, осмотрелся. Кроме дивана, на котором расположилась Варвара Ивановна, в зале было ещё два, а в углу образ Владычицы, перед ним лампада, аналой, на полу вытертый коврик, а напротив – деревянная скамья со спинкой, из так называемых твёрдых диванов. Сеченов подошёл к образу, поправил лампадку и три раза перекрестился. Это действие вывело Варвару Ивановну из состояния тупого равнодушия, в котором она находилась после своего выхода из губернаторского дома. Она, издав какой-то странный звук, вскочила с дивана, упала перед иконой на колени и начала истово молиться. В таком положении и застала прибывших гостей призванная гостиничным служителем хозяйка.

Павел Дмитриевич подошёл к ней, и они, выйдя в коридор, чтобы не мешать Кравковой, обсудили условия. Они были приемлемыми, и Анна Петровна отвела жильцов в предназначенные им комнаты. В своём номере Павел Дмитриевич обнаружил кровать, стол, три стула, комод и умывальник. В углу висел образ мученика Пантелеймона с лампадкой. Сеченов открыл комод и стал раскладывать свои вещи. Затем разделся, облачился в халат и пошёл к Варваре Ивановне. Его передвижение не ускользнуло от бдительной Анны Петровны, наблюдавшей за всем, что происходит в коридоре при помощи зеркала, укрепленного на полуоткрытой двери комнаты, которая служила конторкой. Караваева в мягких войлочных тапочках подошла к номеру Кравковой и приникла к скважине. Зорким глазом она увидела, что

гости собираются ужинать, на столе лежали нарезанная ветчина, сыр и стояла бутылка из тёмного стекла. Через какое-то время её терпение было вознаграждено. Сеченов пожелал узнать, как было дело у губернатора.

– Его превосходительство очень добр, – сказала Варвара Ивановна. – Он обещал поговорить с высокопреосвященным Анатолием по моему делу. Ах, Павел Дмитриевич! Завтра я увижу свой монастырь!

– Я бы посоветовал вам, Варвара Ивановна, обдумать свой шаг. Помните, что вы молоды, – сказал, вставая со стула, Сеченов. – Монастырь как стоит, так и будет стоять, а жизнь человеческая идёт. Впрочем, не поймите так, что я вас отговариваю. Для меня вы – героиня.

Подобрав юбку, Анна Петровна бросилась в свой закуток. Она пришла в страшное возбуждение и, запершись, принялась раскладывать увиденное и услышанное по полочкам. Усиленная работа мысли привела её к непреклонному выводу, что вокруг приезжей парочки скоро завяжутся нешуточные дела с участием первых лиц губернии. В последнее время авторитет Каравевой как самой сноровистой всезнайки пошатнулся, а тут привалила удача: дело, завязанное с духовными и гражданскими властями тайным появлением Сеченова и Кравковой, неясной связью между ними, обещало перспективное следствие, которое Анна Петровна всегда проводила скрупулёзно и глубоко.

Обычно Каравеева любила утром понежиться на перине, пышной и мягкой, как сама хозяйка, отобранной пёрышко к пёрышку от хохлатых гусынь, которых держал её духовный отец Василий, но на следующий день она вскочила с постели рано утром и, не обращая внимания на приставания насчёт гривенника на опохмеление со стороны истопника, бросилась на Ново-Казанскую улицу, где в собственном доме проживал Иван Иваныч, твёрдо зная, что тот не спит, а занимается колкой обязательной дюжины чурбачков – прописанной ему доктором от головокружения, одновременно с пиявками. Так и было: Иван Иваныч во дворе махал колуном, разваливая берёзовые комли. Увидев Каравееву, он не удивился, вытер со лба пот и воткнул колун в чурбак. Каравеева тут же поведала правителю канцелярии о своих постояльцах, присовокупив к рассказу свои предположения.

– Интересно, интересно, – задумчиво сказал Иван Иванович. – Спасибо, Анна Ивановна. Надеюсь, вы понимаете, что это всё нужно держать в секрете. Дело может вылиться в большую неприятность.

– Я никому не говорила и не скажу. Кроме вас, – пообещала Каравеева, и подумала: «Как бы не так!»

Сеченов допивал чай, а по Большой Саратовской улице, свернув на неё с Дворцовой, мчался Дмитрий Кравков. Бросившись в погоню за сестрой и коварным оболъстителем, он всю ночь спешил на перекладных в Симбирск и, прибыв туда, кинулся к губернатору, учинил в швейцарской страшный шум, но ничего не добился и, по подсказке дежурившего там жандарма, кинулся в караваевские номера.

Когда Дмитрий Кравков ворвался в номер Павла Дмитриевича, тот порядком струхнул, но присутствия духа не потерял, вспомнив о своём официальном статусе сызранского городничего.

– Вы негодай! – страшно закричал молодой Кравков. – Вы подло злоупотребили нашим доверием, прикинувшись честным человеком и дворянином!

С этими словами он бросил на пол снятую с руки овчинную рукавицу.

– Это что, вызов? – презрительно спросил Сеченов. – Вы забываетесь, молодой человек! Я – сызранский городничий, лицо официальное, государ-

ственное. Немедленно извинитесь и бегите из города, пока вас не упекли по моему представлению на гауптвахту!

– Вы, сударь, негодяй и подлец! – в исступлении заверещал Кравков.

– А вы – мальчишка и молокосос! – взревел Сеченов. – Вас за ваши вздорные выдумки нужно ставить на горох и сесть крапивой!

– Я... Я... Я вас пристрелю как собаку!

Кравков сунул руку под бекешу, вытащил револьвер и направил его на Павла Дмитриевича.

Сеченов был пехотным офицером и боялся только пощёчин, но никак не оружия. Он смело шагнул в сторону противника, раздался выстрел, пуля пролетела мимо, разбила стекло, и его обломки посыпались на ошарашенных прохожих. Павел Дмитриевич крепко схватил Кравкова за руку и отобрал револьвер.

– Сопляк!

И крепкими тумаками вышиб его из комнаты.

Скандал в комнате Сеченова моментально донёсся до ушей Анны Петровны. Она выскочила в коридор и столкнулась с перепуганной ключницей, уже вооружённой бельевой скалкой, по лестнице на второй этаж взбежал дежуривший внизу человек, и они втроём поспешили к номеру Сеченова, дверь которого с треском отворилась, и под ноги гостиничной команды и любопытствующих жильцов кубарем вывалился Кравков, а следом вылетели револьвер и овчинная рукавица.

– Какой ужас! – воскликнула Анна Петровна, и было непонятно, чего в её голосе больше – ужаса или восторга.

Её взгляд чётко примечал следы и детали происшествия, всё это понадобится, чтобы украсить свою версию произошедшего узорами достоверности и фактов. А пока она очень хладнокровно произнесла:

– Фёдор! Помоги молодому барину спуститься вниз.

Человек исполнил приказание хозяйки, она ещё раз оглядела поле боя и указала на револьвер.

– А с ним что делать?..

– Возьмите пока себе, – сказал Павел Дмитриевич, приглаживая растрёпанные в схватке бакенбарды. – Он ему больше не понадобится.

Анна Петровна внимательно посмотрела на Сеченова. Тот, чувствуя, что она хочет с ним поговорить, пригласил её к себе.

– Ужасный для моего заведения конфуз, – скорбно произнесла Анна Петровна. – У нас подобного ещё не бывало.

– Как я могу сгладить причинённый вам урон? – спросил Павел Дмитриевич. – Впрочем, отвечать должен этот буян Кравков, я здесь пострадавшая сторона.

– Но он пришёл к вам, – резонно заметила Анна Петровна. – Я должна знать всё. Считайте, что это всё претензии к вам. Выстрел слышали многие, и этого не скроешь. Придётся отвечать на вопросы... Нет, с полицмейстером у меня прекрасные отношения, но общество не преминет осудить вас, и в ваших интересах, чтобы я создала о вас благоприятное впечатление.

И Сеченов рассказал ей всё, начиная со знакомства с Метальниковым, кончая прибытием в Симбирск.

– Это же чувствительный роман! – восторженно воскликнула Анна Петровна. – Как жаль, что наш земляк Николай Михайлович Карамзин ушёл из жизни, он бы мог всё это запечатлеть. Его сочинение «Бедная Лиза» было моей настольной книгой, когда я воспитывалась в пансионе. А вы благородный человек, Павел Дмитриевич! Решиться на такое сможет далеко не каждый.

– Как бы мой героизм не вышел мне боком, – хмуро сказал Сеченов. – Мне нужно сегодня быть у губернатора, а тут этот буян, выстрел...

– Успокойтесь, Павел Дмитриевич! – загадочно произнесла Анна Петровна. – Я на вашей стороне. И вы скоро убедитесь, что моё мнение в этом городе кое-что значит.

Между тем слух о выстреле в номерах Караваевой с быстротой молнии облетел весь Симбирск. То там то здесь были видны сбившиеся в кучки обыватели, взволнованные произошедшим событием, то там то здесь на Большой Саратовской съезжались друг к другу санки, запряжённые лошадьми, и совершающие утренний моцион представители благородного сословия, старые и молодые, взахлёб обсуждали случившееся. В город будто ворвалась свежая струя воздуха и взбодрила всех, все стали деятельны, все ринулись оповестить своих знакомых, а эти знакомые оповещали своих знакомых, а те своих, известие захватило весь город и никого не оставило равнодушным. Правда, говорили разное: одни непреложно утверждали, что в номере застрелился гвардейский офицер, проигравший в карты казённые деньги, другие были уверены, что случилось нападение чеченцев, с которыми в это время вели изнурительную войну, третьи не сомневались, что был убит и ограблен богатый купец-прасол, занимающийся перегоном и продажей скота. Однако ничего из этого не подтвердилось. Гвардейский офицер князь Дивлет-Гиреев преспокойно вышел из номеров, уселся в санки и поехал к предводителю дворянства князю Баратаеву, за дочкой которого он бескомпромиссно ухаживал. В записях полицейской книги приезжающих, которую вели при въезде в город, лиц кавказской национальности обнаружено не было, а прасол преспокойно вышел из трактира, где выпил десять чашек чаю с солёными крендельками и отправился в гости к сызранскому помещику Волобуеву, у которого всегда покупал большие партии скота.

Об утреннем переполохе был немедленно извещён губернатор. Последнее сделал незаменимый Иван Иваныч, который всё узнал из первых рук от Анны Петровны, прибежавшей к нему уже вторично.

– Ай, ай! – сказал Александр Михайлович и строго посмотрел на правителя канцелярии. – А этот Сеченов – большой шельма! Доставить его немедленно ко мне! А с девицы Кравковой взять объяснение.

Иван Иванович отправился в номера, где провёл доверительную беседу с Варварой Ивановной, умело обо всём её выспросил, можно сказать, процедил через сито, вычислил остаток, затем постучал в дверь Сеченова. С ним был подчинённый полковника Стогова. Павел Дмитриевич отпер дверь и обомлел: перед ним стоял саженного роста жандарм в блестящей каске, над которой колебалась сутана из чёрного конского волоса.

– Немедленно пожалуйте к губернатору, господин Сеченов! – жёстко произнёс Иван Иваныч.

Сеченов сразу вспотел и ощутил в животе предательские спазмы, которые заставили его опуститься на кровать. Иван Иваныч расценил его поведение как симулянтское, кивнул жандарму, тот подхватил Павла Дмитриевича под руку и потащил по лестнице вниз.

Загрязский с любопытством рассматривал стоявшего перед ним навывтяжку нового сызранского городничего.

– Вы что, язык проглотили, любезный? – осведомился губернатор.

– Никак нет! Имею честь представиться вашему превосходительству по случаю назначения на должность сызранского городничего.

– Нечего говорить, хорош градоначальник! Вы и в Сызрани намерены умыкать девиц из почтенных семейств?

Павел Дмитриевич подавленно молчал.

– Ума не приложу, что с вами делать, – продолжал губернатор. – Эта стрельба, эта девица... Эхо от вашего скандала уже катится к Петербургу. Вот что, напишите объяснение на моё имя, я свяжусь с министром внутренних дел. А пока я вас, до решения министра, отставляю от должности сызранского городничего. Ступайте! Ступайте! Передайте девице Кравковой, чтобы она предоставила объяснительную мне лично.

Сеченов брёл по улице, и его самочувствие было ужасным. Огорчённый познанием истины, что ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным, Сеченов надвинул на глаза фуражку, поднял воротник шинели и, избегая смотреть по сторонам, чтобы не встретить чужого взгляда, поспешил в номера Караваевой.

Он поднялся на свой этаж и натолкнулся на Анну Петровну, которая его явно поджидала.

– Ах, Павел Дмитриевич! – воскликнула она. – Я всё знаю. Не отчаивайтесь, ещё не всё так безнадежно. Кроме губернатора, есть ещё общественное мнение, и его повернуть в вашу сторону вполне по силам! Не соблаговолите вы, Павел Дмитриевич, осчастливить нас своим присутствием?

Предложение пришлось кстати, Сеченову представилась перспектива долгого зимнего вечера в пустом номере, неизбежные мысли и душевные переживания о том, что случилось, и он принял приглашение Караваевой в надежде, что если пользы не будет от этого, то вреда тоже не предвидится, а развеяться в его теперешнем состоянии было нужно.

Анна Петровна жила во флигеле, занимала его весь целиком, то есть четыре комнаты, одна из которых была большой, с высокими стенами, и считалась парадным залом, где и происходили собрания заединщиков Караваевой, её клеветов и пособников. Собственно, это был штаб, в котором верховодила хозяйка номеров, и решения, принимаемые здесь, имели немалое влияние на губернскую политику. Своё влияние Анна Петровна осуществляла через своих штабистов, которые состояли в родстве с самыми видными чиновниками губернии и имели на них влияние. Кроме того, все они имели обширные боковые связи через своячениц, деверей, золовок, крёстных отцов и матерей – это была мощная корневая система, опутавшая всю симбирскую почву. Конечно, питали эти корни отнюдь не сладкие плоды, порой вырастали ядовитые колючки, и горе, и плач были тому, кого они задевали и царапали.

В салоне Караваевой каждый имел своё место. В кресле помещался востроглазый, похожий на общипанного воробья бывший член судебной палаты Василий Дермидонтович Ключков – юридический мозг штаба, тонкий знаток всяческих судебных заковырок. На диване расположились три дамы степенного возраста – Агафья Сергеевна, Ксения Порфирьевна и Васса Егоровна. Первая из них была сестрой губернского прокурора, вторая – вдовой полицмейстера и свояченицей товарища управляющего удельной палатой Белокопытова, третья дама олицетворяла собой купеческий капитал – очень богатая вдова купца первой гильдии Кувшинникова. На отдельном кресле сидела Мария Фёдоровна, сестра игуменьи женского Спасского монастыря. Сама Анна Петровна исполняла роль дирижёра вечера. Она генерировала идеи, направляла разговоры в нужное русло.

По правде говоря, кружок Анны Петровны последний год влачил жалкое существование из-за отсутствия живого, конкретного дела. Давно были перебиты косточки всем городским обывателям, давно изучена подноготная каждого заметного лица, на заседаниях штаба царили заметное уныние и застой мысли. И вдруг, как удар грома, выстрел в номерах среди бела дня, внезапно открывшиеся обстоятельства появления в Симбирске Кравковой и Сеченова, вынесение решения их вопросов на губернаторский и даже столичный уровень – всё это сразу дало могучий импульс сообществу самых любознательных людей города, возвратило их к деятельной жизни.

Заседание штаба по планированию операции, имеющей целью спасение доброго имени Варвары Ивановны и Павла Дмитриевича, началось с доклада Анны Петровны. Из первых слов стало ясно, что своим стратегическим мышлением она превосходит Кутузова. Во вступительной части доклада яркими, сочными мазками испытанного оратора она обрисовала историю вопроса. Трогательно, в духе прозы раннего Карамзина докладчица развернула перед сообщниками картину тягостного детства Варвары Ивановны, которая не имела тепла от родителей, росла в прозябании, как падчерица, терпела брань от обнаглевших слуг и постыжные пакости от родного брата Мити. Сказав про это, Анна Петровна вспомнила о выстреле в номерах и тут же сделала в своё повествование вставку: дескать, Митя всегда был большим озорником и любил палить из ружья над головой сестры, отчего та сделалась глуховата. Преследования были столь ужасны, что с ранних лет Варвара Ивановна обратилась к Богу, моля его о заступничестве. И заступник явился в лице князя Романа Асатиани, пылкого, романтически настроенного юноши, и сердца соединились. Но явились и грозные препятствия: мать и брат были против и смертельно возненавидели князя, а рохля отец не пришёл на помощь дочери, поскольку удалился от всех в вольтерьянство и масонство. Князю было отказано, он, вопия и стеляя, бежал куда глаза глядят, и Варвара Ивановна решила посвятить себя Богу. Узнав об этом, жестоковывные мать и брат учредили над ней строгий надзор, но провидение не оставило бедняжку и послало на помощь страдальце Павла Дмитриевича, который помог ей бежать из постылого дома, отрясти прах его со своих ног, достичь града Симбирска и постучаться в двери духовной обители.

Основная часть доклада была посвящена сегодняшнему состоянию дела Кравковой и Сеченова. Перед беглецами, когда они уже думали, что им ничего не грозит, явился младший Кравков, учинил скандал, чуть не застрелил Сеченова, а потом по злостному совету злопыхателей подал прошение в земский суд на спасителя Варвары Ивановны, благородного Павла Дмитриевича. Но это был лишь первый удар грома, второй последовал в губернаторском доме, где Загряжский всячески «изуродовал» Сеченова и отставил его, до решения министра, от должности сызранского городничего.

Заключительная часть доклада состояла в основном из перлов самой высокопарной патетики, примеры которой можно искать только во времена расцвета Афин и Рима. Справедливость – вот к чему призывало и что жаждало сердце Анны Петровны. Справедливость если не суда, то общественного мнения, которое само по себе и есть высший суд – вот к чему взывала покрывшаяся потом и красными пятнами Анна Петровна. И внимательно, даже с неподдельным сердечным волнением выслушав Караваеву, все с ней горячо согласились. Юридический старичок Клочков заявил, что в действиях Сеченова нет состава преступления, и перечислил с десятков статей права, начиная с кодекса Юстиниана; Агафья Сергеевна, как сестра жены губернского прокурора, подтвердила достоверность юридических изысканий ста-

ричка Клочкова; Вассу Егоровну, женщину полную и рослую, до слёз тронула романтическая связь, живо напомнившая ей неразделённую любовь к коллежскому регистратору Зябликову, которого её братья, завернув в рогожу, сплавляли на барже вниз по Волге, где тот и сгинул навсегда; строго державшаяся Мария Фёдоровна, сестра игуменьи, промолвила, что всё в руках Божиих, а он не попустит свершиться несправедливости; Ксения Порфирьевна, дама чрезвычайно рассудительная, обратила внимание присутствующих на то, что Анна Петровна оказалась на высоте положения, радикально вмешалась в ситуацию, всё разузнала и разложила по полочкам. Караваева от похвалы зарделась ещё пуще и приказала подавать чай.

Заметим, что никем не было сказано ни одного слова, что нужно что-то предпринять, куда-то обратиться с просьбой, походатайствовать, нет, механизм дальнейших действий включался сам по себе. Собравшиеся дамы и старичок доклад восприняли как руководство к действию, им уже не терпелось поскорее покинуть дом Анны Петровны и поспешить в знакомые дома, чтобы оповестить всех о деталях потрясшего дремотный Симбирск скандала, и мнение об этом непонятно каких авторитетных особ, разумеется, в защиту Кравковой и Сеченова как, несомненно, пострадавших. Удерживал не обещанный чай, не варенье из крыжовника, которым был славен стол Анны Петровны: с минуты на минуту должен был явиться главный фигурант – Павел Дмитриевич Сеченов.

Чтобы не вмешивать Сеченова в свою внутреннюю политику, Анна Петровна пригласила его на час позже, чем всех остальных, чтобы провести в его пользу разъяснительную работу. Павел Дмитриевич явился одновременно с чаем, поданным одноглазой кухаркой, и произвёл на гостей самый положительный эффект своим внешним видом человека из столицы. На нём был фрак, малиновый жилет и ослепительно белая рубашка, а также строгие тёмно-синие штаны со штрипками, напущенные на мягкие полусапожки. Он с ловкостью и допустимой развязностью вошёл в незнакомое собрание. Юридическому старичку вернул своё опробированное на других мнение о реформе Сперанского, о варварских экзаменах на классный чин; Агафье Сергеевне, которая болезненно чихнула, посоветовал приложить тёртую редьку к затылку; Ксении Порфирьевне по роговице глаз предсказал будущее счастье; с Вассой Егоровной они посетовали на то, что рубль теряет золотое содержание и на него сейчас трудно купить треть того, что до войны с Бонапартом; Марии Фёдоровне рассказал о своём посещении Саровской пустыни – словом, на всех произвёл самое положительное впечатление.

Чай был выпит, ревизия Сеченову была произведена благоприятным для него образом, и Анна Петровна вынесла загадочное резюме:

- Павла Дмитриевича нужно представить Андрею Ильичу.
- А кто это, Андрей Ильич? – спросил Сеченов, предполагая в нём личность высокого полёта.
- Так вы ничего не знаете об Андрее Ильиче! – поразилась Мария Фёдоровна.

И все враз зашумели, затараторили, пытаюсь объяснить, кто такой Андрей Ильич, но стоит ли слушать бабью болтовню, когда речь идёт, пожалуй, о самом загадочном обитателе Симбирска за три с половиной века его стояния на Волге, поэтому лучше обратиться к фактам.

На протяжении семидесяти лет, до конца 1841 года, на улицах Симбирска можно было наблюдать странного своим обликом и поведением человека. Он в любое время года ходил в одной длинной рубахе и босиком, ниче-

го не говорил, кроме имени своей матери – «мама Анна», питался подаванием, но не просил его, как нищие, его люди одаривали сами, жил в хижине. Звали этого человека не от мира сего Андреем Ильичом Огородниковым. Со временем он стал главной достопримечательностью Симбирска, верующие люди, а тогда таковых было большинство (поскольку нигилисты в России ещё не завелись), почитали его как юродивого Бога ради. Юродство в России всегда имело высокий религиозный смысл, на юродивого народ, и высшие сословья, и царь смотрели как на оракула, глаголющего откровение, их нравственный авторитет был столь велик, что пред ним склонялся даже Иван Грозный, подтверждение чему можно найти в истории Н. М. Карамзина. После Петра I юродство стало выветриваться из религиозной жизни православных. В Симбирске же ещё долго сохранялись старые религиозные традиции, и людская молва определила Андрея Огородникова после свершения им точных предсказаний относительно конкретных лиц как юродивого, или блаженного. Но значение юродивого не ограничивалось прорицаниями, сам вид его, бесприютный образ жизни, тяготы и страдания, которые он переносил на глазах всего мира, незлобивость и кротость перед лицом обидчиков, готовность отдать голодному всё, что у него есть, – всё это понималось людьми как воплощённый в реальности религиозный идеал, следовать которому они, грешники, не могут в силу жизненных условий. Поэтому общество смотрело на юродивого как на своего заступника перед лицом Бога.

Со временем Андрей Блаженный, как его стали называть симбиряне, стал известен и в России, особенно после Отечественной войны 1812 года, которая воспламенила религиозную настроенность и чувства всех сословий русского народа. О нём знал затворник Серафим Саровский, который говорил приходившим к нему за благословением симбирянам: «Зачем это ко мне, убогому, вы трудитесь приходить? У вас есть лучше меня – Андрей ваш, Ильич...». Это признание святого старца возвышало Андрея Ильича во мнении народа как праведника, покровительствующего Симбирску. «Пока Андрюшка блаженный жив, не будет у нас пожаров», – говорили жители города. И действительно, Казань выгорела почти дотла, а в Симбирске, пока был жив праведник, пожаров совсем не было.

– Андрей Ильич удивительно проницателен, – с благоговейным восторгом сообщала Агафья Сергеевна. – Госпожа фон Руммель мне рассказывала, что прибегает однажды в их дом Андрей Ильич, никогда до этого здесь не бывавший, и начинает из всех углов выметать сор. Все семейные тут же сказали, что из этого дома им придётся выехать. И что же? Совершенно неожиданно, месяца через два после этого, дедушка подарил матери прекрасный каменный дом на Большой улице, куда и переехали...

– Наши купцы за особенное счастье считают, – веско произнесла Васса Егоровна, – когда, пробегая мимо лавок, наш праведник возьмёт что-нибудь в подарок. Как правило, это вознаграждается успешной торговлей и прибылью.

– А вот недавний случай, – оживлённо заговорила Ксения Порфирьевна, – он до сих пор у всех на слуху. Забежал Андрей Ильич к одной мещанке в дом на кухню, схватил кипящий горшок со щами, бросил его на пол и скрылся. Хозяйка, убирая черепки, нашла огромного паука, который мог бы отравить через щи всё семейство.

– Наш праведник осенён Божиим благоволением! – торжественно вымолвила сестра игуменьи. – Судите сами, он берёт голыми руками из печи чугунные горшки, не раз обливался кипятком – и без последствий. Неред-

ко целые ночи стоит в снеговых сугробах босым. Необходимо, чтобы наш Андрей Ильич подал Павлу Дмитриевичу какой-нибудь ясно понятный знак. Но стоит ли идти к нему, вот я что сейчас подумала. Будет много лучше, если Андрей Ильич сам обратит внимание на господина Сеченова. Наш город мал, их пути неизбежно пересекутся.

– А что если ваш праведник не обратит на меня внимания? – засомневался Павел Дмитриевич. – Как тогда это понимать?..

– А понимаете просто, – ответил за всех юридический старичок Ключков. – Если он пройдёт мимо вас равнодушно, значит, вы не нуждаетесь ни в его осуждении, ни в заступничестве. Словом, живите себе дальше.

ИСКУШЕНИЕ СКРОМНОЙ ОТШЕЛЬНИЦЫ

Поздним утром следующего дня Варвара Ивановна постучалась в номер Сеченова и спросила, не изволит ли Павел Дмитриевич сопровождать её к губернатору.

– Эх, Варвара Ивановна, – сказал Сеченов, открыв дверь, – сегодня все симбирские сороки на заборах только тем и заняты, что про нас чекочут. Увольте меня от своей просьбы. И вообще нам нужно разъединиться. Болтовни много.

– Так вы меня покидаете, Павел Дмитриевич? – спросила Кравкова.

– Это необходимый шаг. Но вы, я думаю, не останетесь без присмотра. В вашем деле не обойдётся без влиятельных попечителей.

– Что же, благодарю вас за всё, что вы для меня сделали, Павел Дмитриевич, – промолвила смиренно Кравкова, как и подобает будущей инокине.

Затем она вернулась в свой номер, оделась и вышла на улицу. День был солнечный и яркий, за ночь навалило много снега, который похрустывал под ногами прохожих. Колокольным звоном ударили соборные часы, спугнув с кровли храма крикливых ворон. Варвара Ивановна пошла по Московской улице, которая поднималась вверх. Она шла неторопливо и не оглядывалась по сторонам, погружённая в свои мысли. Предстоящая встреча с губернатором её сильно волновала, поскольку это было для неё необычно.

Надо сказать, что Александр Михайлович с нетерпением ожидал появления Кравковой. Её история его заинтересовала, затронула романтические струны души, которые начинали звучать, когда он видел хорошенькое личико, чувствовал, что перед ним порывистое, неопределившееся создание.

Но Загряжский решил сначала покончить с кляузной стороной вопроса.

– Вы знаете, что ваш брат написал прошение в земский уездный суд? – спросил Загряжский у Варвары Ивановны.

– Я слышала об этом, – пролепетала она.

– От кого слышали? Впрочем, не отвечайте, я и так догадываюсь – от Сеченова. Кстати, где вы познакомились с этим господином? Что вас связывает? Сobleгаволите объясниться, чтобы пресечь всякие слухи. Голубушка, вы не знаете, что такое Симбирск, а я, поверьте, знаю. Наши благородные дворяне ужасные сплетники, и упаси вас Бог попасть в эти жернова. Да что это у вас? Объяснение. Так давайте его.

Кравкова протянула губернатору лист бумаги. Он взял его и, подойдя к окну, стал читать.

«От желающей вступить в Спасский монастырь из дворян девицы Варвары Ивановны дочери Кравковой.

На требование Вашего Превосходительства имею честь объяснить, что моё непреодолимое желание было вступить в монастырь с того самого дня, как я узнала решительный отказ, сделанный моими родителями сватавшемуся за меня князю Роману Петровичу Асатиани, к которому я питала чувства самой страстной любви. Сия причина и жестокость побудили меня положить на себя клятву переменить образ жизни и посвятить себя Богу...»

Загряжский внимательно посмотрел на Кравкову, не находя в ней той своенравности и решительности, которые прочитывались в объяснении.

– А что, этот князь беден?

– У него всего пятьдесят душ.

– Да, негусто. Но вернёмся к Сеченову. Я не могу понять, чем он возбудил ваше доверие? Познакомились на именинах, перекинулись парой слов, и вы его просите помочь? Неосмотрительно.

– Я сразу поняла, что Павел Дмитриевич – благородный человек, чуткое сердце. Он много пострадал. Не вините его.

– Благородный человек. А на меня он произвёл впечатление неблагоприятное. Я, конечно, знаю о его высоком покровителе, но очень уж он смахивает на прожжённого мошенника, этакого вкрадчивого плута.

– Я могу сказать о Павле Дмитриевиче только хорошее.

– Ладно, оставим Сеченова, тем более что ему больше нет никакого резона мешаться в вашу жизнь. Я удовлетворён вашим объяснением, но исполнение вашего желания поступить в монастырь не в моём праве. Не знаю, оцените вы это или нет, но сегодня я был у высокопреосвященного Анатолия и говорил о вашем деле. Знаете, церковь не любит торопиться, особенно в таком случае, как с вами. Вам, конечно, мало что известно, но выходка вашего брата привлекла внимание общества, сейчас об этом судят и рядят во всех домах города. А не желаете ли вы, Варвара Ивановна, – шутливо сказал Загряжский, – чтобы я учредил над вами свою опеку?.. Вам нужна защита от злопыхателей, нужно время, чтобы успокоиться от тревожений, наконец просто иметь возможность для отдыха. И, знаете, это не моё предложение, а моей жены Марии Александровны, поэтому ответ вы дадите ей.

По существу, сказанное Загряжским было первым шагом в осуществлении очередного амурного плана, который зародился вчера, когда жена неосторожно заговорила о Кравковой и Сеченове, подначенная прибывшей в её дом прямо от Караваевой своей приятельницей Агафьей Сергеевной. Сестра губернского прокурора отчаянно выступила в защиту справедливости, в первую очередь досталось тем, кто, по её мнению, распространяет про беглецов грязные слухи (это были явные враги губернатора), потом в самом выгодном свете представила положение Кравковой, и на глазах у Марии Александровны выступили слёзы. Загряжский пробыл у жены до того момента, пока Агафья Сергеевна не распрощалась с хозяевами.

– Ах, Алекс! – вздохнула жена. – Я хочу, чтобы ты помог этой бедняжке Кравковой. Её история меня расчувствовала.

– Не могу, даже если бы захотел. Это дело духовных лиц. Но уступаю: завтра съезжу к высокопреосвященному Анатолию. Но вряд ли он будет торопиться. Церковь осторожна с теми, вокруг кого неслестный шум.

– И всё равно Кравкову жаль. Но можно помочь ей другим образом. Она остановилась в этих ужасных номерах. Ты помнишь, как мы ночевали в Казани по дороге в Симбирск. Ужасные тараканы с усами. Брр!.. А что если до поступления в монастырь Кравкова поживёт у нас? Гостевые комнаты свободны. Она развлечёт меня и Софи.

Предложение жены сразу понравилось Александру Михайловичу, но он вида не подал и строго заметил:

– Я согласен. Но не стоит эту беглянку близко знакомить с Софи. Знаешь, дурной пример заразителен. А я, как губернатор и отец семейства, не могу одобрить поведение Кравковой.

– Ах, оставь это! Лучше будь повнимательнее к Кравковой при встрече. И передай моё приглашение.

– Хорошо, моя милая.

Загряжский нежно поцеловал руку жены и чрезвычайно довольный вышел из комнаты.

Варвара Ивановна, услышав о предложении Марии Александровны поселиться в её доме, была заметно смущена, она пролепетала, что опасается причинить неудобства, что ей и в номерах хорошо, но Александр Михайлович разом отвёл все опасения, сказав, что её примут как родственницу, взял за руку и провёл на половину жены. Камердинер был послан в номера Караваевой за вещами, ключница получила указание подготовить для гостьи комнату. Мария Александровна тактично оставила Кравкову одну, резонно решив, что ей требуются покой и уединение.

Павел Дмитриевич, обнаружив, что Кравкова выехала из номеров, вздохнул с облегчением. Караваева была недовольна, она предпочла бы видеть Варвару Ивановну рядом, держать в поле зрения как весомый аргумент для подтверждения собственных выдумок. Но, как выяснилось, потеряла она немного: губернаторский Иван Иванович снабжал её о Кравковой сведениями раньше других, и Караваева первенствовала по осведомлённости среди всех симбирских кумушек. Так она в первый день отъезда постоялицы узнала, что к ней приходила из Спасского монастыря доверенное лицо игуменьи – монахиня Соломония – и вела длинную беседу с жаждущей монастырской жизни Варварой Ивановной. Этот факт, обильно расцвеченный благочестивыми домыслами Караваевой и её подвижниц, послужил на пользу Кравковой. Её симбирское общество стало воспринимать как жертву обстоятельств и жестокости родных, о которых из ардатовской Репьёвки стали просачиваться нехорошие сведения.

Через несколько дней после переселения Варвары Ивановны в гостевые покои губернаторского дома Загряжский, приводя в исполнение свой план, полностью им отработанный и отрепетированный, предложил Кравковой познакомить её со своими владениями. Произошло это в присутствии Марии Александровны, сказавшей, что интересного в доме мало, разве что оранжерея, которой она не занимается, галерея портретов и картины, принадлежащие их семье. Софи с категоричностью, свойственной молодости, высказалась, что портреты ужасны, на них сплошь изображены напыщенные старики в измятых костюмах, почти все с красными носами и мутными глазами. Этот выпад дочери Александр Михайлович пропустил мимо ушей и, заявив, что он забирает Варвару Ивановну, поднялся с кресла. Кравкова последовала за ним.

Войдя в портретную усыпальницу симбирских губернаторов, Варвара Ивановна была ошеломлена великолепием и зала, и золочёными рамами, и напольными часами, похожими на узкий шкаф, которые при их появлении стали громко отбивать время. Александр Михайлович, нежно подталкивая смущённую гостью, подвёл её к бронзовой табличке в начале портретной экспозиции и обратил внимание, что гравировка по бронзе исполнена старым письмом, полууставом, которым пользовались при царе Алексее Михайло-

виче. Предоставив ей дальше возможность осматривать портреты самой, он отошёл к окну и, красиво опершись на подоконник, сам принялся рассматривать Варвару Ивановну, которая после отдыха выглядела гораздо привлекательнее, чем по приезде в Симбирск. Загряжский с удовольствием отметил, что у Варвары Ивановны тонкая и гибкая талия, лебединая шейка и притягательные ямочки на локтях.

Как и полагал Загряжский, Варвара Ивановна была ослеплена величием портретной галереи, но это было лишь началом его плана. Александр Михайлович захотел ещё и поразить ардатовскую дворяночку собственным величием и открыть некоторые изгибы своего сердца. Поэтому, когда Варвара Ивановна подошла к последнему портрету и увидела художественное отражение своего покровителя, он легко проскользил к ней по навощённому паркету и остановился рядом.

– Как вы находите, Варвара Ивановна, портретное сходство удалось?

– Очень! Я не думала, что вы так на себя похожи!

Александр Михайлович не обратил внимания на нелепую оценку, прозвучавшую из уст деревенской простушки убеждённо и искренне, он подвёл её к окну и, пристально глядя в глаза, стал «поражать» её, как и задумывал.

– Я кажусь вам, Варвара Ивановна, недоступным, и это так. Я недоступен для многих, кто желал бы ко мне приблизиться из соображения корысти. Воля государя воздвигла меня на сей пьедестал губернатора, вручила ключи от благополучия огромного края и более полумиллиона его жителей. Мне подвластно очень многое, я могу угодного мне человека возвысить, а неугодного низринуть. Знаешь ли ты, друг мой Варенька (я надеюсь, ты разрешишь мне так тебя называть?), что власть выхолаживает сердце, честолюбие, гордыня – это медоточивый яд, и я бегу от всего этого. Большая власть – это ещё большее одиночество человека, которому принадлежит власть. Я открываю тебе эту тайну потому, что вижу перед собой создание хрупкое, безобидное и способное на сочувствие, такое же одинокое, как и я. Не удивляйтесь, Варенька! Да, я одинок, хотя вокруг меня всегда мельтешат, но кто?..

Загряжский отвернулся к окну, скрестил по-байроновски на груди руки и склонил голову. Варвара Ивановна сделала несколько прерывистых движений и взволнованно пролепетала:

– Александр Михайлович! Мне, право, так вас жаль...

Услышав это, он вышел из зала, спустился по лестнице и быстрыми шагами направился в оранжерею. Там его ждала Мими, которая приятно удивилась тому, что Загряжский был в этот раз более мужчиной, чем несколько дней назад.

Встречи наедине с Варенькой продолжились. Каждый раз для этого случая Александр Михайлович заготавливал и заучивал наизусть целую новеллу, которую читал Кравковой, принимая соответствующую позу. Он говорил о человеческой неблагодарности, об искуплении греха и самом грехе, своём желании украсить Симбирск скамейками, о роковой разнице между мужчиной и женщиной, наконец о природе любви, для чего пять раз перечитал диалог Платона «Пир». Иной раз он доводил разговор до опасной черты, но благоразумно останавливался и, покинув взволнованную Варвару Ивановну, устремлялся в оранжерею к весёлой Мими.

Девушку Кравкову эти разговоры затрагивали чрезвычайно болезненно, она осунулась, похудела. Она никак не могла взять в толк, чего добивается от неё Загряжский, «новеллы» её то будоражили, то угнетали, но возразить против подобного обращения с собой она не смела.

Всё, что происходило в доме губернатора, тотчас становилось известно жандармскому полковнику Стогову и преосвященному Анатолию, конечно, от слуг. Эразм Иванович потирал руки, ожидая, что Загряжский, играя Кравковой, вляпается по самые уши в какую-нибудь сверхскандальную историю и свернёт себе шею. А пока он копил факты, не пренебрегая никакой мелочью, любой каплей грязи, лишь бы она падала на губернаторский фрак. Стогов спал и видел себя жандармским генералом, к тому же он имел свой зуб на Загряжского, всё двигалось к тому, что жандарм сделает ему административную подножку.

Как нам кажется, со скукой наблюдал за пируэтами Загряжского вокруг кандидатки в отшельницы высокопреосвященный Анатолий, архиепископ Симбирский и Сызранский. В конце концов, это ему надоело, и с его благословения дворянская дочь Кравкова была определена в женский Спасский монастырь.

ОТПУЩЕНИЕ ГРЕХОВ

Определение Кравковой в монастырь возбудило поутихших было симбирских обывателей, как камень, брошенный в пруд, где полно лягушек. Те, кто стоял за Варвару Ивановну, возрадовались, а те, кто порицал её поведение, стали горячо убеждать, что они всегда были за неё, но их не так поняли. Это был час триумфа Анны Петровны Караваевой и её присных. А как же иначе: ведь не кто иной, как они, первыми подняли знамя борьбы за справедливость. Павел Дмитриевич Сеченов в глазах многих из шельмы превратился в благочестивого героя, и в его помощи Кравковой не было никакой амурной подоплёки.

Всё это, конечно, приятно согревало душу Павла Дмитриевича, но совсем не облегчало его двусмысленного положения: дело в земском суде хотя и лежало без движения, но не было прекращено, от службы он был отставлен с очень неясной перспективой благоприятного исхода. Пасынок князь Одоевский совсем к нему охладел и не спешил на помощь, несмотря на горячие и проникновенные письма, которые Сеченов посылал в Петербург, весьма потешавшие полковника Стогова, их первого и внимательного читателя.

Павел Дмитриевич был глубоко обижен совершённой над ними губернскими властями несправедливостью. Уже прошло то время, когда он упрекал себя за поспешное вмешательство в судьбу Кравковой. Сейчас он был занят одним: как выпутаться из щекотливой ситуации самому, без посторонней помощи, ибо после отказа пасынка надеяться было не на кого.

В конце января 1833 года «дело» было отправлено в Петербург, и оставалось только ждать решения. Имея много свободного времени, Сеченов стал совершать по Симбирску длинные прогулки и в какую-то неделю исходил весь город вдоль и поперёк. Подолгу он стоял возле выстроенного каменного собора, пока неосвящённого, смотрел на его величественные колонны и громадный купол. Дома вокруг по сравнению с ним казались маленькими, тем более человек. Площади вокруг собора была ещё не прибрана, везде высились припорошённые снегом кучи строительного мусора и большие ямы. Работы шли внутри храма, и Сеченов заходил туда и видел строительные леса и художников, которые на немыслимой высоте расписывали стены и верхнюю часть собора, населяя его фигурами и ликами святых, сюжетами из Библии и надписями на старославянском языке.

Иногда, чаще всего вечерами, чтобы не привлекать к себе внимания, он подходил к губернаторскому дому и смотрел на освещённые окна, за которыми было всегда весело: играла музыка, у коновязи стояли покрытые попонами лошади. Пылал костёр, вокруг которого толпились кучера. Сеченовский мучитель, губернатор, беззаботно предавался утехам, и Павел Дмитриевич совсем не по-христиански желал ему споткнуться на лестнице и сломать ногу. Один раз он в сумерках подошёл к губернаторскому дому со стороны оранжереи и заметил, как из неприметной двери выпорхнула стройная женщина и, закрыв лицо воротником верхней одежды, скрылась за углом. Павел Дмитриевич подошёл ближе, но дверь отворилась, и оттуда высунулась рыжебородая мужицкая харя и, не обращая внимания на вполне господский вид Сеченова, хрипло пролаяла: «Куда прёшь, шалопут?!» Павел Дмитриевич страшно перетрусил и, промычав что-то невразумительное, по женским следам бросился за угол.

Ночь он провёл ужасно, несколько раз просыпался в холодном, липком поту. Просмотрев три или четыре ужасных сюжета, Павел Дмитриевич поднялся с кровати, облачился в халат и сел писать письмо пасынку.

Он, как обычно, горячо и невпопад сообщал Владимиру Фёдоровичу, что находится под вопросом решения своей судьбы «высшим начальством» и решил покинуть «проклятый город Симбирск» и отправиться на время в Никольское, чтобы «соблюсти интересы семейства». О Кравковых он написал, что это «семейство распутное, пьяное и буйное, понимающее лишь золото, дом их – сосредоточие распутства и гнусного разврата, пьянства и нахальства, до такой степени доходившего, что кавалеры сего семейства позволяли себе ходить полунагими и врать с плеча по имени... И посреди этого разврата девушка, образованная, милая, ценительница поэзии самого высокого полёта князя Шаликова, с чувством высокой добродетели, которой он счёл за правду помочь».

Сеченов закончил письмо, когда в окно номера уже светило солнце. Он вышел в коридор и спросил хозяйку. Её не оказалось. Тогда он потребовал у ключницы расчёт за прожитое, расплатился, сказал, что он уезжает из Симбирска в свою деревню, будет обратно через месяца два, и отправился на почтовую станцию.

...Скоропалительный отъезд Павла Дмитриевича вызвал новые толки среди симбирян. Предположений было немного, почти все, за исключением кружка Караваевой, решили, что Сеченов сбежал, а наиболее впечатлительные из обывателей утверждали, что он перед отъездом сумел занять у откупщика Бенардаки десять тысяч рублей золотом, и никому это не показалось странным. Спрашивали об этом у самого Бенардаки, хитрый грек от ответа на вопрос уходил, выдумка ему почему-то понравилась и разоблачать Сеченова он не захотел.

Сеченов вернулся в Симбирск на второй день после Масленицы. Хотя начался Великий пост, в городе было шумно илюдно: началась самая большая в губернии ежегодная Сборная ярмарка. По улицам бродили толпы проезжих людей, громадная площадь на Большой Саратовской кипела народом, все номера были заняты, в том числе и тот, где до отъезда жил Павел Дмитриевич. Караваева была вся в ярмарочных хлопотах, но встретила его с распростёртыми объятьями. «Вы не представляете, Павел Дмитриевич, как я вам рада! – защебетала она. – Все вокруг твердят одно: «Убежал! Убежал!» Вот такие людишки! Но я была уверена, что это не так. Я всегда им говорила, что дворянин и офицер не может так низко поступить! А тут ещё эти десять

тысяч золотом!» «Какие десять тысяч?» – изумился Сеченов. «Да те, что вы якобы взяли у Бенардаки!» – «Да я знать не знаю никакого Бенардаки!» – «Я так всем и говорила, что это вздорная выдумка, чтобы очернить вас в глазах губернатора. Но вы с дороги, пройдёте ко мне, я напою вас чаем».

Известие о том, что в городе пущена о нём очередная грязная сплетня, поразило Павла Дмитриевича до крайних изгибов души. Он чрезвычайно оскорбился этим и решил непременно узнать автора. Круг людей, кого он мог обидеть в Симбирске, был узок, поэтому очень скоро Сеченов пришёл к заключению, что сплетню про него мог пустить помещик Верёвкин, с которым у него случилась перепалка в Тагае, на почтовой станции. Павел Дмитриевич решил непременно с ним расквитаться. Но пока нужно было определяться с местожительством. Всё решила Анна Петровна, предложив ему поселиться к своему племяннику, чиновнику акцизного ведомства, имевшему свой дом в конце Панской улицы близ Покровского монастыря.

Караваева была так любезна, что решила проводить Павла Дмитриевича в дом своего племянника. Во дворе им встретился стройный рыжеусый молодец в короткой шинели, на голове у него была чёрная каска с гербом, с левого бока – красивая полусабля на перевязи, а с правой стороны висела большая чёрная сумка через плечо.

– Вы господин Сеченов? – спросил молодец и протянул Павлу Дмитриевичу письмо. – Распишитесь в книге полученной корреспонденции.

Анна Петровна очень заинтересовалась письмом, но Сеченов не дал ей даже взглянуть на него, сунул пакет за пазуху, и они пошли на Панскую улицу. Письмо было от жены, которую он в Симбирске не афишировал, упоминая, часто совсем некстати, министерское имя князя, своего пасынка. Поэтому, для того чтобы отвлечь внимание Караваевой от письма, игриво спросил:

– А вы, любезная Анна Петровна, будете навещать меня в доме племянника?

Караваева растерялась: слова, которые, не признаваясь себе в этом, она ждала, прозвучали.

– Надеюсь, и вы не забудете нас, Павел Дмитриевич?

– Конечно, любезная Анна Петровна!

Племянник находился в полном подчинении Караваевой, и Павлу Дмитриевичу выделили большую и светлую комнату окнами в сад. После ухода Анны Петровны он сел к столу и распечатал письмо.

«Слышала я, что вы в Москве после смерти отца получили имение в сто душ, продали его, делаете обеды у Яра и сдружились с примерным повесой молодым Бухвостовым, который доселе не имел своего угла и слушает вас. А что значит ваше смешное сватовство к Полетаевой, которой вы подарили заёмное письмо на пять тысяч рублей? Этому свидетель есть один иностранец. Мне доподлинно известно, что теперь Кравкова заняла моё место, от Гольцапова, которого вы встретили в лавке у Гуа и попросили его выйти и посмотреть его коляску, а в ней сидела Кравкова, а коляска была запряжена воронными рысаками в серебряных хомутах. Вы сели в свою новую коляску и уехали, засмеявшись. Обманы ваши так завлекательны, что Кравкова поверила в ваше благородство и заимела полную к вам доверенность, не зная, что она ослеплена хитростями и обманами, которые мне ведомы уже 16 лет. Когда я вас встретила, вы не имели пристанища, считали мой угол счастьем, но как получили отцовское имение и собрали с моей помощью капитал, ваша бесчестность стала знаменитой в Саранске и Симбирске. О своей слабости я не жалею, все мы ходим под Богом, и вы тоже...»

Сеченов, прочитав письмо, от досады сплюнул: ни одного слова правды, всё сплетни – и про новую коляску, и про Кравкову. Да, был в Яре с Бухвостовым, так от этого репья не отвяжешься! И Павел Дмитриевич, вспомнив потраченные в ресторации пятьсот рублей, тяжело вздохнул. Разорвал письмо жены в мелкие клочки и выбросил в форточку.

Утром он тщательно подобрал бакенбарды, надел шинель, новую фуражку с красным околышем и вышел на улицу. Свежо пахло мартовским снегом, под подошвами весело хрустели льдинки, дышалось легко и свободно. На Большой Саратовской Павел Дмитриевич сразу окунулся в толпу, которая стремилась на ярмарочную площадь. Сеченов не спешил, рассматривал дома, прохожих, строго поглядывал на солдат местного батальона кантонистов, в киверах и серых шинелях, которые резко бросали правую руку к виску, увидев красный околыш. Сеченов отдавал честь, придирчиво вглядываясь, по форме ли одет служивый, нет ли каких нарушений в одежде. Военная косточка в нём была ещё жива, сейчас был бы майором, а то и полковником, если бы не дурацкий случай с картами.

Перейдя Московскую улицу, он остановился и посмотрел на вывеску парикмахерской, которая была в своём роде шедевром: на ней были изображены банки с пиявками и нарядная дама, опирающаяся рукой на отлёте на длинную трость, и рядом с ней молодой человек, который пускает из её локтевой ямки фонтанирующую кровь. Сеченов потрогал волосы на затылке и, решив, что стричься рано, пошёл дальше. Через несколько шагов взгляд его упёрся в турка, курящего кальян, затем в негра, в поясе из цветных перьев, с большой сигарой в ослепительно белых зубах. Ясно – табачная лавка. А дальше – «Гробы с принадлежностями». Одна вывеска его озадачила: «Здесь вообще воспрещается».

Павел Дмитриевич был человеком чувствительным и любил шарманку, поэтому, услышав её звуки, поспешил насладиться музыкой и зрелищем. Растолкав толпу мужиков и мальчишек, он вплотную приблизился к шарманщику. Это был разбитной малый с ловко подвешенным языком. Показывая рукой на шарманку, он кричал:

*Вот на этой площадке
Танцуют люди и лошадки!
А вот это Петрушка,
Ребятам и взрослым игрушка!*

Ширма раздвинулась, и возникла кукла, наряженная приказчиком. Шутейная декламация сопровождалась действиями кукольных приказчика и чертей. Сеченов просмотрел ещё сказку про то, как «поп Макарий ехал на кобыле карей», бросил в чашку пяточок и пошёл дальше. Отмахнулся от приказчика, который, выскочив из лавки, закричал: «Пожалуйте к нам! Товар самый английский!»

Но вот и сама ярмарка. Сеченов бывал на Макарьевской ярмарке, пожалуй, самой большой в России, но и Сборная ярмарка была значительной. Всё открытое пространство от Большой Саратовской до реки Симбирки было уставлено торговыми лавками, лабазами, ларьками, которых было несколько сотен, между ними ходили, торговались, покупали и продавали многие тысячи людей, местных и приезжих, и население Симбирска в ярмарочные дни увеличивалось вдвое.

Сеченов не собирался что-либо покупать, но азарт купли-продажи был ему не чужд, и, переходя из одного ряда в другой, он приценивался, а иногда смотрел, как торгуются другие. Сначала он обошёл ярмарочный гостинный двор, где, по словам опрошенного Сеченовым служителя, было сорок тридцать шесть номеров лавок, торговавших практически всем, что производилось в России, от гагачьего пуха с островов Карского моря, употребляемого пожилыми барынями для набивки набрюшников, до бивня единорога-нарвала из Русской Америки. Это, конечно, была экзотика, доступная немногим богачам.

Вдоволь насмотревшись на редкости, Павел Дмитриевич перешёл в ряд, где торговали тканями, в основном русского производства: шерстяными, полотняными, хлопчатобумажными, и тут же немного в стороне – иностранными. Бойкий приказчик деревянным аршином отмеривал какому-то господину английское сукно, натягивая его как можно туже, чтобы выиграть у покупателя лишний вершок. Сеченов краем уха подслушал цену, она была не для его кармана. Заинтересовала его лавка с часами, где было всё – от простых мещанских ходиков с высовывающейся кукушкой до швейцарских брегетов, часов-брелоков и перстней с вделанными в них крохотными часиками. Нескольких лавок торговало колониальными товарами: ананасами, грейпфрутами, апельсинами, бананами, жгучим кайенским перцем, индийским и цейлонским чаем, тростниковым сахаром в кусках, лавровым листом, гвоздикой, корицей и десятками видов других продуктов из Южной Азии и Африки. Множество лавок было с пушным товаром. Перед прилавками висели шкуры белого и бурого медведя, росомх, волков, на самих прилавках и стеллажах возлежали песцы, чернубурки, бобры, выхухоли, колонки и горностаи; для людей ниже среднего достатка имелись во множестве кошачьи шкурки. Мимо табачных лавок Павел Дмитриевич прошёл не останавливаясь: он не курил. А там было много того, что влекло к ним курильщиков: гаванские сигары, египетские пахитоски, турецкий табак, украинский табак и погарская махорка. Много лавок было с украшениями. Сеченов любовался блеском бриллиантов и других драгоценных камней, облечённых в золотые и серебряные оправы, колец, подвесок, медальонов и браслетов. Глядя на игру света, он решил и купил для Анны Петровны позолоченный браслет.

Человек так устроен, что ему важно решиться на первый шаг, а потом всё становится легче и проще. Войдя в обувные ряды, Павел Дмитриевич перестал чувствовать себя зрителем, он стал по-настоящему прицениваться к нужным ему летним полусапогам, щупал их, мял, определяя носкость кожи, растягивал швы на прочность изделия, стучал сгибом пальца по подошве и по звуку выяснял, не из гнилой ли кожи изготовлена подметка. Пересмотрел до полусотни пар, наконец выбрал и купил кромского производства отличные полусапоги и почувствовал себя невероятно усталым от людской толкотни, избытка впечатлений и шума.

Он вышел из гостинного двора и определил, что сумел посмотреть едва ли одну пятую часть ярмарки. Из складов шла оптовая торговля всем тем, что предлагали лавки гостинного двора, с множества возов и наспех сколоченных открытых рядов торговали хлебом, щепным товаром, рогожами, валеной обувью, мясом, рыбой, салом, свечами, колоколами из Самары и валдайскими колокольчиками. Деньги, скопленные симбирянами за год, оборачивались на Сборной в нужные бытовые вещи, и все покупки приурочивались к ярмарке, основному источнику городских доходов.

Держа в руке попку, Сеченов вышел из гостинного двора на Большую Саратовскую. Полусапоги, чтобы дольше носились, следовало по русско-

му обычаю обмыть, и он завернул в бильярдную, где былолюдно и шумно от нетрезвых разговоров и стука шаров. Павел Дмитриевич протиснулся к стойке, выпил стакан хересу, закусил лесным орехом и встретился взглядом с Верёвкиным, тагайским обидчиком. Какое-то время они взаимной ненавистью смотрели друг на друга, затем Верёвкин отвернулся, и Сеченов вышел из заведения. Бросать вызов обидчику в тесноте, среди пьяных людей, по мнению Павла Дмитриевича, было бы неблагородно, общество бы этого не поняло, а подставляться под пересуды самому было бы нерасчётливо. Какие мысли были у Верёвкина на этот счёт, мы не знаем, хотя трудно представить симбирского помещика в роли дуэлянта. Ему ближе размышления о ценах на пшеницу, зуботычины мужикам, озорство в девичьих комнатах собственного дома.

Между тем небо покрылось тучами, и начал идти зимний дождик. Дорога, деревья, дома, заборы – всё вокруг начало покрываться наледью. Лошадь, вёзшая беговые санки, вдруг заскользила на всех четырёх копытах и осела на круп. Тут и Сеченов поскользнулся, но не упал, но прогнулся назад, и в спине что-то больно хрустнуло. Покупка упала на мокрый снег, поднимая её, Павел Дмитриевич с трудом нагнулся и выпрямился. Дальше он пошёл, осторожно одной рукой придерживаясь за заборы.

Недалеко от дома племянника Караваевой он увидел странную фигуру. Человек был одет в какое-то рубище, с непокрытой головой, бос и стоял в рыхлом мокром снегу по щиколотки. Нечёсаная голова его была запрокинута вверх, он что-то искал взглядом в низких чёрно-серых тучах, то судорожно взмахивая руками, то прижимая их к груди. Это был Андрей Ильич. Итак, встреча состоялась, и Павел Дмитриевич сначала захотел увильнуть от юродивого, но среди глухих заборов и домовладений спрятаться было просто некуда. Андрей Ильич был увлечён созерцанием небес, казалось, не обращал на окружающие его предметы никакого внимания, и Сеченов понадеялся, что юродивый его не заметит. Но этого не случилось: высоко поднимая колени, Андрей Ильич подбежал к нему, вытащил из висящей на животе холщовой сумки калач, протянул Павлу Дмитриевичу, а другой рукой стукнул его по спине. Затем блаженный отпрыгнул от него, положил ладони на свои плечи и прокричал: «Мама Анна! Мама Анна!»

Сеченов сделал несколько шагов и почувствовал, что боль в спине и пояснице исчезла. Он резко повернулся вокруг себя – и не почувствовал боли. Андрей Ильич опять стоял на своём месте в мокром снегу и что-то, ведомое только ему, отыскивал взглядом в небе. Павел Дмитриевич невольно подумал: «Свят человек Андрей Ильич!»

Не заходя в дом, он отдал открывшему дверь слуге покупку и поспешил к Караваевой. Предсказание блаженного требовало немедленного объяснения, и Сеченов надеялся найти его у Анны Петровны, часто общавшейся с Андреем Ильичом и находящейся, по её убеждению, под его покровительством. В гостиной были все свои. Дамы рассматривали покупки Анны Петровны и хвалили их на все лады. Юридический старичок помалкивал в кресле. Сеченов подошёл к нему и, присев на диван, спросил о своём деле в земском суде. Он уже предлагал юридическому старичку для подмазывания судебной машины пятьсот рублей, но тот сказал, что такому благородному человеку не стоит этого делать, он со своей стороны переговорил с первым лицом уездного суда, и тот объявил, что соль дела Сеченова состоит в общественном мнении. Склонится оно в пользу Павла Дмитриевича – и он будет немедленно оправдан. «Ждать надо», – молвил судейский.

Но вот подали чай, все разместились за круглым столом, накрытым кружевной скатертью, испили по первой чашке, кто с сахаром, кто с вареньем, и Павел Дмитриевич доложил о встрече с Андреем Ильичом.

– ...И сразу боль прошла?

– А как он вас ударил, кулаком или ладошкой?

– Калач какой был, ржаной или ситный?

– А в сумке у Андрея Ильича ещё что-нибудь было?

Сеченов обстоятельно ответил на все вопросы, и его объявили счастливецем, потому что каждый получивший подарок из рук Андрея Ильича, пусть даже самый мелкий, неожиданно для себя приобретал что-нибудь значительное – деньги или имущество.

– Непременно полковником будете, – заявила Караваяева.

– Я состою в гражданской службе, – засомневался обрадованный разгадкой предсказания Сеченов.

– Тогда станьте действительным статским советником, а это то же, что и генерал! – убеждённо сказала Анна Петровна. – Закончится ваше дело, и высоко взлетите.

– Да, да, генерал, – закивал юридический старичок.

И действительно, через неделю дело Сеченова стало меняться в благоприятную для него сторону. В кружке Тургенева и Аржевитенова решено было преподнести презент Павлу Дмитриевичу с неременной гравировочной надписью: «От благородного собрания дворян Симбирской губернии». Всё это, конечно, задумывалось в пику губернатору-ветрогону, от которого Сеченов премного потерпел. Прослышав о затейке оппозиции, Александр Михайлович послал Павлу Дмитриевичу любезное приглашение явиться к нему в любое время. Сеченов посетил губернатора и нашёл его в самом благоприятном расположении духа.

– Любезный Павел Дмитриевич, – сказал Загряжский. – Вашего дела я решить не могу, оно находится у графа Блудова, но позвольте выразить вам самое искреннее сочувствие и сожаление, что я сгоряча не распознал в вас благородного человека. Вот вам моя рука.

Сеченов пожал вялую губернаторскую руку, сказал, что рад был бы служить под началом его превосходительства, и с гордо поднятой головой удалился. Известие об этом событии мигом распространилось по Симбирску. Презент Сеченову от дворянства отменился сам собой, решили ограничиться дюжиной шампанского в буфете благородного собрания, что и было вскоре исполнено.

В это самое время торжества Сеченова в дверях буфета появился Верёвкин и остолбенел: благороднейшие люди губернии, столпы дворянства чувствовали его врага, от которого он в своих мыслях находился на расстоянии дуэльного выстрела. Верёвкин немедленно стусевался, поспешил к семье и на следующий день отбыл, от греха подальше, в своё поместье.

Но сильнее всего симбирян поразило посещение высокопреосвященным Анатолием дома племянника Караваяевой. Архиепископ приехал в богатой коляске, поставленной на полозья. Хотя о его приезде никто не был предупреждён, из окрестных домов мигом сбежались обыватели. Архипастырь благословил народ и прошёл в дом, где все переполошились, забегали, и Павел Дмитриевич никак не мог попасть в рукава сюртука из-за сильного смятения чувств. Его преосвященство выкушал предложенную ему чашку чая, съел две ложечки крыжовникового варенья и наедине о чём-то беседовал с Павлом Дмитриевичем. О чём именно, не известно, затем он отбыл.

Анна Петровна опоздала на это событие и очень горевала. Павел Дмитриевич сказал, что приглашён Анатолием на монастырский ужин – честь, оказанная в Симбирске очень немногим. Положение Сеченова в городе чрезвычайно укрепилось, но это мало что дало в разрешении его дела.

Наконец пришло решение из Петербурга: граф Блудов допустил Сеченова к исполнению должности сызранского городничего, но прибыл ли он в Сызрань, неизвестно. На этом след Павла Дмитриевича теряется. Возможно, он так и закончил свои дни отставным подпоручиком и коллежским регистратором, но не исключено, что стал действительным статским отставным советником, как и предсказал ему симбирский Андрей Блаженный.

Необходимо также сказать несколько слов об известности и забвении. И Сеченов, и семья Кравковых, и Загряжский были бы прочно забыты, но их имена упомянул Александр Сергеевич Пушкин. Отъезжая собирать материалы для своей «Истории Пугачёвского бунта» в Симбирск и в область Уральского казачьего войска, поэт пообещал своему другу Владимиру Одоевскому узнать о положении дела Кравковой и Сеченова.

«Теперь донесу Вашему сиятельству, – писал Пушкин, – что, будучи в Симбирске, видел я скромную отшельницу, о которой мы с вами говорили перед моим отъездом. Недурна. Кажется, губернатор гораздо усерднее покровительствует ей, чем губернаторша. Вот и всё, что я мог заметить. Дело её, кажется, кончено».

**Редакция журнала «Волга–XXI век»
поздравляет замечательного поэта и прозаика
Николая Алексеевича Полотнянко с юбилеем!**

Эдуард
АНАШКИН

«Молитвенное слово...»

**Оберег. — Союз писателей России,
издательство «Вече», 2023.**

Многим с детства знакомы строки из «Слова о полку Игореве», называемые «Плач Ярославны». В великом переводе Николая Заболоцкого они звучат так: *«Над широким берегом Дуная, / Над великой Галицкой землёй / Плачет, из Путивля долетая, / Голос Ярославны молодой...»*.

...Когда держишь в руках коллективный сборник женской поэзии «Оберег», отчётливо понимаешь: эти строки не о прошлом. Они о настоящем, о том, что происходит сегодня там, куда сборник «Оберег» придёт, чтобы согреть души наших солдат, выполняющих воинский долг на Украине. Они о тех, кто сегодня творит историю, и потому именно к ним сейчас приковано внимание всего мира...

Уникальность сборника в том, что составлен он полностью из стихов, написанных женщинами, поэтессами из разных регионов России, чья материнская, дочерняя преданность всегда была и остаётся самым сильным оберегом для бойцов. «Оберег» — словно некая коллективная молитва, взывающая к воинам: «Вернитесь живыми! Вернитесь с победой! Мы вас любим и ждём!».

Хочется поблагодарить Союз писателей России, Министерство обороны России, мецената отечественной литературы, предпринимателя В. Д. Новых и московское издательство «Вече» за то, что эта книга пришла к читателям немалым по сегодняшнему времени тиражом — в две тысячи экземпляров. Конечно, основная часть тиража этой «целевой» книги найдёт своих читателей среди воинов спецоперации, для которых, собственно, она создана и издана. За них переживает и молится вся страна устами женщин России, обладающих талантом Слова. Преемственность поколений российских поэтесс-молитвенниц подчеркнута тем, что открывается сборник стихотворениями поэтесс советского времени.

«Сколько силы в обиденном слове «милый»! / Как звучало оно на войне!.. /

Не красавцев война нас любить научила — / Угловатых суровых парней. / Тех, которые, мало заботясь о славе, / Были первыми в каждом бою. / Знали мы — тот, кто друга в беде не оставит, / Тот любовь не растопчет свою». (Юлия Друнина).

Известное выражение «У войны не женское лицо» напрочь опровергают судьба и творчество великой поэтессы-фронтовички Юлии Друниной, которая буквально со школьной скамьи ушла на фронт в пору Великой Отечественной войны, а также творчество выдающихся поэтесс, её современниц:

«Покуда муж громит врага / Своим огнём из автомата, — / Огонь родного очага / Жена поддерживает свято. / Покуда муж на поле брани, / На крыльях лётного звена, — / Своё звено весною ранней / Выводит на поле жена. / О, величавая краса, / Такая статная, большая!.. / Как небо, ясные глаза, / И косы цвета урожая. / Но больше строгости в чертах, / Ты посуровела, родная. / Отец и муж твой на фронтах. / Забота у тебя двойная. / Но сердце мужества полно, / Неутомимая в труде ты, / С отцом и мужем заодно / Куёшь оружие победы». (Вера Инбер).

Стремление к Победе и вера в неё помогают встретиться в некоем духовном пространстве тем, кто разминул друг с другом в земном времени. Тут Марина Цветаева с её великим стихотворением «Генералам двенадцатого года» и Вероника Тушнова с её знаменитым «Сапёром». Татьяна Глушкова с пронзительным «Опять без сна мне маяться во сне...», и Людмила Щипахина, призывающая: «Вставайте, люди русские!». Мы найдём в сборнике пламенную Юнну Мориц с её непримиримой «С отвращением особым / Отношусь я к русофобам», и Ольгу Фокину...

И, конечно, великое спасибо составительницам сборника «Оберег» — поэтессам Нине Поповой и Елизавете Хаплановой. Во-первых, спасибо за их

проникающие в самое сердце стихи. И отдельное спасибо за составление сборника, в котором показан широкий творческий диапазон патриотической женской поэзии. Женщина способна не только плакать, подобно Ярославне, молясь за любимых, но, если понадобится, встать с любимым плечом к плечу на фронтовом рубеже. И считать такое стояние за Родину высшей честью.

Эстафету молитвенного упования приняли поэтессы-современницы, продолжая творческое дело ушедших поэтесс-классиков. И с честью несут эту эстафету добра и света, напутствуемые председателем правления Союза писателей России Николаем Ивановым: «...С началом спецоперации первый поэтический вздох-отклик оказался, по сути, женским. Со всей России в Союз писателей шли, словно солдатские треугольники, письма с поэтическими строками в поддержку участников СВО. Из них в том числе складывались наши первые сборники – «Стихи из огня», «Позывной – «Победа», «Сыновья уходят в бой». И вдруг озарение: мы должны сказать женское поэтическое слово для защитников Отечества отдельно. Остановить именно это мгновение в нашей новейшей истории... Так появился «Оберег». В нём, может быть, самая большая правда о войне. Здесь самый напряжённый её нерв. Самое чистоедыхание. Самая истовая мольба...».

Пусть сборник «Оберег» сбережёт всех тех, кому «нету других России», согревая их сердца в моменты редкого фронтового досуга уверенностью в том, что их любят и ждут, что за них возносят молитвы к небу... А молитва срока давности не имеет, и я уверен, что после нашей неизбежной Победы эта книга будет переиздаваться не раз и не два.

И опять-таки – преемственность поколений... Не она ли залог сохранения традиции и страны, против которых сегодня так агрессивно возстал западная цивилизация, активно продвигая расчеловечивание под видом толерантности. Апокалипсис творится на наших глазах. Но часто Бог, посылая нам трагические испытания, тем самым не наказывает, а наоборот – спасает наш дух, нашу душу. Или, как сказали бы сегодня, обновляет и заново формирует социальную и духовную повестку. А обновление сегодня возможно только по пути восстановления исконных традиций: залог достойного будущего кроется в достойном отношении к прошлому.

«Если ты родился на свете поэтом, / Да не просто поэтом – поэтом русским, / Ты поймёшь, что мы зачеркнули Зетом / Европейские пошлые перезагрузки. /

Если ты родился на свет человеком, / А не суетно-либеральным фигляром, / Поневоле становишься вещим Олегом, / Чтоб отомстить неразумным новым хазарам. / И пусть песня Победы ещё не спета, / И ещё Христос попускает Иуде... / Мы с тобою поэты эпохи Зета – Несмотря ни на что – счастливые люди!» (Диана Кан, Оренбург).

«Я превратилась в слово «жду»... Так называется один из разделов сборника. И эта строчка из стихотворения московской поэтессы Ирины Мацигура поневоле заставляет вспомнить легендарное стихотворение «Жди меня»:

«Пришло и к моему гнезду... / Пришло и встало у крылечка. / Я превратилась в слово «жду», / Такое горькое словечко. / На полке замерли часы, / А в доме тихо, как в музее... / А ты у лесополосы / Лежишь в пристрелянной траншее. / Такую лямку я тяну, / Не разорваться бы на части. / Сейчас у мира на кону / Моё заплаканное счастье. / Моя вселенная теперь – / Пустое кресло у торшера, / А эта скрипнувшая дверь – / Моя единственная вера. / Из крана капает вода, / Всю ночь идёт программа «Вести»... / Из разных цифр навсегда / Я запрещаю цифру «двести»! / Дождусь черёмухи в меду, / Для встречи выберу обнвы... / Я превратилась в слово «жду», / моё молитвенное слово». (Ирина Мацигура).

Сестринское сострадание воинам, что отдают свои жизни за отчужденную землю, в своё время приводило в госпитали даже царственных женщин. Последняя российская императрица Александра Фёдоровна со своими дочерьми-царевнами перевязывали и врачевали раны солдат, раненных на полях первой мировой войны, не считая для себя зорным такое занятие. Скорее наоборот! Санинструктор и советская поэтесса времён Великой Отечественной войны Юлия Друнина и царица Ольга Романова в пору первой мировой войны, несмотря на разделявшее их время, были сёстрами по духу и состраданию к тем, чей подвиг стал щитом России. И вот строки московской поэтессы Анны Ретеюм о том, что никуда не делась эта традиция сестринского милосердия и в пору нынешней войны, которую некоторые называют третьей мировой:

«Твои целую раны, / Набрякшие бинты, / солдатик, брат названный, / велико страдаешь ты. / Горит в железном круге / земли родной судьба, – / огонь за нас, за други / ты принял на себя, / подставил эти плечи, / закрыл, как ПВО... / И подвиг твой – навечно, / нет истинней его!» (Анна Ретеюм).

И, конечно, нет в мире сильнее молитвы матери, не зря в народе говорят, что материнская молитва даже со дна морского достанет! В сборнике вы прочитаете немало таких сильных материнских стихотворений-молитв. И в каждом таком стихотворении словно незримо присутствует растворённый в трагическом лиризме строчек образ Той, что во имя человечества и человечности отпустила и благословила своего сына на вероятную гибель. И кто знает, возможно, в чуде воскресения есть немалая доля помощи святой материнской молитвы, сильнее которой нет в мире:

«Сын мой, кровиночка, Бога проси! / Выстоим!» – / Так голосили у нас на Руси / Исстари. / Жарко молились: «Храни их от бед!» – / В горнице. / И улетели за ними вослед / Горлицей. / И сыновья

поднимались на бой / Праведный. / И матерей заслоняли собой. / Правильно: / Это же их приложили к груди / Крошками. / Им губы мамы шептали: «Иди ножками!» / В мир отпускали подросших птенцов / Ласточкой: / «Не забывай про победы отцов, / Мальчик мой!» / Снова беда подступила к стране / Вороном. / Встали сыны, чтоб схлестнуться в огне / С врагом. / Мы победим черноту воронья – / Истинно! / Матери, деды, отцы, сыновья, / Выстоим! (Любовь Сердечная).

Без малого сто поэтов своими стихами встретились в уникальном сборнике «Оберег», обложкой которого стала картина художницы из Донецка Лилии Агабекян. Встретились в противостоянии смерти на стороне любви, во имя Победы нашего славного воинства, делая своей верой нашу Победу неизбежной.

Елизавета МАРТЫНОВА

Время в янтаре

Игорь Шведов. Ощущение времени. — Саратов: изд-во «Саратовский источник», 2023.

Всеохватность и в то же время зыбкость названия поэтического сборника Игоря Шведова свидетельствует об авторском замахе: передать время в ощущениях для художника слова – задача очень непростая. В аннотации подчёркнута мысль о том, что время прочувствовано «в духовной, философской, личной, социальной, общечеловеческой сферах существования». Время, считает поэт, можно передать в «зарифмованных фрагментах пёстрой мозаики, которые и составляют понятие «жизнь».

И действительно, время в книге Игоря Шведова предстаёт в разных ипостасях: время в философском плане, как нечто условное и человеком труднодостижимое; время историческое и – время человеческой жизни, бытовое, близкое и понятное, растворённое в любви и природе. Яркое понимание времени художественно: так снег в световом круге фонаря, «промелькнув, летит сразу в прошлое», так «душа – бессмертный мотылёк» существует в бесконечности Вселенной.

Замечателен образ времени, застывшего в янтаре, – в ключевом стихотворении «История».

*...И время сгладит острые углы,
События до блеска полируя,
А истина – узор внутри смолы,
Меж домыслов сильнее интригует...*

*Не знаем мы, как дело было встарь,
Смолу и мошку время породнило,
Но ведь янтаре – он потому янтаре,
Что время то навеки в нём застыло.*

Лучшие лирические находки сборника неожиданны и просты, лежат в области быта, дома, обычных природных явлений – так тоже проявляется время. Восхищает фокус взгляда, необычный ракурс, найденный в том или ином стихотворении:

*Нас дождь посадил под домашний арест.
Под шумным надзором бесчисленной
стражи
И мы стали частью досадной пропажи –
Весь мир окружающий будто исчез.*

Или:

*Звёзды заняли положенное место,
Ни одна не проспала, не прогуляла.
Это значит, в мирозданье повсеместно
Есть порядок для конца и для начала.*

Игорю Шведову удаются короткие лирические зарисовки, в которых присутствуют тонкое чувство природы, ощущение связи её с человеком, с его душой. Стихи о природе – стихи-рассказы в духе 19 века (но при этом городской пейзаж вполне узнаваем).

*Мой живописный тесный двор
Укутался по плечи снегом.
И неба холоден простор,
И так же холодно под небом.
Берёзы остов вдалеке
Ещё чуть розов от рассвета,
А ветви, словно бы в платке,
Красой пушистой разодеты.
Раскинулся калины куст:
На снегирей похожи гроздьё.
Скворечник бесприютно пуст,
И даже кот под ним не бродит.
Полуразваленный сарай
Углом чернеет на пригорке,
Поодаль – низенькие ёлки,
Над этим всем вороний грай.
Вспугнул их колокола звон,
От крыльев небо запестрело,
Средь перепуганных ворон
Мелькнули солнечные стрелы.
А к высям тянутся дымы,
Как будто руки богомольцев.
Дай, Боже, нам и средь зимы
Согреться счастьем, словно солнцем.*

Игорь Шведов – мастер стихотворного рассказа, когда прозаический сюжет неторопливо, естественно развивается в стихах, и читатель не замечает рифм, а следит за ярким разворачивающимся полотном. Радует, что они понятны любому читателю, но это не специальное упрощение, а просто особый взгляд на мир («День солдата из стройбата», «Бабай», «Сказ о помещике Галкине», «Антимилитаристическое», а стихотворение «Пётр Орешин» – фактически маленькая поэма).

Значительную часть сборника составляют стихи о любви, причём о любви не выдуманной, а вполне себе реальной и земной, без всяких виртуальных вывертов. Любовь так же в стихах Игоря естественна, как природа. «Зябь усыпана сливами, / Пропадать обречёнными... / Мы встречаем счастливыми / Осень, солнцем смягчённую...»

Радует ощущение гармонии между человеком и природой – и между людьми,

жизни которых рифмуются друг с другом. Любовная лирика Игоря Шведова фактически лишена конфликта и напряжения, но в ней есть то тепло и та человеческая радость, которые привлекают читателя.

Грусть в стихах Игоря Шведова переплетена с иронией и самоиронией, но, пожалуй, чисто лирические, выдержанные в одной тональности стихи ему удаются лучше всего:

*Свяжи мне шарф из солнечных лучей!
С твоим умением по силам это чудо.
Его носить я буду, жив покуда,
И согреваться нежностью твоей.
Свяжи мне шарф из солнечных лучей.*

*Вплети в него сияние луны,
Её волшебные, мерцающие нити,
Волнующие таинства открытий
Сердец, что беззаветно влюблены.
Вплети в него сияние луны.*

*И жизнь, и смерть – одна и та же нить,
Но время чуткое становится
на стражу...*

*И если рок осмелится на кражу,
Пусть не посмеет нас разъединить.
И жизнь, и смерть – одна и та же нить.*

По-разному можно относиться к формальным экспериментам Игоря Шведова – экспериментам с формой, пока их внешняя нацеленность ещё слишком видна («свиток» – приходится объяснять читателю, что эта форма, в которой нужно читать между строк и т.п.). Но, по крайней мере, такие вещи стихотворные вносят разнообразие в книгу и показывают нам возможности её автора, те пути, которыми он может пойти в дальнейшем.

А пути эти очень разнообразны и разноплановы. Владя поэтическим эпическим даром, автор может создавать масштабные повествовательные полотна, развивая возможности, заложенные в таких стихотворениях, как «Пётр Орешин». Может создавать циклы трепетных лирических стихов, объединённых единым гармоничным настроением. Самое главное, что Игорь Шведов осознаёт своё призвание и говорит о нём без ложного пафоса, естественно и просто:

*...«Писать лишь то, о чём хотел,
Под современности прицелом –
Не много ль ты, поэт, посмел?»
«Я просто делал своё дело».*

*Земля без войн и без границ –
Таким бы видеть мир хотел я
Среди родных счастливых лиц
И просто делать своё дело.*

*Валентина Соболева.
Фото передано Ливией Шutowой*

Журнал «Волга–XXI век» зарегистрирован МПТР РФ,
свидетельство ПИ № 77-16080 от 6 августа 2003 года.

Учредители: Министерство информации и массовых коммуникаций Саратовской области,
Саратовское региональное отделение Общероссийской общественной организации
«Союз писателей России».

Издатель: ГАУ СМИ СО «Регион 64».
Директор – В. В. Степанов.

Редакция:

Главный редактор – Е. С. Данилова.

Дизайн и вёрстка – Л. В. Баранова.

Корректор – Е. Н. Березина.

Подписано в печать 16 июня 2023 года.

Дата выхода в свет 30 июня 2023 года.

Журнал отпечатан в ООО «Амирит».

Адрес типографии: г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.

Заказ № 41/16063

Цена свободная.

Адрес издателя: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Адрес редакции: г. Саратов, ул. Сакко и Ванцетти, 41.

Тел. (факс): (845-2) 72-10-06.

E-mail: lizamart@yandex.ru

Сайт: www.g-64.ru/volga

Подписной индекс: П4923

При перепечатке ссылка на издание обязательна.

Редакция не рецензирует рукописи, а только сообщает о своём решении.

Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 15,60.

Бумага типографская. Печать цифровая.

Тираж 100 экз.

© ГАУ СМИ СО «Регион 64», 2023.

© «Волга–XXI век», 2023.

«Испанский священник». Виолетта.
1960 г.

«Без вины виноватые».
Кручинина. Галчиха – А. Стрижова

В. К. Соболева в роли Елены
в пьесе М. Горького «Мещане»

